



ШКОЛА СРАВНЕНИЙ

**К 65-летию профессора
Юрия Михайловича Почты**



**Москва
Российский университет дружбы народов
2014**

УДК 32.00.1(082)
ББК 66.0
Ш67

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Ответственный редактор –
Н.С. Кирабаев

Редакционная коллегия:
Н.С. Кирабаев, М.М. Мчедлова, Д.Б. Казаринова

Ш67 **Школа сравнений. К 65-летию профессора Юрия Михайловича Почты** : сборник материалов / Н. С. Кирабаев (отв. ред.), М. М. Мчедлова, Д. Б. Казаринова. – Москва : РУДН, 2014. – 298 с. : ил.

Сборник подготовлен к 65-летию юбилею доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов Ю.М. Почты как междисциплинарное исследование философских и политических проблем современности. Объединяющим моментом являются грани научного интереса юбиляра и сравнительная перспектива. Авторы сборника – ведущие ученые РУДН, преподаватели и аспиранты кафедры сравнительной политологии, бывшие ученики и коллеги профессора Ю.М. Почты, объединенные общим научным поиском в векторе компаративной методологии.

The collection was prepared in connection with the 65th anniversary of Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Comparative Politics of People's Friendship University of Russia Yuri Pochta, as an interdisciplinary study of the philosophical and political issues of our time. The unifying factor is the many-sized scientific interest of the celebrant coupled with a comparative perspective. Authors of the book are leading scientists of People's Friendship University, professors and post-graduate students of the Chair of Comparative Politics, as well as former students and colleagues of Professor Pochta, impelled by a common scientific search in the sphere of the comparative methodology.

ISBN 978-5-209-06102-1

© Коллектив авторов.
Отв. ред. Н.С. Кирабаев, 2014
© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2014

ВВЕДЕНИЕ

У Гегеля есть замечательная идея: «Общее отпускает на некоторое время единичное, а затем возвращает его вновь в свою целостность». Творческая деятельность Почты Юрия Михайловича – это в первую очередь понимание его гражданской и нравственной позиции.

Юрию Михайловичу – видному российскому ученому, специалисту в области методологии философии истории и философии политики, ценностных аспектов восприятия мусульманского общества в западной и российской политической культуре – в этом году исполняется 65 лет и 33 года его научной и преподавательской деятельности. Вся его творческая жизнь связана с Российским университетом дружбы народов, в который он поступил в 1971 г. после работы на предприятиях металлургического завода в г. Днепродзержинске и службы в армии. Он окончил в 1978 г. факультет экономики и права по специальности «Юриспруденция», аспирантуру по кафедре философии в 1981 г., защитил кандидатскую диссертацию по теме «Диалектика общего и особенного в становлении арабо-мусульманского общества» в 1982 г. и докторскую диссертацию по теме «Мусульманское общество в европейской философии истории» в 1995 г. Его трудовая деятельность в РУДН началась в 1981 г. сначала в должности ассистента кафедры философии, затем доцента, профессора, зам. декана по научной работе факультета гуманитарных и социальных наук (ФГСН), зав. кафедрой сравнительной политологии.

Трудно переоценить роль Юрия Михайловича в становлении и развитии ФГСН, который был основан в 1996 г. При его непосредственном участии в 1991 г. на базе Российского университета дружбы народов был открыт Межвузовский центр по изучению философии и культуры Востока, который в 2004 г. был переименован в Межвузовский центр гуманитарного образования по философской компаративисти-

ке. В рамках этого центра было подготовлено более 30 кандидатов и докторов наук, около 50 монографий и сборников научных трудов, и на его международных философских симпозиумах и методологических семинарах «Сагадеевские чтения» обсуждались проблемы философской компаративистики и сравнительной политологии учеными более чем из 30 стран арабского Востока, Индии, ЮАР, стран Центральной Азии, Франции, Германии, США, Канады, Казахстана и ряда стран СНГ. Важное значение имеет и подготовленная при его участии международная программа «Диалог цивилизаций: Восток–Запад» в рамках которой уже состоялись 15 международных форумов, в том числе 5 конференций ученых России и Египта. Необходимо отметить, что во многом благодаря профессору Ю.М. Почте факультет и сегодня имеет свое собственное научное лицо. Научные школы факультета широко известны как в России, так и за рубежом.

Он основал и заведует кафедрой сравнительной политологии на факультете гуманитарных и социальных наук РУДН (с 2005 г.). Кафедра внесла заметный вклад в развитие РУДН и факультета гуманитарных и социальных наук, так как с самого начала она была нацелена на создание уникальных инновационных образовательных программ «Двойных дипломов», обеспечивая подготовку студентов политологической магистратуры по специализации «Политические проблемы международных отношений и глобального развития».

Со времени своего создания кафедра работает в полном соответствии с параметрами, предусмотренными Болонским процессом, синтезируя лучшие достижения российского и европейского высшего образования: трехступенчатая система обучения (4+2+3) (бакалавриат, магистратура, аспирантура); кредитно-модульная система; преподавательская и студенческая академическая мобильность; программы двойных дипломов с зарубежными университетами; программы двойного научного руководства в аспирантуре с зарубежными университетами.

Под руководством Почты Ю.М. была успешно продолжена деятельность совместной магистерской программы с Институтом политических исследований города Бордо (Франция) по направлению «Политические проблемы европейской интеграции». Были созданы совместные магистерские программы: в 2008 г. с юридическим факультетом Университета Пьера Мендеса Франса (Гренобль-2, Франция) по направлению «Публичное администрирование»; в 2009 г. с Шаньдунским университетом (г. Цзинань, Китай) по направлению «Политические проблемы глобализирующегося мира»; в 2010 г. с Потсдамским университетом (ФРГ) «Публичное администрирование – политические науки». Тем самым Почта Ю.М. создал два новых направления подготовки магистров: «Политические проблемы глобализирующегося мира», «Публичное администрирование – политические науки» по программам двойных дипломов с зарубежными университетами.

Он руководил работой сотрудников кафедры по созданию аспирантуры с двойным руководством с университетами-партнерами по совместным магистерским программам (Франция, Китай). Два таких аспиранта уже успешно защитили свои диссертации в Институте политических исследований г. Бордо (Франция). Для обеспечения финансовой стороны учебы за рубежом Ю.М. Почта с коллективом кафедры организовал участие студентов и аспирантов в конкурсах на получение российских и зарубежных стипендий. Студенты совместных магистратур и аспиранты неоднократно были победителями во Всероссийском открытом конкурсе на стипендии Президента Российской Федерации для обучения за рубежом, получали стипендии Правительства Франции, а также докторантскую стипендию «Eiffel Doctorat», которая предоставляется лучшим иностранным докторантам от французских университетов.

С целью обеспечения учебного процесса в совместных магистерских программах современными учебными по-

собиями Почта Ю.М. подготовил учебно-методический комплекс «Ислам и политика» в рамках Инновационного образовательного гранта РУДН. Он был создан с учетом потребностей зарубежных университетов-партнеров, а также новых технологий обучения, включая компетентностную и кредитно-модульную модели обучения. Этот курс успешно читается им на нескольких факультетах в РУДН и в РГГУ. Подготовлены также учебно-методические комплексы по авторским учебным курсам «Политическая культура: Россия, Запад, Восток»; «Стратегический баланс и стратегическая стабильность в условиях формирования новой системы международных отношений»; «Современные проблемы сравнительной политологии».

Почта Ю.М. является высококвалифицированным преподавателем и умелым руководителем. Его лекции для студентов и аспирантов отличаются профессионализмом, логической культурой, глубиной содержания, творческим подходом к излагаемым проблемам, доброжелательностью по отношению к студентам. Под его руководством были подготовлены и защищены одна докторская и три кандидатские диссертации соискателей и аспирантов из Российской Федерации, Армении и Узбекистана. Одна из кандидатских работ была подготовлена на соискание степени РШ при двойном научном руководстве и защищена во Франции в Институте политических исследований города Бордо.

Принимал участие в экспериментальной апробации кредитно-модульной системы в аспирантуре РУДН в 2009–2010 гг. (основная образовательная программа послевузовской профессиональной подготовки аспирантов по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»). В 2009 г. руководил созданием программы подготовки аспирантов на английском языке по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития».

Почта Ю.М. имеет 102 печатные работы. За последние 10 лет опубликовано 40 работ (из них – 7 в соавторстве, в зарубежных изданиях на иностранных языках – 11, в монографиях – 8).

Участвовал в реализации 14 научных проектов по грантам РГНФ, Минобрнауки России, РУДН, Немецкого общества академических обменов (БАЛИ), Института «Открытое общество» (из них в трех в качестве руководителя: «Векторы посткризисного мира: новые модели публичной политики» (2010 г.); «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях» (2009–2011 гг.); «Африка: динамика политических изменений и проблемы обновления» (2008–2009 гг.).

Участвовал в научных конференциях, симпозиумах и семинарах за рубежом: Германия (Бремен, Берлин), Португалия (Лиссабон, Коимбра, Понта-Дельгада), Испания (Севиля), Иран (Тегеран), Китай (Пекин, Ухань, Шанхай), Франция (Бордо), США (Вашингтон, Нью-Йорк), Болгария (София), Египет (Каир, Асуан), Украина (Львов). Дважды приглашался в качестве докладчика на сессии Мирового форума «Диалог цивилизаций» (2012, 2013 гг., Родос, Греция).

В качестве приглашенного профессора выступал с лекциями в университетах Франции, Германии, Португалии, Узбекистана, Китая.

Он является председателем методического совета по специальностям и направлениям (по социальным наукам) и директором направления «Политические науки и регионоведение» в РУДН; председателем диссертационного совета Д 2212.203.20 по политическим наукам при РУДН (с 2002 г.); членом диссертационного совета Д 212.203.02 по философским наукам при РУДН (с 1999 по 2002 г. исполнял обязанности ученого секретаря этого совета); главным редактором серии «Политология» журнала «Вестник Российского университета дружбы народов»; экспертом Российского гуманитарного научного фонда (с 2000 г.). Большую общественную и

профессиональную деятельность профессор Ю.М. Почта ведет как член Российской ассоциации политических наук; член Российского философского общества; член Совета по изучению ценностей и философии (США); действительный член Российской Академии социальных наук (с 2008 г.); член-корреспондент Бразильской академии философии (с 2009 г.); заместитель директора межвузовского Центра гуманитарного образования по философской компаративистике (1993–2005); член научного комитета, ответственный секретарь оргкомитета Международного философского симпозиума «Диалог цивилизаций: Восток–Запад» (Москва, РУДН, 1992, 1995, 1997, 1999, 2002, 2003, 2004, 2005 гг.); член Национальной коллегии политологов-преподавателей России (с 2008 г.); эксперт представительства Фонда Фулбрайта в Москве (1999–2003 гг.); член Совета по изучению ценностей и философии (США); член Европейского общества центрально-азиатских исследований, Утрехт, Голландия 1998–2005 гг.; член Нордическо-Балтийско-Российской сети подготовки аспирантов по проблеме демократического правления в 2005–2007 гг.

Почта Ю.М. – председатель Научно-технического совета РУДН (с 2007 г.), который определяет и обеспечивает развитие научных направлений в Университете. За последние годы многие научные достижения РУДН связаны с его активной и многогранной деятельностью организатора и подвижника науки, в том числе высоких позиций Университета в российских и зарубежных рейтингах. Юрий Михайлович награжден знаками Почетного работника высшего профессионального образования РФ и Почетного работника науки и техники РФ.

Личные качества Юрия Михайловича во многом обусловили его успешную и профессиональную деятельность. Он является замечательным арабистом, олицетворяющим лучшие традиции отечественного востоковедения и научной школы РУДН. Именно междисциплинарный характер его ис-

следований, широкая эрудиция, многогранный научный талант обеспечили высокий авторитет авторского коллектива научной школы Университета при издании ряда коллективных монографий по проблемам ценностей мусульманской культуры и диалога цивилизаций в зарубежных издательствах. Его знаками достоинства являются умение видеть проблему в широком контексте, замечательные организаторские способности, тактичность, внимательность, принципиальность, требовательность, открытость к сотрудничеству, дружелюбие, большое чувство юмора, умение быть другом и товарищем. Мне необычайно повезло работать с ним на протяжении трех десятилетий, обсуждать с ним научные проблемы, анализировать магистральные направления развития науки в Университете, принимать участие вместе с ним в многочисленных конференциях, семинарах и просто «посиделках», и для меня Честь быть его другом и товарищем.

*Заслуженный деятель науки РФ,
профессор,
проректор по научной работе РУДН
Н.С. Кирабаев*



РАЗДЕЛ 1
ИСЛАМ И ПОЛИТИКА



Ю.М. Почта, Т.В. Оберемко

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА
В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА**

Фундаментализм как бегство от современности

Современное мусульманское общество живет в условиях глобализации и подвергается всестороннему воздействию со стороны более развитых стран западного мира. Это воздействие проявляется в том, что глобализация делает господствующим рыночный принцип организации социальной жизни. Рыночная конкуренция становится повсеместной, проверяющей на выживание социальные отношения, институты и ценности в различных обществах. Проблема выживания затрагивает и социальное. Предположения о конце социального (западной цивилизации) в кризисные периоды истории западного общества были присущи представителям модерна (О. Шпенглер, А. Тойнби). Современные постмодернисты (Ж.В. Бодрийар) также выдвигают предположения о конце социального, о конце политики. Разумеется, имеется в виду не исчезновение социального и политики как таковых, а существенное изменение наших представлений о них в связи с отмиранием устаревших форм социальности.

Так, Ж. Бодрийар полагает, что наша современность представляет собой массовое общество как имплозивное явление, «не осваиваемое никакой традиционной практикой и никакой традиционной теорией, а может быть и вообще любой практикой и любой теорией». Не имея ни прошлого, ни будущего, массы не могут иметь реальной истории. Они представляют собой гигантскую черную дыру, поглощающую и уничтожающую культуру, знания, власть и социальное. Состоящее из них общество лишается рационального

начала, а социальное теряет смысл. Возникает пост-политическое пространство, где политика становится самореферентной дискурсивной деятельностью¹. Массы желают зрелищ, они интересуются лишь знаковостью, игрой символов, не обладающих смыслом, существуя в сфере симуляции в пространстве невыразимого социального или в пространстве, где социального уже нет. Социальное и политика оказываются симуляцией, симулякрот. Реальность общественной жизни превращается в гиперреальность в которой доминируют симулякры как самодостаточные и ни к чему не отсылающие знаки. Человек живет в конструируемой им самим знаково-символической среде, в том числе и в экономике. При таком понимании продолжающийся мировой кризис можно трактовать как первый глобальный кризис гиперреальной экономики.

Глобализация предлагает вызовы как для субъектов, так и объектов этого процесса, поэтому остро реагируют на нее самые различные общества. Как пишет П.К. Гречко, «современность несет с собой обустроенность, удобства, уют быта и одновременно – неопределенность, негарантированность, дискомфорт бытия. Некоторые не выдерживают ее исторического напряжения, теряются перед ее новизной и дезертируют – подальше от “кошмара прогресса”, в консерватизм, традиционализм, инволюционизм»².

Одной из заметных форм такого бегства от глобальной современности в обществах Запада и Востока становится фундаментализм. Напомним, что под фундаментализмом обычно понимается совокупность таких взглядов, в которых выражается сознательный протест традиционной культуры

¹ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 7, 8, 15.

² Гречко П.К. Темпоральная многослойность социального: современность как вызов // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 317.

против процессов модернизации. Это понятие возникло в США во второй половине XIX в. для характеристики ряда христианских групп. Позже это понятие стало употребляться западными авторами при изучении ислама, иудаизма и других религий. Его используют для характеристики теоретической и практической активности различных религиозных и политико-религиозных движений и организаций – христианских (протестантских, католических и православных), иудаистских, исламских, индуистских и буддистских. Вовлеченность в него представителей многих обществ превращает фундаментализм в глобальное явление, отражающее стремление его сторонников вернуться к духовным истокам, к корням, достичь сплоченности общества на основе религиозных ценностей, возродить «истинную» религию и воссоздать на ее основе общество.

С этой точки зрения мы считаем правильным предложение И.В. Кудряшовой «отказаться от использования термина “фундаментализм” как синонима “возвращения религии в политику” и ограничить его употребление характеристикой сферы религиозного мышления и деятельности, направленной на восстановление аутентичности религии на основе священного текста»³.

Фундаментализм присущ как традиционным религиям, так и новым религиозным движениям и сектам. Наряду с религиозным существует и секулярный фундаментализм, к которому можно отнести социальные движения (право- и левозэкстремистские, экологическое, феминистское) и политические движения (марксистский, либеральный фундаментализм).

Для фундаментализма характерна приверженность его сторонников определенной идее, которую они используют для критики современности и предлагают реализовать на

³ Кудряшова И.В. Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука: религия и политика. 2013. № 2. С. 18.

практике. В этом смысле фундаментализм выступает современной формой культурного творчества, способом интерпретации социальных явлений, воспроизводства смысла социального существования. Сторонникам фундаментализма присуще обращение к мифологическому времени. Они доказывают существование разрыва между когда-то имевшим место «золотым веком» и современностью, которая, по их убеждению, представляет собой результат деградации идеальной модели. Они отвергают линейное прогрессистское представление об истории человечества, созданное европейским Просвещением в процессе демифологизации и секуляризации картины мира. Осознание трагического противоречия между идеалом и действительностью приводит фундаменталистов к желанию отыскать виновных и вернуть общество в прежнее состояние. То есть такое понимание эволюции общества состоит в стремлении искать будущее в прошлом посредством возврата к «подлинной» религии и преодоления религии «коррупированной». Формирование религиозного фундаментализма имело место в контексте модернистской эпохи, когда происходила секуляризация общества в ее различных вариантах, утрата традиционных религиозных и нравственных ценностей и попытка их замены светскими религиями. Для антиисторического и традиционалистского религиозного фундаментализма общества проектов модерна и постмодерна изначально неприемлемы и представляются регрессом по сравнению с «золотым веком», который явно расположен в эпохе премодерна.

Существенная часть фундаменталистских движений нацелена на утверждение религиозной природы современных обществ. Возврату к религиозным идеологиям, в частности, способствует произошедшее после распада мировой социалистической системы исчезновение идеологической антинормы либерализма и социализма. Без нее существенная часть человечества, не принимающая либерализм, оказалась в ситуации утраты надежды на достижение социальной справед-

ливости, на сохранение основ своей традиционной культуры. В этих условиях накопился потенциал социальной энергии, которая не может быть реализована через модель рационального приспособления к глобализирующейся современности в ситуации неравного партнерства Севера и Юга, Запада и Востока. Обострилась потребность в смене идейно-ценностных установок как на уровне элит, так и масс. Так, в самосознании жителей ближневосточного региона доминирующая роль начинает переходить от национализма к исламской политической идентичности, содержащей целый спектр направлений – от умеренных до самых радикальных. Представляется, что усилившаяся после событий «арабской весны» 2011–2012 гг. исламизация политической жизни ряда мусульманских стран иллюстрирует успех фундаментализма и заметный кризис светской политической культуры (включая идею арабского национализма), которая уступила часть политического пространства исламской политической культуре (политическому исламу).

В западных обществах, в ответ на кризис прежних форм социальности, особую актуальность приобрели призывы к защите семейных ценностей, преодолению индивидуализма, к одухотворению жизни в демифологизированном мире, к вере в Бога. Усиление религиозности проявилось здесь в форме усиления консервативных настроений. Они являются в основном реакцией коренного населения на кризис либеральной демократии и на негативные последствия глобализации. Многолетние и практически бесконтрольные миграции населения из Азии и Африки в США и Западную Европу привели к осложнению отношений между коренным и пришлым населением. В результате как те, так и другие склонны обращаться к религиозной политической идентификации, видя в ней способ защиты от чужеродных культурных влияний и решения социальных проблем. Организующей идеей этого поиска является формирование образа «чужого» и проповедь ненависти к нему как причине всего зла в обще-

стве. Почвой для этого служит реанимация никуда не исчезающих идей национализма, шовинизма, расизма. Ослабление антисемитизма компенсируется возникновением антиисламизма. Возможно, в XXI в. антиисламизм становится такой же характерной чертой крайне правой идеологии, как антисемитизм в прошедшем XX в. Распространенным в последнее время становится феномен «языка ненависти» (hate speech), косвенно отражающий мир конфронтующих идентичностей, сосуществующих в поликультурном обществе и порой искусственно «подогреваемых» к взаимной вражде политическими мотивами⁴. Избирательно, применительно к целому ряду политических режимов в мусульманском мире, не устраивающих Запад по экономическим, стратегическим и военным причинам, используются культурные коды авторитаризма, терроризма, фанатизма, бесправия⁵.

Исламский фундаментализм и политический ислам

В политической жизни отдельных стран и в мировой политике свое практическое применение могут находить фундаменталистские идеи. В этом случае идеи, образы, символы традиционной или светской религии становятся компонентами политической идеологии, способствуют политической мобилизации граждан, обеспечивают легитимацию отдельных политиков, политических институтов и политических движений. Поэтому было бы неверно во всех случаях отождествлять исламский фундаментализм и исламский экстремизм. Сторонники фундаментализма могут использовать законные средства защиты ислама, не быть активными участниками политической жизни. Однако в ряде случаев фун-

⁴ Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: КомКнига, 2005. С. 161–166.

⁵ Smith Ph. Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War and Suez. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005.

даментализм политизируется и порождает радикализм. При этом могут использоваться насильственные способы реализации фундаментализма как политической идеологии⁶.

В этом контексте борьбы за власть возникает представление о том, что как в мусульманском мире, так и в западном обществе происходит столкновение фундаментализмов: представители коренного (христианского/постхристианского) населения склоняются к крайне правой идеологии, а иммигранты-мусульмане – к исламскому фундаментализму. Это конфликт исламского фундаментализма и фундаментализма демократического⁷. События «арабской весны» 2011–2012 гг. также могут трактоваться в культурно-цивилизационном ключе как борьба между теми, кто планирует создание деспотического фундаменталистского халифата, и представителями гражданского общества, защищающими демократию и права человека⁸.

Постсекулярное возвращение религиозности в публичное пространство Жорж Корм воспринимает настороженно, трактуя его как спланированный процесс инструментализации религии и религиозной идентичности, превращаемых в оружие массового уничтожения. Он предполагает за этим попытку оправдания легитимации господства США как сверхдержавы, господствующей в современном мире и стремящейся восстановить авторитет иудео-христианства как основы западной цивилизации. Он полагает, что англосаксонский и континентальный неоконсерватизм предполагает возвращение религиозности для обоснования его морального авторитета и оправдания нового геополитического порядка, которому якобы угрожает варварство в лице исламизма. За-

⁶ Esposito, John L. *Unholy War: Terror in the Name of Islam*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.

⁷ Barber, Benjamin R. *Jihad vs. McWorld*. N.Y.: Ballantine Books, 2001.

⁸ Фарес С. *Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке*. М.: Эксмо, 2012. С. 25.

падное обращение к религии свидетельствует не столько о возвращении религиозности, сколько о применении религии в геополитических целях. То есть это «важный политический феномен, религиозный лишь по названию»⁹.

Проявления религиозного фундаментализма можно наблюдать и во внешней политике ряда стран. Хомейнистский Иран декларировал свою враждебность большому Сатане (США) и малому Сатане (СССР). А развязанная американской администрацией после 11 сентября 2001 г. глобальная война с терроризмом имела теологическое определение бескомпромиссной войны с неким злом. Христианские фундаменталисты, имевшие поддержку Президента США Дж. Буша-мл., трактовали терроризм как зло, связанное с исламским фундаментализмом. Получается, что США формировали свою внешнюю политику в контексте религиозной парадигмы, объявляя крестовый поход против иноверцев, в данном случае против мусульман¹⁰. Разумеется, это была идеологическая конструкция, в которой исламизм был превращен в симулякр. Можно согласиться с З. Бжезинским в том, что «акцент на терроризме был политически целесообразен в силу расплывчатости этого понятия. После 11 сентября понятие “терроризм” было доведено до сознания каждого американца. Как следствие, не было никакой необходимости объяснять ни как ведется “глобальная война с террором”, ни как узнать, когда закончится эта война нового типа с неуловимым врагом... Терроризм заменил советское ядерное оружие в качестве главной угрозы, а внушающие страх террористы

⁹ Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис модерна. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. С. 44.

¹⁰ Philips K. American Theocracy: The Peril and Politics of Radical Religion, Oil, and Borrowed Money in the 21st Century. N.Y.: Viking, 2006. P. 339.

(потенциально вездесущие и в целом отождествляемые с мусульманами) пришли на смену коммунистам»¹¹.

Симулякр исламского терроризма политически удобен еще и потому, что в современном западном обществе милитаризм становится существенным элементом формирования национальной идентичности. Используя концепцию «общества спектакля», Генри Жиро пишет о том, что «язык политики во все большей мере опосредуется спектаклем терроризма, в котором страх и насилие стали ключевыми понятиями для осознания индивидом своего места в обществе. ...Закон и насилие стали неразличимыми по мере вхождения обществ в кризис легитимности, неспособных гарантировать защиту своим гражданам, усиливая культуру страха». В этих условиях граждане теряют свой прежний статус потребителей материальных продуктов и организуются в основном не посредством общей ответственности, а общих страхов»¹². Воспроизводящие гиперреальность западные средства массовой информации делают симулякр терроризма вообще и исламского в частности одним из важных средств политической борьбы как во внутренней, так и во внешней политике. Важные экономические, политические и военные решения (о введении санкций, об ограничении прав и свобод граждан, о нанесении ударов по конкретным территориям, об уничтожении конкретных политических деятелей самолетами-беспилотниками, о создании антитеррористических коалиций, о создании военных баз за рубежом) могут приниматься, имея своей целью обеспечение безопасности перед угрозой симулякра исламского терроризма. Объявленная война с исламским терроризмом без ограничений в пространстве и во

¹¹ Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. № 1, январь-февраль 2006. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6319.

¹² Giroux H.A. *Beyond the Spectacle of Terrorism: Global Uncertainty and the Challenge of the New Media*. London: Paradigm Publishers, 2006. P. 2.

времени может вестись в гиперреальности именно против симулякра. Такая политика может служить эффективным средством борьбы с неугодными политическими режимами, а также средством контроля власти западных элит над собственным населением, социальная энергия которого уже угасла и которое, как пишет Ж. Бодрийар, образует «самую настоящую массу, большую часть времени находящуюся в состоянии неконтролируемого страха или смутной тревоги, по эту или по ту сторону здравого смысла»¹³.

Фундаментализм модерна и постмодерна

Реакцией мусульманского мира на вызов буржуазного секулярного Запада явились модернизация как максимальное приспособление исламского наследия к современности с использованием западных достижений и фундаментализм как формальный возврат к первоначальному идеальному исламу и решительный отказ от чуждых заимствований. Оба эти процесса происходят в контексте традиционализма, доминирующего в мусульманском мире.

По мнению известного российского исламоведа Р.Г. Ланды, социальная база исламизма состоит из маргинализованных людских масс мусульманского мира, которые оказались жертвами модернизации и глобализации. «В сущности, – пишет Р.Г. Ланда, – прямым результатом этих процессов модернизации и глобализации явились быстрый рост обнищания Востока, высокие темпы разорения крестьянства и обильное пополнение социальных низов восточного города гигантской массой сельских маргиналов. Около половины этих лиц остаются безработными или людьми без определенных занятий. Что превращает города прежде всего му-

¹³ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 16.

сульманского Востока в социальный пороховой погреб»¹⁴. Именно такую массу городских маргиналов сумел использовать для проведения исламской революции в Иране Аятолла Хомейни. Мы можем констатировать кризис социальности в ряде мусульманских государств, подвергшихся активному воздействию со стороны развитых стран. К ним можно отнести Афганистан, Ирак, Ливан, Пакистан, Ливию, Египет. Уже более двух лет продолжается такое вмешательство в Сирии, не прекращается подготовка планов такого вмешательства в Иран. Длющаяся с 1948 г. трагическая история создания палестинского государства также является примером десоциализации.

Исламский фундаментализм можно рассматривать с позиций цивилизационного анализа как современный ответ исламской цивилизации на вызов со стороны западной цивилизации. Представители исламской цивилизации не принимают универсалистские притязания представителей западной глобализации, понимаемой как вестернизация. В этом плане Н.С. Кирабаев приходит к выводу о том, что в условиях постмодерна не стоит искать общий (западоцентристский) знаменатель для всего человечества. Взаимодействие культур необходимо рассматривать не как субординацию, а как координацию. «Если модерн, – пишет Н.С. Кирабаев, – понимает пространство как поле возможностей, поле освоения, поле культурной экспансии и стремится придать окружающему миру определенные формы, подчинить норме, закону, то в постмодерне отсутствует такой единый четко определенный центр... Основой такого пространства... является толерантность»¹⁵. Однако действительно присущая ситуации постмодерна толерантность по отношению к различным нарративам

¹⁴ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 22.

¹⁵ Кирабаев Н.С. Кризис «современности» и современные проблемы философской методологии // Диалог цивилизаций и посткризисный мир. М.: РУДН, 2010. С. 15.

искажается политикой двойных стандартов и поэтому не всегда применяется к исламскому нарративу. Как отмечает М.М. Мчедлова, «именно противоречия между политическим метанарративом Модерна и социокультурным плюрализмом современности порождают кризисный характер политических практик и поиски новых координат общественно-политического развития»¹⁶. Возможно, что настороженное отношение к исламу вызывается тем, что мусульмане не только стремятся к сохранению исламской культурной идентичности в ситуации социокультурного кризиса, но также предпринимают попытки преодоления западного глобализма с помощью собственного глобального политического проекта. Так, по мнению Бассама Тибби, противостояние ислама и Запада является конфликтом двух универсализмов или мировых порядков и зачастую трактуется с обеих сторон как «крестовый поход»¹⁷.

Существует представление о том, что фундаментализм является архаичным средневековым явлением, родственным богословским спорам. Он действительно ориентируется на традицию, однако принадлежит культуре модерна. Именно модерн, разрушая традицию, секуляризируя общества, порождает фундаментализм. В этом отношении мы согласны с выводами Карен Армстронг о том, что фундаментализм является одним из современных религиозных экспериментов, который способствовал возвращению религии в мировую политику. «Фундаменталисты, – пишет она, – превращали миф своей религии в логос, либо отстаивая научную истинность ее догм, либо пытаясь из сложной мифологии создать рационализированную идеологию»¹⁸. Фундаментали-

¹⁶ Мчедлова М.М. Возвращение религии, или Новый мир: в поисках объяснения // Политическая наука: религия и политика. 2013. № 2. С. 27.

¹⁷ Tibi B. The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder. Berkeley: Univ. of California Press, 2002. P. 15–17.

¹⁸ Армстронг К. Битва за Бога: история фундаментализма. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С. 420.

лизм неизбежно оказывается продуктом модернизации, реакцией на все возрастающее значение как внерелигиозных, рациональных факторов жизни общества, так и современной политической мифологии, гражданских религий общества модерна. Его теоретики избирательно обращаются к традиции (используя одни и отказываясь от других ценностей), опираясь на свои, современные представления о должном. Они подкрепляют свою позицию прямым обращением к священному писанию (Библии, Корану), создавая собственную систему ценностей религии и вводя новации (например, «теология освобождения», «исламское гражданское общество», «исламская демократия», «исламский социализм»). Реактивный (на модерн) характер исламского фундаментализма позволяет также утверждать, что исламизация является современным явлением, выражающим глобализацию и вестернизацию мусульманского мира. Хотя исламские радикалы иллюзорно полагают, что представляют традицию, но в реальности они выражают неприятие, негативную форму вестернизации. При этом фундаментализм в свою очередь может выступать орудием вестернизации¹⁹.

Получается, что демонстративный антимодернизм фундаментализма неизбежно сочетается с его модернистскими чертами. Они состоят в очевидной предрасположенности к формированию тоталитарной идеологии с элементами рациональности. Сторонники фундаментализма исходят из убеждения в доминировании политики над религией, а также стремятся к преобразованию основных политических институтов общества на основе социального проекта и проявляют готовность использовать технологические и организационные достижения западной цивилизации. Разумеется, происходит это за счет эклектического соединения веры с разумом, откровения с наукой.

¹⁹ Roy O. *Globalised Islam: The Search for a New Ummah*. London: Hurst & Company, 2004. P. 15–29.

Фундаментализм амбивалентен, он содержит в себе как конструктивное, так и деструктивное начала. Его концепции вполне современны и инновационны. Известна значимость созданной католиками «теологии освобождения» в Латинской Америке. Сформированная Хомейни концепция исламского правления стала революционным переворотом в шиитской политической традиции. Сторонники фундаментализма способны эволюционировать в сторону реформаторства или даже модернизма, что обычно происходит с появлением новых, общегосударственных масштабов ответственности, например, такая эволюция происходит в Иране²⁰. В современном обществе итоги реализации первоначально выглядевших утопическими теократических проектов существенно отличаются от замысла. Подобные отступления тем заметнее, чем больше масштаб и дольше практическая жизнь проекта. Фундаменталистская модель социума может способствовать поискам рационального пути социального развития, создания нормативных образцов человеческого будущего. Это позволяет нам сделать вывод о том, что, с учетом возможности плюрализма социокультурных моделей модернизации, легитимный и легальный фундаментализм может выступать важным фактором развития ряда современных мусульманских обществ.

При этом следует учитывать различие между фундаментализмом эпохи модерна и постмодерна. В эпоху модерна шла серьезная борьба секуляризма с религиозной традицией, поэтому фундаментализм мог оказывать реальное политическое влияние, зачастую сближаясь с консерватизмом. А в западной культуре постмодерна, в которой традиция в основном преодолена, ее возвращение в публичное

²⁰ Армстронг К. Битва за Бога: история фундаментализма. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С. 423; Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука: новые направления. 2003. № 2.

пространство воспринимается обществом толерантно. Если традиция и используется для формирования культурной идентичности, то это уже посттрадиционная идентичность. Не обладая реальной силой, фундаментализм не оказывает заметного влияния на реальное развитие постсекулярного общества. Возвращение религии не сопровождается клерикализацией. Из-за этого бессилия он может принимать радикальные формы теологии отчаяния, вплоть до превращения в идеологию терроризма. Но и терроризм в обществе постмодерна неизбежно становится симулякром, самореферентным элементом в «обществе спектакля». В условиях рыночных отношений постмодерн неизбежно превращает фундаментализм в свой системный элемент. Фундаментализм вынужден играть подчиненную роль в реализации проекта постмодерна, оказываясь лишь одним из существующих на рынке культуры нарративом, еще одной субкультурой, еще одной языковой игрой, симулякром.

Связано это и с тем, что фундаментализм постмодерна обречен на дискредитацию роли традиции. По мнению А. Кырлежева, он возрождает традицию в памяти, но изгоняет ее из жизни. Традиция для него целиком виртуальна: он черпает ее не из реальности, а из текстов и обращает в тексты. Беря на вооружение средства технической цивилизации для распространения своих идей, он на самом деле попадает в ловушку этой цивилизации. Трансляция, а не содержание, форма, а не идея определяют его развитие. Критикуя новую эпоху, он сам не способен продуцировать иного, кроме лозунга, митинга, сайта в Интернете. Он явно не способен к серьезному дискурсу модерна: к научной работе, к конструктивному диалогу, к консолидирующему действию²².

Основное же противоречие фундаментализма с постмодерном состоит в том, что последний стремится лишить любую совокупность взглядов (религию, политическую

²² Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент. 2004. № 120.

идеологию, научную концепцию) исключительных претензий на статус метанарратива, на абсолютную истинность, редуцируя все к контексту коммуникации. В этом плане можно согласиться с идеей о том, что «постмодернисты и нынешняя волна фундаменталистов возникли не только в одно и то же время, но также и в ответ на одну и ту же ситуацию, только на противостоящих полюсах глобальной иерархии в соответствии со сразу бросающимся в глаза географическим распределением. В значительной мере упрощая, можно утверждать, что постмодернистские дискурсы прежде всего обращены к победителям в процессе глобализации, а фундаменталистские – к проигравшим»²³.

Имеется несколько аспектов сближения религиозного фундаментализма и постмодернизма. Оба явления обращаются к малым (маргинальным) социальным группам и ориентируются не столько на рациональность, сколько на иррациональность (зачастую на синтез первого и второго). Соответственно, они ориентируются не на универсальное, а на локальное. Оба эти феномена обращаются к архаичным структурам, и в них коллективное бессознательное доминирует над индивидуальным сознанием. В этом аспекте сходятся две крайности, взаимно провоцируя друг друга. Проблемы, с которыми сталкивается человечество в эпоху постиндустриального общества, требуют увеличения роли разума, однако постмодернизм и противостоящий ему фундаментализм отводят разуму все меньше места²⁴.

Происходит это в условиях мирового экономического и социально-политического кризиса, обострившего все существующие проблемы. В ведущих стран Запады (Франция,

²³ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 146.

²⁴ Мальковская И.А., Почта Ю.М. Фундаментализм: угроза или спасение? // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 360–376.

Германия, Великобритания) он нанес удар по концепции государства «всеобщего благосостояния», а вместе с ней и по политике мультикультурализма. Существует либеральная и консервативная критика мультикультурализма.

Критические высказывания Н. Саркози, А. Меркель, Д. Кэмерона в адрес политики мультикультурализма в 2010–2012 гг. имплицитно содержат в себе либеральную критику этой политики. Суть этой критики, по мнению Э. Паина, состоит в том, что политика мультикультурализма обеспечивает государственную поддержку не столько культурам, сколько общинам и группам, которые берут на себя миссию представительства интересов всего этноса или религии. Это стимулирует развитие общинной идентичности, подавляя индивидуальную, и индивид лишается возможности выбора. Мультикультурализм искусственно консервирует традиционно-общинные отношения, препятствуя индивидуальной интеграции иммигрантов, представляющих разные культуры, в гражданское общество. Имея в виду выходцев из мусульманских стран, Э. Паин замечает, что «карикатурный мультикультурализм, из которого выхолощены ценности гуманизма, способствует возрождению в европейских городах таких архаических черт традиционной культуры, которые уже забыты на родине иммигрантов»²⁵.

Наряду с либеральной существует и консервативная критика мультикультурализма, имплицитно содержащая в себе идеи классового шовинизма и культурного империализма. Ее сторонники вместо мультикультурализма предлагают монокультурализм посредством закрепленных в правовых нормах привилегий для доминирующих этнических или религиозных групп. Можно предположить, что консервативная критика в большей степени нацелена на концепцию государства «всеобщего благосостояния», а мультикультурализм служит только поводом. Ярким представителем этого на-

²⁵ Паин Э. Невольники общин // Новая газета. 18 марта 2011.

правления можно назвать немецкого политика и общественного деятеля Тило Сарацина. В своей книге о «самоликвидации Германии» он использует феномен исламского фундаментализма для доказательства идеи принципиальной несовместимости исламской и христианской (западной) культур и цивилизаций. Имея в виду мусульман Европы, он утверждает, что «западная цивилизация из-за мусульманской иммиграции и растущего влияния исламистских направлений веры сталкивается с авторитарными, несовременными, а то и антидемократическими тенденциями, которые не только навязывают нам свое разумение, но и представляют прямую угрозу нашему жизненному стилю»²⁶. В целом анализ социально-экономического и культурного развития западного общества приводит к выводу о кризисе западной политики мультикультурализма, которая предполагала институциональным путем на правовой основе обеспечить правила совместной жизни групп населения, принадлежащих к различным большим традициям. Мультикультурализм как парадигма общественного развития показал свою неадекватность реалиям современного общества²⁷. Он не смог обеспечить добровольное принятие выходцами из незападных стран порядков и ценностей западной либеральной постсекулярной цивилизации. Это серьезно осложняет формирование общеевропейской идентичности за счет размывания идентичностей национальных и усиливает опасения Запада по поводу исламского фундаментализма. К тому же мусульмане все настойчивее затрагивают вопрос о возможности применения положений шариата в западном обществе.

²⁶ Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп, 2012. С. 234–235.

²⁷ Мчедлова М.М. Религия и политические императивы: социокультурные реалии современности. М.: РУДН, 2011. С. 97–98.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, мы можем сказать, что подход к объяснению исламского фундаментализма с позиций науки эпохи модерна может успешно дополняться подходом на основе постмодернистских концепций – секулярная парадигма объяснения роли религии в обществе может дополняться постсекулярной. По своему происхождению исламский фундаментализм не относится к премодерну, а является продуктом и элементом культуры модерна. Он также интегрируется в постмодерн, где происходит его вынужденная трансформация из метанарратива в один из множества товаров на рынке духовных услуг. Это дает возможность понимания того, что исламский фундаментализм в современном мире постполитики как дискурсивной деятельности функционирует по принципу симуляции и мнимого референта. Он предполагает некую организованную общность-фантом «мусульмане», противостоящую гражданам демократического Запада, реализующую тенденцию превращения в глобальное гражданское общество. Формирование этого симулякра осуществляется с использованием научных теорий, социологических исследований и референдумов, однако чаще всего это служит симуляции, а не репрезентации. Эти процессы ориентированы на модель, а не на референт. Обвинения в том, что исламский фундаментализм угрожает западному обществу, в частности углубляя кризис представительной демократии, политики мультикультурализма и социального государства, возможно, выражают стремление западной элиты обеспечить единство общества за счет противопоставления «своих» «чужим», удержать массы в поле смысла и сохранить собственную распадающуюся социальность. А массе мигрантов-мусульман, безуспешно пытающейся интегрироваться в западное общество, фундаментализм дает возможность создать хотя и маргинальную, но определенную идентичность и социальность, имеющую право

на свой нарратив, на свою мораль, право и политику. Таким образом, исламский фундаментализм, будучи вынужденной реакцией на вызовы современности, служит средством как для производства смысла социального существования, так и для производства спроса на этот смысл. В контексте постмодерна фундаментализм может служить одним из инновационных способов выхода из кризиса современного глобального общества риска, в котором теряют свою значимость светские метанарративы, исчезает прежняя социальность, основанная на линейности и предсказуемости развития, а население превращается в массу. В мусульманских обществах, в которых представлены группы, относящиеся к эпохам премодерна, модерна и постмодерна, в результате постепенного ослабления авторитаризма, уменьшения влияния традиционных форм социальной общности, разочарования в западных светских идеологиях, усиливается гражданское участие в политической жизни на основе мусульманского самосознания. Возникающие теории все более широко используются для формирования идеологий в борьбе за политическую власть, для создания новых форм политической идентичности.

Л и т е р а т у р а

1. Армстронг К. Битва за Бога: история фундаментализма. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
2. Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. № 1, январь-февраль 2006. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6319
3. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000.
4. Гречко П.К. Темпоральная многослойность социального: современность как вызов // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.
5. Кирабаев Н.С. Кризис «современности» и современные проблемы философской методологии // Диалог цивилизаций и посткризисный мир. М.: РУДН, 2010.

6. Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис модерна. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012.
7. Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука: новые направления. 2003. № 2.
8. Кудряшова И.В. Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука: религия и политика. 2013. № 2.
9. Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент. 2004. № 120.
10. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005.
11. Малашенко А. Каким нам видится ислам // Россия в глобальной политике. Т. 4. № 5. Сентябрь–октябрь 2006.
12. Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: КомКнига, 2005.
13. Мальковская И.А., Почта Ю.М. Фундаментализм: угроза или спасение? // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009.
14. Мchedлова М.М. Возвращение религии, или Новый мир: в поисках объяснения // Политическая наука: религия и политика. 2013. № 2.
15. Мchedлова М.М. Религия и политические императивы: социокультурные реалии современности. М.: РУДН, 2011.
16. Паин Э. Невольники общин // Новая газета. 18 марта 2011.
17. Почта Ю.М. Постсекулярное общество // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009.
18. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп, 2012.
19. Фарес С. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М.: Эксмо, 2012.
20. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.
21. Barber, Benjamin R. Jihad vs. McWorld. N.Y.: Ballantine Books, 2001.

22. Esposito, John L. *Unholy War: Terror in the Name of Islam*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
23. Giroux H.A. *Beyond the Spectacle of Terrorism: Global Uncertainty and the Challenge of the New Media*. London: Paradigm Publishers, 2006.
24. Jayasuriya K. September 11, Security, and the New Postliberal Politics of Fear // *Неприкосновенный запас*. № 6 (4/2004). URL: <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=25011071>
25. Philips K. *American Theocracy: The Peril and Politics of Radical Religion, Oil, and Borrowed Money in the 21st Century*. N.Y.: Viking, 2006.
26. Roy O. *Globalised Islam: The Search for a New Ummah*. London: Hurst & Company, 2004.
27. Smith Ph. *Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War and Suez*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005.
28. Tibi B. *The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder*. Berkeley: Univ. of California Press, 2002.

И.С. Хлебников

СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН В ПОСТСЕКУЛЯРНЫХ ОБЩЕСТВАХ: ОПЫТ РФ

Введение

Ислам является второй крупнейшей религией РФ, уступая православному христианству. Численность мусульман в РФ остается предметом спора, официальной статистики на этот счет не ведется. Большинство оценок колеблется в коридоре от около 10 до 20 млн человек¹.

Большинство мусульман в РФ можно разделить на три группы: поволжские мусульмане (Татарстан, Башкирия), кавказские мусульмане (преимущественно из северокавказских республик) и среднеазиатские мусульмане (преимущественно нелегальные мигранты). Все эти группы отличаются друг друга и, более того, правомочен вопрос, можно ли объединять их под собирательным термином – мусульмане РФ?

С одной стороны, роль мусульманских народностей в истории РФ на всем ее протяжении весьма велика: множество вопросов общенациональной повестки связаны именно с этими группами (федеративное устройство, сепаратистские конфликты, терроризм, нелегальная миграция и т.п.). Однако роль именно ислама в этих конфликтах не так велика, как может показаться. Большинство из них концентрируются на национальных различиях, оставляя религиозные различия важным, но второстепенным фактором. Это подтверждается

¹ Белокреницкий В. Россия и исламский мир – тенденции изменения демографического и политического веса // Проект «Перспективы», 2007. URL: http://www.perspectivy.info/oykumena/azia/rossija_i_islamskij_mir_tendencii_izmenenija_demograficheskogo_i_politicheskogo_vesa_2007-10-05.htm (получено 11.04.14).

уже тем, что из проблем, перечисленных выше, ни одна не затрагивает одновременно все три группы мусульман РФ².

Таким образом, ислам как таковой не актуализирован в политической жизни РФ (тем более что террористам отказывается в праве называться мусульманами) и существует в основном в потенциальной форме или на региональном уровне в субъектах с большим процентом мусульманского населения.

Впрочем, сильные позиции региональных властей в вышеупомянутых субъектах и почтительное отношение федеральных властей к мусульманам вкупе с распространением все более радикальных версий ислама приводит к постепенной активизации политического ислама в РФ.

Другим важным фактором, не терпящим игнорирования, является мозаичный характер общества РФ, где элементы модерна соседствуют с домодерновыми фрагментами, на что накладывается общемировой тренд перехода в постмодерн. Применительно к религиозному аспекту это приводит к тому, что РФ нельзя однозначно идентифицировать как постсекулярное общество: необходим более дифференцирующий подход³.

Нельзя с однозначностью заявлять, что роль ислама в будущем в РФ возрастет (есть серьезные факторы, направляющие ситуацию в другую сторону), однако такой вариант возможен, и скорее всего в подобном случае дело придется иметь с радикальным исламом, апеллирующим к политическим лозунгам.

² Силантьев Р. Ислам в России. Стенограмма семинара в Институте динамического консерватизма. 2013. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/616/>

³ Там же.

Мусульманское население в современной РФ

Как указано выше, официальная численность мусульман в РФ не установлена, а сами мусульмане делятся на несколько различных групп. Это происходит потому, что традиционно границы мусульманской части общества России и позже СССР и РФ совпадали с границами этносов, традиционно исповедовавших ислам.

В тоже время приравнивать численность мусульманских народностей на территории РФ к численности мусульман представляется неоправданным. Хотя степень десекуляризации исламского населения в РФ несравнима с таковой у православных, многие люди, происходящие из исламских народностей, имеют вполне атеистический образ мыслей. Так, согласно опросу исследовательской службы «Среда», лишь 42 % мусульман соблюдают все религиозные предписания и считают, что религия играет важную роль в их жизни, а лишь 25 % молятся каждый день (притом, что салят является одним из столпов ислама)⁴.

Разумно предположить, что наивысшей степени десекуляризация достигает среди мусульман Поволжья как наиболее развитого из мусульманских регионов РФ. Меньшую десекуляризацию показывают мусульмане Кавказа, традиционно бывшие более отсталым регионом, а среднеазиатские мусульмане являются наиболее исламизированными. Однако касательно последних следует также заметить, что хотя они и исповедуют ислам, религия недостаточно укоренена культурой, таким образом, попадая в современное общество, их ислам легко подвергается «коррозии» со стороны современной постсекулярной культуры (тоже характерно и для других мусульман, но в меньшей степени).

⁴ Арена: атлас религий и национальностей России. URL: <http://sreda.org/arena>

Что касается расселения мусульман по территории РФ, то определенный процент мусульманского населения присутствует в каждом регионе РФ. Являясь в большинстве регионов незначительным меньшинством, оно в то же время вполне способно оказывать заметное влияние на состояние дел в субъекте. Это происходит потому, что основные миграционные потоки формируются за счет мусульман Кавказа и Средней Азии. В то время как вторые по большей части имеют статус нелегальных мигрантов, что вызывает понятное отношение со стороны коренного населения, первые, пользуясь диаспоральной структурой, сохранившимися частями родоплеменного сознания и де-факто привилегированной позицией, обеспеченной федеральными властями, производят отъем ресурсов у местных, вызывая озлобление как со стороны региональной элиты, так и обывателей.

Таким образом, хотя в современной РФ политический ислам существует в основном в подполье (в виде террористических организаций), предпосылки для создания исламских групп давления существуют на территории практически всей страны, что при его легализации может привести к относительно быстрому появлению мощной исламской силы в политике. Эта сила, хотя и не будучи способной прийти к победе на свободных выборах, способна стать важным фактором общественно-политической жизни⁵.

Положение политического ислама в современной РФ

В настоящее время, политический ислам не легализован в РФ. Согласно ФЗ «О политических партиях» (ст. 9, п. 3) запрещено создание политических партий по религиозному признаку. Логично предположить, что это положение

⁵ Динпараг М. Развитие политического ислама в России. Etemaad (перевод InoSMI.ru), 2013. URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20130106/204228865.html>

ущемляет в основном интересы именно мусульман, так как православные партии будут, по сути, замаскированными национальными партиями, использующими религиозную риторику как прикрытие. Лишь ислам, имея достаточное число фанатичных приверженцев, имеет шансы занять прочные позиции в политике РФ.

В то же время стоит отметить, что легализация политического ислама не принесет значительных результатов, если не будет одновременно снят запрет на региональные партии, так как на национальном уровне исламские партии будут ограничены процентом исламского населения РФ, будучи способны рассчитывать только на статус влиятельной оппозиционной партии в самом благоприятном случае.

Сказав это, нельзя не обратить внимание на общую проблему перспектив политического ислама в неисламских обществах. Эта тема будет освещена далее в работе.

Однако, несмотря на запрет участия в публичной политике, ислам достаточно активно подспудно влияет на политику в РФ. Этому есть причины. Исторически, в период существования СССР, мусульманские народы занимали весьма высокие позиции в неформальной иерархии Союза (см., например, работы Терри Мартина⁶ и Юрия Слезкина⁷).

Хотя ислам и не поощрялся открыто в Советском союзе, он и не искоренялся до конца, подобно православию. Более того, учитывая меньший объем давления со стороны тоталитарного государства в мусульманских частях СССР,

⁶ Мартин Т. Империя «положительной дискриминации». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

⁷ Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism, *Slavic Review*, Vol. 53, No. 2 (Summer 1994), 414–452 (русский перевод 2001 г. – «СССР как коммунальная квартира, или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность»). URL: http://sputnikipogrom.com/read/395/ussr_communal/

потенциальные происламские сантименты могли с большей свободой существовать среди населения. В целом, можно предположить, что на этом этапе происходил «биологический» рост мусульманских народностей, в то время как становление самостоятельной идентичности (в том числе через религиозные инструменты) произошло лишь впоследствии.

После развала СССР на территории РСФСР сохранилась элита, обладающая похожим набором установок и убеждений, что и общесоветская. В то же время, получив базовые гражданские свободы, мусульманские народности РФ, не имея какой-либо общегражданской идентичности, перешли в позицию исламских неофитов (что также совпало с глобальным исламским возрождением, которое испытывал мир в то время). Тут заключается разительное отличие от православия, которое, несмотря на благоприятную позицию властей, не смогло в каких-либо заметных количествах рехристианизировать русских.

В дальнейшем региональные элиты мусульманских народностей работали на создание собственных национальных идентичностей. Этому способствовал как хаос 90-х годов, позволивший им укрепиться в соответствующих регионах и выдворить или лишить веса местные национальные меньшинства, так и стабильность «нулевых», когда была де-факто законсервирована сложившаяся ситуация, позволившая продолжить процесс нациогенеза⁸.

Таким образом, к современному моменту общности, так или иначе связанные с исламом (от простого культурного родства до фанатизма), являются одними из самых активных структур гражданского общества (в данном случае под этим

⁸ Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 – весна 2014, Центр изучения национальных конфликтов совместно с РИА «Клуб Регионов», 2014. URL: <http://www.club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/>

имеются в виду части общества, способные артикулировать свои интересы и существовать автономно от государства).

Этот факт можно наблюдать уже хотя бы потому, что два «локомотива» мусульманского мира РФ: Чечня и Татарстан одновременно являются самыми «строптивыми» регионами. Как и в начале 90-х годов (отказ подписывать Федеративные договоры, две войны), так и в настоящий момент (Татарстан, имеющий эксклюзивный договор с федеральным центром (и это в стране, где федерализм превращен в абсолютную фикцию) и Чечня, чье уникальное положение среди остальных регионов стало притчей во языцех)⁹.

И даже имевшее место укрепление «вертикали» власти в середине 2000-х гг. было для национальных республик менее заметным, так как и из-за наличия дееспособной региональной элиты, и из-за присутствия у федеральной элиты определенных взглядов и установок мнение местных властей чаще принималось в расчет, например, при назначении губернаторов, чем в простых областях, где у власти мог находиться абсолютный «варяг». А в случае некоторых проблемных регионов (в первую очередь Дагестана) использование такого подхода даже оказывало позитивное воздействие, позволяя сохранить единство региона, который иначе был бы раздираем борьбой за власть.

В описанной картине кроется как главное преимущество, так и главное препятствие развитию политического ислама в РФ. Хотя мусульманские народности и занимают завидное место в федеративной структуре РФ, господствующие позиции внутри них занимают национально, а не религиозно ориентированные элиты, которые к тому же пользуются поддержкой федерального центра. Определенное влияние ислам как политическая сила имеет лишь в некоторых кавказских республиках, где ему удалось привлечь на свою

⁹ Чечня научится у Татарстана жить после московских миллиардов, Бизнес-Онлайн, 2013. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/85798/>

сторону некоторую часть населения (не только обывателей, но и элиты). В остальных регионах ислам, безусловно, имеет своих приверженцев (подчас весьма радикальных), но его активность лежит в прозелитическом, а не в политическом русле.

Существующие точки зрения на политический ислам в РФ

Как уже было показано выше, ислам занимает важную позицию в общественно-политической повестке РФ. Это обеспечивает «горячесть» темы, ее противоречивость и приводит к доминированию низкокачественной аналитики по данной проблематике. В то же время дееспособных политических субъектов, заинтересованных в актуализации роли политического ислама, в современной РФ нет (или они находятся на нелегальном положении). В результате ислам (и политический ислам в частности) находится в общественном дискурсе в роли либо объекта (ислам как часть культурной идентичности некоторых народностей), либо субъекта, но внешнего по отношению к обществу (угроза исламского терроризма).

Это приводит к ситуации, когда тексты на тему ислама не концентрируются именно на политическом исламе, а если и рассматривают его, то вне границ РФ. Таким образом, темой становится не столько политический ислам, сколько взаимоотношения ислама и политики как таковых.

Можно выделить несколько точек зрения по этому вопросу. Стоит также отметить, что большинство этих точек зрения являются политизированными сами по себе, то есть их авторы озабочены продвижением своих идей, а не поиском научной истины.

Во-первых, стоит обратить внимание на точку зрения самих мусульман по данной проблеме. Отсутствие в исламе консолидирующего центра (в отличие от христианских де-

номинаций) не позволяет однозначно установить их позицию, а лишь выявить некоторые тренды, которые преобладают среди них.

Что касается «официальных» мусульман (Совет муфтиев России, Центральное духовное управление мусульман России), то они в данном вопросе вполне выдерживают «линию партии», настороженно относясь к политизации ислама, предпочитая действовать как через свои каналы (будучи значимыми общественными учреждениями сами по себе), так и через официальные политические структуры без религиозной окраски (сотрудничество с властями и партией власти)¹⁰.

Иное отношение можно наблюдать среди «рядового» состава мусульман (в данном случае под ними понимаются именно «воцерковленные» мусульмане, если использовать христианскую терминологию, а не просто любой человек, идентифицирующий себя в качестве мусульманина). Будучи недовольны светским характером государства и его неготовностью предоставить им все возможности для жизни в соответствии с шариатом, они готовы выдвигать политические требования, но не имеют такой возможности. По этой причине для достижения своих целей им приходится использовать околополитические структуры (например, диаспоральные), а также те части местных элементов, которые симпатизируют их идеям (преимущественно на Кавказе, но также некоторые левые организации, готовые поддерживать мусульман в качестве «дискриминируемой» части общества).

Таким образом, готовность использовать политический ислам для достижения своих целей наталкивается на «замороженную» политическую систему, которая не дает прямым способом влиять на политику.

¹⁰ В качестве примера см.: В Совете муфтиев России не поддерживают идею проведения в Москве митинга мусульман, ИТАР-ТАСС, 2014. URL: <http://itar-tass.com/obschestvo/877398>

Что касается радикального мусульманского подполья, то, очевидно, что легальные политические методы борьбы не являются его приоритетом. Главенствующая роль отдается военным инструментам и терроризму. Однако граница между подпольем и остальным обществом размыта в некоторых регионах РФ (в первую и главную очередь в Дагестане, где де-факто идет холодная гражданская война, перетекающая в горячую). В таких условиях роль политических факторов (борьба между элитными группировками, наличие «своих» людей на ключевых постах и т.п.) возрастает, и даже самые радикальные салафиты вынуждены прибегать к участию в западных политических процедурах.

Также, говоря о радикальном исламе, нельзя не упомянуть, что в тех регионах, где радикальный ислам только завоевывает позиции, использование парapolитических структур (самой заметной из которых является «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») является важным элементом исламской социализации (наряду с агитацией в мечетях).

Обговорив в общих чертах позицию самих мусульман относительно политического ислама, следует обратить внимание на другие заинтересованные группы в политическом паноптикуме РФ.

Позиция властей уже косвенно упоминалась в данной работе: ислам воспринимается как полезный инструмент, либо для национального строительства в случае региональных элит, либо как часть синтетической «евразийской» идеологии, которая продвигается федеральными властями. Для последней ислам является важным инструментом, с помощью которого достигается уравнивание русской европейской культуры исламской неевропейской.

Хорошим примером этого служит недавняя новость о том, что валюту Евразийского союза планируется назвать «алтын», а центробанк разместить в Казахстане (единственная страна союза с доминирующей мусульманской религией). Несомненно, что для большинства людей, воспитанных в

лоне русской культуры, это будет восприниматься именно как часть синкретичной восточно-азиатско-исламской культуры. Сама новость была позже опровергнута официальными лицами, но ход мысли показателен¹¹.

Однако обретение самим исламом политической субъектности воспринимается властями как угроза. Ислам должен играть свою роль в соответствующих проектах, но не должен выходить за рамки дозволенного. Отсюда вытекает главенствующий вектор на почтительное отношение к исламу и покровительству мусульманам в общественной структуре РФ (например, колоссальные дотации кавказским республикам), но при этом запрет на политический ислам и требование подчиняться общим правилам игры.

Что же касается неисламской части общества, то в ее наиболее умеренной части господствует настороженное отношение к исламу, постепенно перерастающее в подозрительность, неприязнь и, наконец, в открытую ненависть, по мере того, как умеренные сменяются радикалами. Находясь в рамках общеевропейской культуры, русские (для простоты изложения приравняем к ним всё европейскоориентированное население РФ) склонны воспринимать ислам как нечто несовместимое с европейской культурой и образом жизни, а значит, отвергаемое с порога («запретят продавать алкоголь и заставят девушек носить хиджабы»). Тут следует заметить, что исторические имея некоторый процент мусульманского населения, русские более толерантно относятся к культурным проявлениям ислама (небольшие мечети, исламские культурные образы, такие как кораническая каллиграфия к примеру и т.п.). Также следует заметить, что данная толерантность распространяется исключительно на поволжских

¹¹ В качестве примера см.: В Совете муфтиев России не поддерживают идею проведения в Москве митинга мусульман, ИТАР-ТАСС, 2014. URL: <http://itar-tass.com/obschestvo/877398>

мусульман и только, не касаясь отношения к кавказским и среднеазиатским.

Однако это отношение заканчивается на вопросах культурно-религиозной автономии. Любая попытка мусульман выйти на политическое поле именно в качестве мусульман встречает резко негативное отношение общества, воспринимающее это как покушение на европейские ценности. Нетрудно догадаться, что если бы в РФ появилась исламская партия с идеологией, близкой к Братьям-мусульманам или даже более умеренной Партии справедливости и развития, то ее основная роль сводилась бы к роли «раздражителя», увеличивающего популярность правых партий.

Таким образом, право на культурно-религиозную автономию, по доминирующему среди граждан мнению, должно быть реализовано в рамках существующих политических механизмов, а появление ислама в качестве политического игрока воспринимается не как попытка обеспечить неотчуждаемые права мусульман, а как попытка подорвать основание общественного устройства (проницательный наблюдатель может заметить схожесть в восприятии политического ислама с социал-демократической идеологией в поздней Российской империи).

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что в настоящий момент в российском обществе присутствуют различные точки зрения на возможность взаимоотношения ислама и политики. Однако если вычислить некий общий вектор, то можно заключить, что господствует точка зрения, что исламу следует «держаться подальше» от политики, при этом что признается свобода вероисповедания для мусульман. Части общества, придерживающиеся таких взглядов, могут исходить из разных, подчас несовместимых друг с другом посылок, но если религиозный состав РФ не претерпит значительных изменений (например, в результате массовой ми-

грации или геноцида), то такое отношение вряд ли изменится¹².

Перспективы политического ислама в неисламских сообществах

Рассмотрев современные точки зрения в РФ на политический ислам и взаимоотношения ислама и политики в целом, следует обратить внимание на его перспективы, как в контексте РФ, так и в более глобальном масштабе.

Начать разбираться в данной проблеме стоит с указания на одну из самых часто упоминаемых характеристик ислама – его всеобъемлемость: ислам – это не просто некоторое духовное учение, а система, регулирующая все аспекты жизни мусульманина: от законов кредитования до туалетного этикета.

Отсюда проистекает конфликтный характер интеграции мусульман в неисламские общества. Ислам, в силу своей природы, неизбежно будет пытаться изменить общество в соответствии со своими стандартами. Общество может противостать ему, и достаточно успешно, но это не элиминирует саму проблему. И естественно, что политический ислам в неисламском обществе будет занимать позицию «вируса»¹³, использующего структуры клетки с целями, несовместимыми с существованием клеток.

Эта особенность ислама достаточно глубоко укоренена в его доктрине, что можно проиллюстрировать, обратившись к таким понятиям, как Дар-уль-Ислам и Дар-уль-Харб. Первое обозначает территорию под контролем ислама, где

¹² Белокреницкий В. Россия и исламский мир – тенденции изменения демографического и политического веса // Проект «Перспективы», 2007. URL: http://www.perspectivy.info/oykumena/azia/rossija_i_islamskij_mir_tendencii_izmenenija_demograficheskogo_i_politicheskogo_vesa_2007-10-05.htm

¹³ Имеется в виду механизм действия, а не этическая оценка.

общественные нормы приведены в соответствие с шариатом. Второе – территорию, таковой не являющейся. Целью мусульман является обращение всего мира в Дар-уль-Ислам, что, естественно, входит в конфликт с интересами остального мира¹⁴.

В дополнение к предыдущим терминам позднее в исламской мысли появился термин Дар-уль-Амн, промежуточное состояние между ними двумя. Этим называются территории, не находящиеся под контролем ислама, но такие, где мусульмане имеют возможность исповедовать свою религию. Казалось бы, популяризация этого термина могла бы снять проблему существования ислама в неисламских обществах, но тут возникает несколько проблем.

А именно, что считать «возможностью исповедования своей религии». Многие аспекты шариатского права прямо и недвусмысленно противоречат европейским ценностям (достаточно упомянуть об исламском отношении к женщинам и геям, да и простая супружеская измена является прекрасным примером). Соответственно, возникает противоречие. Если неисламское общество не позволяет членам мусульманской общины применять шариатское право в полном объеме к некоторым членам общины, то такое общество переходит из категории Дар-уль-Амн в Дар-уль-Харб с соответствующими последствиями. И это не говоря о том, что сама категория Дар-уль-Амн является временной, и конечной целью остается превращение всего мира в Дар-уль-Харб.

Автор не утверждает, что интерпретация, предложенная выше, является верной, но она однозначно является возможной, а значит может быть использована некоторыми богословами. И тут мы подходим к другой проблеме – децентрализованности ислама.

Можно заметить, что любая религиозная система не является навеки застывшей в своей форме, а эволюционирует

¹⁴ Dar al-Harb, WikiIslam. URL: http://wikiislam.net/wiki/Dar_al-Harb

со временем. Христианство (и не только оно) прошло эволюцию от безумных фанатиков, сжигавших библиотеки и проводивших рейдерские захваты античных храмов, к одному из самых культурных, умеренных и уважаемых институтов европейского общества. Почему такая трансформация не могла бы произойти и с исламом? Почему нельзя перевести ислам в постсекулярное состояние?

Помимо вышеописанных структурных особенностей ислама (невозможность вечного сосуществования с неисламскими сообществами) важной проблемой на этом пути будет являться отсутствие инструментов для работы с исламом. В отличие от христианских конфессий, где существует высшее лицо (патриарх, Папа Римский, английский монарх) или, как минимум, некий управляющий орган (Всемирный совет церквей у протестантов), у ислама нет таких интегрирующих механизмов или они неразвиты.

Безусловно, корректная работа по приведению ислама в более мирное русло вполне может дать свои плоды (в качестве примера можно привести достаточно умеренный турецкий (анатолийский) ислам движения «Хизмет» или концепцию «Джадидизма», разрабатывавшуюся в Российской империи), но эти результаты сложно закрепить на каком-то официальном уровне. Всегда будет оставаться вероятность радикальной инспирации.

И такая интерпретация исламского учения вполне может быть выгодна отдельным акторам; по словам Ю. Почты, «государство при этом занимается конструированием образа социальных групп (этнических групп или меньшинств), угрожающих национальной или международной безопасности. Все, что является публичным, объявляется зоной опасности, насилия и социальной патологии»¹⁵.

¹⁵ Почта Ю. Постсекулярное общество // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 286–302.

Лучшим примером этого тезиса служит сама история ислама последних 50 лет: если в 50-х гг. XX в. терроризм ассоциировался преимущественно с левыми движениями, то в 10-х гг. нашего столетия термины «терроризм» и «исламский терроризм» стали практически взаимозаменяемыми. В качестве более частного примера можно упомянуть замещение традиционного чеченского ислама суфийского толка ваххабизмом в 90-х годах прошлого века.

Если вы обратимся к глобальному раскладу сил, то увидим, что мусульманское население присутствует практически в каждой стране, претендующей на роль мировой державы. РФ с ее коренными и среднеазиатскими мусульманами, Китай (уйгуры), ЕС (арабы, турки, пакистанцы во Франции, Германии и Англии соответственно), США (переход в мусульманство части чернокожего населения, активизировавшийся в последнее время), Индия (13 % мусульман от общей численности населения). Не имеют значительных мусульманских общин лишь Япония и крупные страны Латинской Америки.

Вероятность того, что в ходе глобального противостояния у многих (если у не всех) акторов возникнет соблазн использовать радикальный ислам в качестве прокси-инструмента для дестабилизации противника, можно оценить как практически стопроцентную. А значит, шансы на мирную культурную эволюцию ислама в сторону умеренности невелики. После же того, как пыль уляжется и победитель начнет наводить свои порядки, судьбе оставшихся в домодерне (или в лучшем случае в модерне) мусульман останется только посочувствовать¹⁶.

¹⁶ Каиров Т. Избиение бородатых младенцев, 2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/article26513.htm>

Заключение

Подводя итоги работы, разумно сделать некоторые выводы и обобщения. В РФ присутствует значительное мусульманское меньшинство, и это меньшинство играет свою роль в общественно-политической жизни. В то же время ислам в данном случае рассматривается как часть национальной идентичности, а не самостоятельный игрок (то есть дублируется ситуация с русскими и православием). В то же время очаги радикального ислама существуют (Кавказ, отчасти Поволжье и крупные мегаполисы), но прибегают либо к неполитическим, либо радикальным методам борьбы.

Власть имущие по тем или иным причинам заинтересованы в сохранении и развитии ислама, но появление легального политического ислама может опасно дестабилизировать ситуацию в обществе (даже не самим исламом, а реакцией на него русского большинства). Это создает парадоксальную ситуацию поощрения ислама «левой рукой» и его подавления «правой рукой».

Отношение неисламской части общества к политическому исламу можно признать негативным с различной степенью неприязни. Ислам понимается как угроза традиционным европейским ценностям и принимается только в качестве культурно-исторической особенности, но не в качестве политического актора. Перспективы вовлечения неисламской части общества в деятельность политического ислама близки к нулю.

Что касается перспектив политического ислама в РФ, то тут высока доля неопределенности. В случае продолжения текущего курса развития центробежные тенденции в обществе будут нарастать, и у многих мусульман появится соблазн использовать ислам для консолидации и отстаивания своих позиций (особенно это станет актуальным для среднеазиатских и части кавказских мусульман). В таком случае можно прогнозировать появление дееспособного политического ис-

лама, противопоставляющего себя остальному обществу и направленного на отстаивание мусульманских интересов с перспективой создания отдельного регионального проекта (по образцу Имарата Кавказ).

Если же курс общества удастся обратить в сторону реформ и развития, то можно прогнозировать, что в результате свободной политической конкуренции к власти придут силы, крайне скептически настроенные к политическим формам ислама. Поволжские мусульмане, скорее всего, предпочтут интегрироваться в созданную политическую систему, в то время как с двумя другими группами возможны различные сценарии: от мирного «развода» до вооруженной конфронтации. Предсказать наверняка, какой из сценариев станет основным, невозможно.

Таким образом, будущее политического ислама в РФ зависит в первую очередь от судьбы самой РФ – ее распад активизирует его, а ее укрепление – подавит.

Л и т е р а т у р а

1. Белокреницкий В. Россия и исламский мир – тенденции изменения демографического и политического веса // Проект «Перспективы», 2007. URL: http://www.perspectivy.info/oykumena/azia/rossija_i_islamskij_mir_tendencii_izmenenija_demograficheskogo_i_politicheskogo_vesa_2007-10-05.htm (получено 11.04.14).
2. Долгов Б. Политический ислам в современном мусульманском мире // Проект «Перспективы», 2007. URL: http://www.perspektivy.info/book/politicheskij_islam_v_sovremennom_musulmanskom_mire_2007-10-04.htm (получено 11.04.14).
3. Динпарасть М. Развитие политического ислама в России. Etemaad (перевод InoSmi.ru), 2013. URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20130106/204228865.html> (получено 11.04.14).
4. Каиров Т. Избиение бородатых младенцев, 2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/article26513.htm> (получено 11.04.14).
5. Ксенофонов К. Аресты в восточном экспрессе: премьер-министр Турции против глобальной организации ислами-

стов, 2014. URL: <http://sputnikipogrom.com/asia/9342/the-turkish-gambit/> (получено 11.04.14).

6. Малаев Г. Почему от ислама придется отказаться: абсолютное оружие культуроцида, 2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/article26450.htm> (получено 11.04.14).

7. Мирский Г. Цивилизация бедных // Отечественные записки. № 5 (14) 2003. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/civilizaciya-bednyh> (получено 11.04.14).

8. Почта Ю. Постсекулярное общество // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 286–302.

9. Силантьев Р. Ислам в России, стенограмма семинара в Институте динамического консерватизма, 2013. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/616/> (получено 11.04.14).

10. Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. М.: Алгоритм, 2007.

11. Hargey T. The Oxford sex ring and the preachers who teach young Muslim men that white girls are cheap. Daily Mail, 2013. URL: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-2325185/The-Oxford-sex-ring-preachers-teach-young-Muslim-men-white-girls-cheap.html> (получено 11.04.14).

12. WikiIslam, the Online Resource on Islam. URL: http://wikiislam.net/wiki/Main_Page (получено 11.04.14).

В.Г. Иванов

**ЭФФЕКТ «ЕСТЕСТВЕННОГО УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ»
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»**

В этой главе мы хотели бы обратить внимание на многомерный и нередко амбивалентный характер влияния системы образования на политические и экономические процессы на примере стран арабского Востока. Некоторые из эффектов этого влияния могут быть замаскированы и подчиняться своей, далеко не очевидной логике. Гипотеза исследования заключается в следующем: в современном мире, особенно в развивающихся странах, система образования, оказывающая значительное воздействие на уровень занятости, является одним из ключевых факторов обеспечения политической стабильности/дестабилизации. Эта роль образования так велика преимущественно из-за его экономической функции специфического регулятора рынка труда. Вне всякого сомнения, сфера образования выполняет широкий спектр функций в обществе, но в настоящий момент нас интересует вопрос: посредством каких экономических механизмов она может оказывать как положительное, так и негативное влияние на уровень политической стабильности. Следует сразу оговориться, что речь идет именно о секторе третичного образования, т.е. о высшем, а также средне-специальном (профессиональном) образовании¹. В настоящее время хорошо заметна тенденция к постепенной замене средне-специального образования высшим, поэтому основное внимание уделено именно последнему.

¹ Третичное образование понимается согласно Международной стандартной классификации образования, принятой ЮНЕСКО в 1997 г. (МСКО-97) – (МСКО – 5А, МСКО – 5В и МСКО – 6).

Указанная функция образования возникла относительно недавно, хронологически почти параллельно становлению современной системы образования, и в ряде стран она может быть гипертрофирована, о чем отчасти свидетельствует опыт богатого на революции начала XXI в. Действительно, в некоторых странах система образования в определенные исторические периоды может становиться как краеугольным камнем стабильности политического режима, так и одним из важных катализаторов социальных и политических потрясений.

Инвестиции в сферу третичного образования могут иметь значительный мультипликативный эффект, обеспечивая не только подготовку нужных специалистов, экономической рост, занятость и модернизацию, но и серьезные политические последствия и «побочные эффекты». В то же время ошибочно автоматически отождествлять инвестиции в сферу образования с инвестициями в воспроизводство и развитие человеческого капитала. Эти инвестиции не всегда могут быть направлены на развитие, а их количественный рост может демонстрировать отсутствие корреляции с уровнем человеческого капитала. На наш взгляд, в некоторых случаях, в том числе и в странах арабского Востока, рост инвестиций в образование, продиктованный потребностями сохранения политической стабильности, может вести и к формированию так называемого «отрицательного человеческого капитала».

Чтобы проиллюстрировать и объяснить функциональную взаимосвязь между уровнями:

- 1) государственных инвестиций в сферу образования,
- 2) развития человеческого капитала,
- 3) экономического роста и развития,
- 4) циклической безработицы и
- 5) политической стабильности,

мы предлагаем использовать понятие «естественный уровень образования», смысл которого будет раскрыт ниже. На наш взгляд, предложенное понятие является достаточно универ-

сальным, адекватно интерпретирующим процессы, происходящие во многих странах. В то же время основное внимание (в том числе и вследствие ограниченного формата главы) уделено анализу данного феномена в странах «арабской весны».

Такая постановка проблемы возможна на основе четырех распространенных и практически самоочевидных положений, подтвержденных эмпирическими данными:

– высокий уровень безработицы в обществе может оказывать влияние на политическую стабильность;

– в современном мире, и это показывают многочисленные революции начала XXI в., наиболее социально взрывоопасной группой населения является молодежь², в первую очередь молодые мужчины от 16 до 30 лет³, не обремененные семьями;

– люди с высоким уровнем образования склонны к тому, чтобы иметь большие запросы, более высокий уровень гражданской активности, легче понимать политические «месседжи» и активнее пользоваться информационными технологиями. Они критичнее воспринимают диктатуру, клептократию, олигархию и иные разновидности авторита-

² Например, Дж. Голдстоун отмечает: «рост удельного веса молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории» (См.: Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ // URL: <http://www.politstudies.ru/extratext/text/issue2011A.htm>).

³ На вопрос, какие возрастные группы можно отнести к молодежи, в разных обществах можно дать разные ответы. Если в большинстве развивающихся стран Азии и Африки возрастным потолком обычно считается 24 года, то в Европе, включая Россию, молодежный возраст растягивается социологами до 28 и даже 30 лет.

ризма. Иными словами, уровень их политической культуры и участия выше среднего;

– и, наконец, современное молодое поколение является самым образованным в мировой истории, а уровень безработицы среди молодежи выше, чем среди любой другой возрастной страты.

Следует отметить, что политическая стабильность понимается в первую очередь как стабильность политического режима. Согласно Д. Кауфману, уровень стабильности определяется «вероятностью того, что правительство, находящееся у власти, может быть дестабилизировано или свергнуто возможными неконституционными и/или насильственными мерами, включая терроризм»⁴. Угрозы политической стабильности могут быть связаны как со слабостью самого режима, с конфликтом внутри правящей элиты, так и с уровнем протестных настроений в обществе, иначе говоря, возможна дестабилизация как «сверху», так и «снизу». В настоящем исследовании речь идет об угрозах политической дестабилизации «снизу». Кроме того, по временному критерию следует разделять кратко-, средне- и долгосрочную стабильность. Наша гипотеза заключается в том, что в определенных условиях политический режим для сохранения стабильности в кратко- и среднесрочной перспективе может сознательно осуществлять политику, прямо или косвенно направленную на подрыв оснований стабильности в долгосрочной перспективе, не решая, а перенося насущные проблемы на неопределенный срок. Этот эффект похож на рефинансирование в экономике.

В то же время политическая стабильность является не только политологической, но и экономической категорией в силу своего непосредственного влияния на экономический

⁴ Kaufman D., Kraay A. & Mastruzzi M. Governance matters VII: Governance indicators for 1996-2007. World Bank Policy Research Working paper 4654. – 2008 //URL: <http://ssrn.com/abstract=1148386>

рост. Большинство современных моделей экономического роста учитывают уровень политической стабильности в качестве одной из ключевых переменных, влияющих на развитие экономики⁵. Отсутствие стабильности влияет на объем инвестиций, институциональную базу экономики («правила игры»), уровни инфляции и процентной ставки и пр.

В представленной главе мы хотели отметить, что риск экономических издержек, связанных с политической дестабилизацией, в том числе прямые экономические потери, следует обязательно учитывать при анализе рентабельности и возможных последствий социальных и экономических инициатив правительств. В некоторых случаях они могут быть очень велики, достигая критических значений. К сожалению, эти издержки часто игнорируются при принятии управленческих решений.

Предложенная гипотеза, несмотря на свой достаточно универсальный характер, имеет границы применимости и, на наш взгляд, является актуальной в первую очередь для современных стран со средним или высоким уровнем развития образовательной системы, свободным рынком труда и определенной степенью интеграции в мировые экономические и миграционные процессы – т.е. для стран, составляющих явное большинство в современном мире.

«Естественный уровень образования»: описание феномена

Термин «естественный уровень образования» мы используем, проводя параллели с экономическим понятием «естественный уровень безработицы». Сущность этого эффекта обусловлена существенно возросшими в XX в. регулятивной и стабилизационной функциями системы третичного

⁵ Hibbs D.A.Jr. The Politicization of Growth Theory. – *Kyklos*, Wiley Blackwell, 2001. Vol. 54 (2-3). P. 265–286. URL: <http://douglas-hibbs.com/HibbsArticles/Kyklos%202001.pdf>

образования. Как справедливо отмечает Г. Дерлугьян⁶, после 1945 г. образование стало формой снятия социального напряжения и давления на рынок труда. В условиях экономического спада, а также демографического скачка именно система образования может помочь «разгрузить» потенциально опасные для стабильности политического режима группы населения, не имеющие возможности найти свое место на рынке труда, предоставив им занятие в течение определенного времени и возможность обучения новым специальностям, переподготовки или повышения квалификации. Тем самым системой образования выполняются как важная экономическая (подготовка востребованных специалистов), так и политико-социальная функции. Ведь увеличение массы неустроенной и незанятой молодежи может повлечь за собой целый спектр дестабилизирующих последствий: рост преступности, распространение фундаменталистских и экстремистских настроений, не говоря уже о масштабных уличных протестах. Роль системы образования как стабилизирующего института тем более возрастает во времена серьезных политических и социальных трансформаций. Как правило, в этот период, назовем его «повышательной волной», происходит расширение доступа к образованию, растет число учащихся и учебных заведений, увеличивается и значение образовательной системы как работодателя. Растущая массовизация нередко приводит к снижению качества образовательных услуг. На качество образования, а соответственно и на шансы будущих работников на рынке труда, может отрицательно влиять и государственная политика, направленная на экономию и оптимизацию.

Оптимальной является ситуация, когда параллельно увеличению числа учащихся наблюдается устойчивый экономический рост, в этом случае система образования «выиг-

⁶ Интервью с Г. Дерлугьяном / Быков П., Гурова Т. Капитализм для всех // Эксперт. 2011. № 9. С. 8.

рывает время», позволяя растущей и развивающейся экономике создавать новые рабочие места и предпринимательские возможности для новых временных когорт населения, а подавляющее большинство выпускников могут найти адекватную работу и реализовать полученные компетенции.

Однако часто ситуация развивается отнюдь не в соответствии с оптимистичным сценарием. Если в дальнейшем темпы экономического роста или его качественные характеристики оказываются в значительной степени не конгруэнтными количеству выпускников и качеству образовательных услуг, мы можем наблюдать обратный эффект «понижительной волны». В периоды кризисов и стагнации рынок труда, и особенно образованных специалистов, оказывается перегрет. Ограниченность социальных лифтов, высокий уровень безработицы, снижение заработной платы, зыбкость видимых перспектив озлобляют и радикализируют трудоспособное население. Ситуация приобретает дополнительную остроту так как эти люди обладают достаточным уровнем образования, чтобы иметь относительно высокие (точнее сказать, не критически низкие) социально-материальные запросы и интеллектуальную способность воспринимать политические идеологии и другие «месседжи». Речь идет скорее не о перепроизводстве «шумпетеровских» «интеллектуалов»⁷, хотя они тоже могут оказывать влияние на политическую стабильность, а о массовой безработице, затрагивающей представителей широкого спектра специальностей. Больше всего от этих процессов страдает молодежь – в крупных городах происходит набор критической массы образованных, но неустроенных в жизни молодых людей, которые могут трансформироваться в главную угрозу политическому режиму. Ситуацию, близкую к описанной, можно было наблюдать,

⁷ См.: Шумпетер Й. Социология интеллектуалов // Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 201–214.

например, во время революционных событий 2011 г. в Тунисе и Египте.

Таким образом, стабилизационные возможности системы образования имеют темпоральный эффект, они позволяют «выиграть время». В том случае, если структурные экономические и социальные проблемы не решаются в течение длительного срока, рост образовательного уровня населения приводит к негативным для сохранения стабильности политического режима (особенно авторитарного) процессам: эффекту «завышенных ожиданий», распространению информационных технологий и гражданской активности. Если же власти осознают проблему и начинают «решать» ее посредством реформ и массовых сокращений в образовательной сфере, это дополнительно обостряет сложившуюся ситуацию. Оппозиционные движения вполне могут придать конкретное политическое направление недовольству молодежи и интеллигенции.

Как показывает опыт, политическая энергия недовольных масс молодых людей может быть достаточно велика и неуправляема. Но если в демократических странах она ведет к акциям протеста (включая и погромы) и электоральной поддержке оппозиции (наличие которой само по себе снижает напряжение), то в странах с авторитарными политическими режимами возможны гораздо более масштабные политические волнения – вплоть до революций и свержения власти.

Ключевой тезис настоящего исследования: в мире XXI в. одна из основных угроз стабильности политических режимов (особенно авторитарных и особенно в развивающихся странах) исходит от подготовки заведомо «избыточного» количества образованных молодых людей. Важным индикатором стабильности представляется рост безработицы именно в этой группе населения.

Таким образом, «естественный уровень образования» можно определить как напрямую влияющий на уровень политической стабильности, оптимальный баланс между каче-

ством и объемом образовательных услуг, доступностью образования с одной стороны и уровнем экономического развития общества и динамикой экономического роста – с другой. Этот баланс соблюдается, когда объем выпуска системы образования примерно соответствует потребностям экономики с учетом перспектив роста и практически недостижим в условиях стагнации, а тем более затянувшегося экономического спада, а также структурной деградации, упрощения экономики (например, при деиндустриализации). Несправедливая, сильно поляризованная социальная структура также затрудняет его достижение. Наконец, высокий уровень демографического давления тоже усложняет оптимизацию этого процесса.

В современном мире система образования является одной из ведущих подсистем общества. Политические потрясения и революции начала XXI в. демонстрируют растущее участие в них образованных слоев населения, что во многом объясняет их относительно бескровный характер. На эту тенденцию обратили внимание эксперты ООН: во «Всемирном докладе по проблемам молодежи» справедливо отмечается, что нынешнее поколение молодежи – самое образованное в истории человечества, однако уровень безработицы среди молодых увеличился до «беспрецедентно высокого уровня» и продолжает расти, а 45 % молодежи в мире живут на два доллара в день⁸.

Резюмируя сказанное, хотелось бы подчеркнуть опасность разбалансировки отношений между рынком труда (и в целом экономикой) и системой образования.

Любые заметные экономические колебания создают естественную разбалансировку, но не очень значительную и поддающуюся коррекции. С нашей точки зрения, такая разбалансировка, даже очень масштабная, может сознательно

⁸ См.: Образованное бедное поколение // Взгляд. – 5.10.2005. URL: <http://www.vzglyad.ru/society/2005/10/5/8904.html>

осуществляться правящим режимом (хотя осознанность такой политики не следует переоценивать) за счет переподготовки большого количества специалистов, значительно превышающего текущие/прогнозируемые потребности экономики. Такое искусственное разведение спроса и предложения на рынке труда может являться и следствием неумеренной жадности учебных заведений, и социокультурных факторов, но в то же время подобная ситуация, как правило, так или иначе обусловлена государственной политикой. Нельзя списать эту разбалансировку на жадность и неэффективность системы образования, которая является институтом, реагирующим на более масштабные процессы, происходящие в политической и экономической сферах.

Здесь хотелось бы отметить важный момент: стремительное, опережающее экономические возможности развитие системы образования может осуществляться и по идеологическим причинам. Несмотря на имеющуюся в этом логику и возможное благородство целей, последствия такой политики для проводящей ее элиты могут быть различны. Возможны также и ситуации, когда, подобно Временному правительству в России, которому нечего было предложить населению, кроме гражданских прав, политическому режиму в определенный момент может оказаться просто нечего предложить молодежи, кроме образования.

В качестве крайне показательных примеров описанного эффекта можно выделить революции 2011 г. в Тунисе и Египте. Обе страны почти синхронно столкнулись с вспышками дестабилизации «снизу», приведшими к крушению авторитарных политических режимов. Даже если не учитывать тот факт, что события в Тунисе оказали непосредственное влияние на развитие ситуации в Египте, бросается в глаза то, что в предреволюционной обстановке этих стран очень много общего. Это наиболее светские и умеренно-либеральные страны региона со схожей демографической ситуацией, ха-

рактизирующейся ярко выраженным «молодежным бугром»⁹, системой массового и доступного третичного образования и уровнем развития экономики, явно недостаточным для такого значительного количества выпускаемых специалистов. Поэтому движущей силой революций в обеих странах стала образованная, но неустроенная в жизни молодежь. На это указывают многие исследователи. Так, Б.В. Долгов совершенно справедливо отмечает: «Значимым фактором стали социально-демографические особенности арабских стран. В большинстве из них до 50 % населения составляют молодые люди в возрасте до 35 лет – именно они в первую очередь страдают от нерешенных социально-экономических проблем. Безработица в этой возрастной группе достигает 50 %, причем работу не находят в первую очередь дипломированные специалисты, особенно гуманитарных специальностей. Более всего это характерно как раз для Туниса и Египта. Молодые выпускники университетов вынуждены заниматься мелкооптовой торговлей и мелким бизнесом; не имея достойного дохода, они часто лишены возможности создать семью, при том, что семейные ценности в арабско-мусульманском обществе котируются весьма высоко»¹⁰. Как мы отмечали выше именно образованная молодежь, которой более свойственны неприятие диктатуры и коррупции, рост гражданского самосознания, понимание сути социальных и политических проблем, готовность «идти до конца» в протесте, не отвлекаясь на мелкие уступки и эффективно организовываться в сети, представляет наибольшую угрозу для авторитарных политических режимов.

⁹ Необычно высокая пропорция молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении.

¹⁰ Долгов Б.В. «Взрыв» в арабском мире: внутренний и внешний контекст // Перспективы. – 15.04.2011. URL: http://www.perspektivy.info/oukumena/vector/vzryv_v_arabskom_mire_vnutrennij_i_vneshnij_kontekst_2011-04-15.htm

Примечательно, что социальный взрыв оказался неожиданностью, его было сложно предсказать на основе стандартных данных экономической статистики, поэтому неслучайно и режим Бен Али, и режим Х. Мубарака не разглядели его и начали предпринимать адекватные меры слишком поздно.

Попытаемся выявить ту, несомненно, важную роль, которую, на наш взгляд, в рассматриваемых событиях сыграла система образования. Очевидно, что Египет и Тунис – лидеры региона в этой сфере. В обеих странах государство контролирует сферу третичного образования, активно формирует и проводит образовательную политику. В обеих странах с начала 1990-х гг. бурно развивается образование и растет число студентов. Различие между двумя странами в этом аспекте заключается в том, что египетская система образования более масштабна и явно ориентирована на количественные показатели (что неудивительно, учитывая, что это самая густонаселенная страна арабского мира) при очень низком качестве обучения – 7-е место в регионе; в то же время в Тунисе качество высшего образования находится на относительно высоком для стран региона уровне – 2-е место после Иордании, поэтому дипломированные специалисты-иммигранты из Туниса активно работают в странах ЕС.

Тунис

Политический режим Туниса представлял собой классический пример диктатуры стареющего Президента Зин аль-Абидин Бен Али, завладевшего властью в результате военного переворота 1987 г. и с тех пор бессменно руководившего страной. Несмотря на определенные успехи, достигнутые в экономике и социальной сфере, в стране процветали клановость и коррупция, подавлялась оппозиция. Семья и приближенные Президента контролировали ключевые экономические активы.

Несмотря на это, образование являлось явным приоритетом для властей Туниса, более 20 % государственного бюджета было направлено в эту сферу, на высшее образование тратилось 2 % ВВП. Образование было преимущественно государственным, в частных ВУЗах обучался всего 1% студентов. Высшее образование в Тунисе вполне европейского уровня, и получить его можно бесплатно. В начале 1990-х гг. в сфере образования были предприняты масштабные реформы, и с этого момента в стране начался лавинообразный рост количества студентов: если в 1995 г. их было примерно 102 тыс., то через 10 лет уже втрое больше – 365 тыс., а в 2010 г. – около 470 тыс.¹¹ Государство форсированными темпами создавало новые учебные заведения: так, с 2005 по 2008 г. было открыто 22 новых государственных ВУЗа¹².

В последние годы университеты и колледжи страны ежегодно выпускали до 70 тыс. специалистов¹³, но, что вполне предсказуемо, не было соответствующего появления достаточного количества рабочих мест.

В стране росла безработица среди выпускников, норма отдачи образования падала. Явно обозначились, хотя и не достигли критического уровня, «образовательные пузыри» – число студентов-гуманитариев и экономистов/юристов достигло 60 % от всех учащихся¹⁴.

Напряжение снимало то обстоятельство, что качество образования было достаточно высоким, и многие образованные тунисцы уезжали на заработки в Европу. Мировой кри-

¹¹ Education in Tunisia // URL: www.wikipedia.org

¹² Ministry of Education and Training of Republic of Tunisia. The Development of Education. National Report 2004-2008. URL: http://www.ibe.unesco.org/National_Reports/ICE_2008/tunisia_NR08.pdf

¹³ См.: Мирзаян Г. Первая арабская // Эксперт. 2011. № 3.

¹⁴ Ministry of Education and Training of Republic of Tunisia. The Development of Education. National Report 2004-2008. URL: http://www.ibe.unesco.org/National_Reports/ICE_2008/tunisia_NR08.pdf

зис привел к сокращению экспорта, туризма и рабочих мест. Кроме того, государства Евросоюза сократили прием иностранных рабочих и дипломированных специалистов-иммигрантов, в том числе из Туниса.

В результате, по разным оценкам, от 30 до 50 % молодых специалистов в стране не имели работы, а те, кому «повезло», вынуждены были устраиваться на низкооплачиваемые и непрестижные должности.

Своеобразной искрой, из которой возгорелось пламя тунисской «жасминовой революции», послужил акт саможжения представителя этой части молодежи Мухаммеда Буазизи (впоследствии попытки саможжения молодых безработных были предприняты в других арабских странах). Еще двое молодых тунисцев последовали его примеру, остальные, примерив их судьбу на себя, вышли на улицу с политическими требованиями и стали устраивать стычки с полицией. Политический вектор развернувшимся событиям дополнительно придали предстоящие президентские выборы в стране и желание действующего Президента идти на шестой срок, попутно вновь переписав для этого конституцию. Образованная толпа оказалась гораздо последовательней и радикальней в своих политических требованиях, чем предполагал Бен Али, и ему пришлось покинуть страну.

Можно ли считать Тунис примером сознательного перепроизводства дипломированных работников? С нашей точки зрения это было бы небезосновательно. Несомненно, государство проводило образовательную политику в первую очередь по экономическим и идейным соображениям, но в том числе и по политическим причинам – рост образования был важен для предотвращения распространения исламизма, «занятия» многочисленной молодежи, а также сокращения недовольства авторитарным правлением Президента, его семьи и приближенных к власти кланов, что давало основания называть режим Бен Али «просвещенной диктатурой». Можно предположить, что важной целью этой политики также

было не допустить роста преступности, учитывая во многом туристический характер экономики Туниса.

Египет

Движущие силы египетского протестного движения, как и в Тунисе, были представлены массами молодых безработных, в том числе дипломированных специалистов, не приемлющих коррумпированный режим личной власти. Протестные манифестации в основном носили стихийный характер, однако непосредственным поводом для них послужило очередное повышение цен на продовольствие, прошедшие парламентские выборы, на которых «партия власти» получила абсолютное большинство голосов, а также пример бескровной революции в Тунисе.

Египет обладает самой масштабной образовательной системой в регионе, в то же время уровень развития человеческого капитала довольно невысок. Как и в Тунисе, хорошо заметно резкое увеличение количества студентов с первой половины 1990-х гг., все в меньшей степени коррелирующее с развитием экономики. Как и в Тунисе, за десятилетие с 1995 по 2005 г. количество студентов ВУЗов в стране утроилось¹⁵. За этот же период ВВП страны увеличился, по приблизительным оценкам, примерно на 65–70 %. Это хорошие темпы роста, однако квалифицированных рабочих мест в стране создавалось явно недостаточно¹⁶. Государство пред-

¹⁵ Успехи высшего образования в динамично развивающихся странах. URL: <http://www.uis.unesco.org>

¹⁶ Согласно некоторым оценкам, ежегодно в Египте $\approx 700\,000$ новых выпускников претендуют на 200 000 рабочих мест (См.: Голдман Д. Интернет-пузырь в ближневосточной политике // Asia Times Online // Око планеты. – 16.02.2011. URL: <http://oko-planet.su/politik/newsday/62161-internet-puzyr-v-blizhnevostochnoy-politike-asia-times-online-kitay-gonkong.html>). Отечественный ученый А.В. Кортаев пишет об этом: «...на одном только гуманитарном факультете Каирского университета

принимало определенные шаги с целью заделать эти бреши – в основном создавая относительно низкооплачиваемые места в бюджетном секторе, но эти меры не смогли решить проблему. Таким образом, число людей с высшим образованием, которые не могут найти работу, постоянно растет, как и их фрустрация и разочарование.

Тем не менее, около 1/3 молодых египтян идут получать третичное образование¹⁷, система которого в стране высокоцентрализована. По всей видимости, преобладают количественные инвестиции, поскольку параллельно увеличению числа учащихся отчетливо наблюдалось сокращение затрат на подготовку одного студента¹⁸.

Эти факторы, несомненно, оказали свое влияние, наложившись и на другие насущные проблемы страны. Так, А.В. Коротаяев и Ю.В. Зинькина, ссылаясь на исследование, проведенное Центральным агентством по общественной мобилизации и статистике Египта в III квартале 2010 г., отмечают, что «уровень безработицы к началу Египетской революции был по мировым меркам не особенно высоким – порядка 9%¹⁹. Но при этом [...] около половины всех египетских безработных относились к возрастной группе 20–24 года! Общее число безработных в Египте – порядка двух с половиной миллионов. Таким образом, в стране накануне революции было более миллиона безработных этой возрастной

обучались 30 000 студентов! Во всем МГУ учится на 10 000 больше. 30 000 дипломированных гуманитариев! Всего в одном лишь Каирском университете более 200 000 студентов. В другом учебном заведении города – Айн-Шамсе – лишь немногим меньше. Это только два университета. В Каире есть еще много других... Трудоустроить всех выпускников практически нереально. Вот она – движущая сила революции» (См.: Коротаяев А.В. Молодым нечего терять. Каким странам угрожает собственная молодежь. – ФОМ. – 10.05.2011. URL: <http://fom.ru/globe/43>)

¹⁷ Education in Egypt // URL: www.wikipedia.org

¹⁸ Там же.

¹⁹ По другим данным – 10% (прим. В.Г. Иванова).

группы, которые и составили ударную силу революции. [...] Еще одно впечатляющее обстоятельство – более 43 % египетских безработных имело высшее образование! Таким образом, ударный отряд египетской революции был не только молодым, но и очень высоко образованным. Это обстоятельство придало заметную специфику Египетской революции»²⁰.

Широкое распространение спутниковых телеканалов и особенно Интернета создало для египетской образованной молодежи мощные средства самоорганизации (неслучайно название «твиттерная революция») и не позволило спецслужбам предотвратить массовые акции протеста.

Примеры предреволюционного Египта и Туниса демонстрируют, как серьезное нарушение «естественного уровня образования» являлось одним из факторов политической нестабильности в свете экономических затруднений. Однако если внимательно приглядеться, здесь можно увидеть и симптомы более масштабного процесса. Экономика обеих стран росла достаточно уверенно, но в определенный момент количество образованной рабочей силы стало заметно превышать возможности экономического развития. Этому развитию, а также адекватному трудоустройству молодежи препятствуют непотизм правящей элиты, ее хищнические действия: захват активов и их перераспределение между «своими», недобросовестная конкуренция, вывоз капитала, а также авторитарные попытки удержать власть: закупорка социальных лифтов, снижение вертикальной мобильности, репрессии и др. Образованные люди понимают, что жизненно необходимая им (просто для того, чтобы нормально жить и реализоваться) модернизация в существующих институцио-

²⁰ Коротаяев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ // URL: <http://www.politstudies.ru/extratext/text/issue2011A.htm>

нальных условиях и с такой элитой является труднодостижимой. Они не видят перспектив.

По всей видимости, наблюдаемые революционные события – симптом того, что достигнут предел применимости модели «просвещенной» клановой автократии XX в., она заходит в тупик. По мере роста числа образованных людей, общества уже перерастают ее, уровень политического сознания людей перерос уровень развития политической системы.

Почему же этот процесс характерен в первую очередь для стран с авторитарными, а не демократическими или тоталитарными политическими режимами? На наш взгляд, ответ следует искать в классическом определении авторитаризма: этот тип политического режима в отличие от других, имеет тенденцию исключать людей из политики, а не включать в нее. Этот принцип хорошо работает, когда образованных людей в обществе не очень много, но масса образованной молодежи может и не позволить лишиться себя участия в политике и определении своей судьбы. Неслучайно молодежные революции XXI в. часто называют «революциями возможностей», требующими новой среды, позволяющей лучше реализовать свой потенциал. И хотя далеко не всегда успех самих революций оборачивается достижением их целей, уровень нестабильности «снизу» в дальнейшем будет только возрастать.

Судя по всему, классический авторитаризм, характерный для многих арабских стран, не может разрешить проблему баланса «естественного уровня образования». Получается, что перепроизводя студентов, он сам создает себе могильщиков. Й. Шумпетер полагал, что буржуазный режим сам создает себе могильщиков, производя большое количество «интеллектуалов» – радикализованной интеллигенции, отвергающей сложившиеся устои и порядки, но похожий процесс характерен и для многих классических авторитарных режимов. В арабском мире за разговорами об угрозе исламского радикализма политологи проглядели эту пробле-

му. Если темпы работы системы образования сохранят свою динамику, представляется, что со временем фундаментализм будет только утрачивать свою привлекательность. И ведь пути назад для правящей элиты нет – куда деть эту образованную молодежь, эти университеты? Понизить качество образования? Как было показано выше – это не выход, да и понижать в некоторых случаях уже некуда. Ограничить прием? Эта мера сама по себе может вызвать социальные потрясения. По всей видимости, следует ожидать новых попыток борьбы с рождаемостью, а также усиления репрессивных практик – ведь, несмотря на возросший уровень притязаний образованной молодежи, все-таки, самый ценный актив – это жизнь.

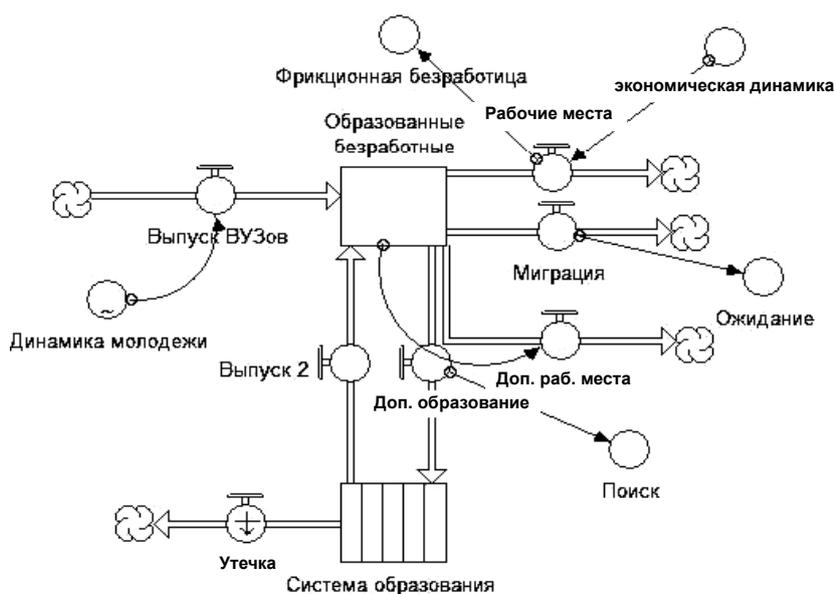


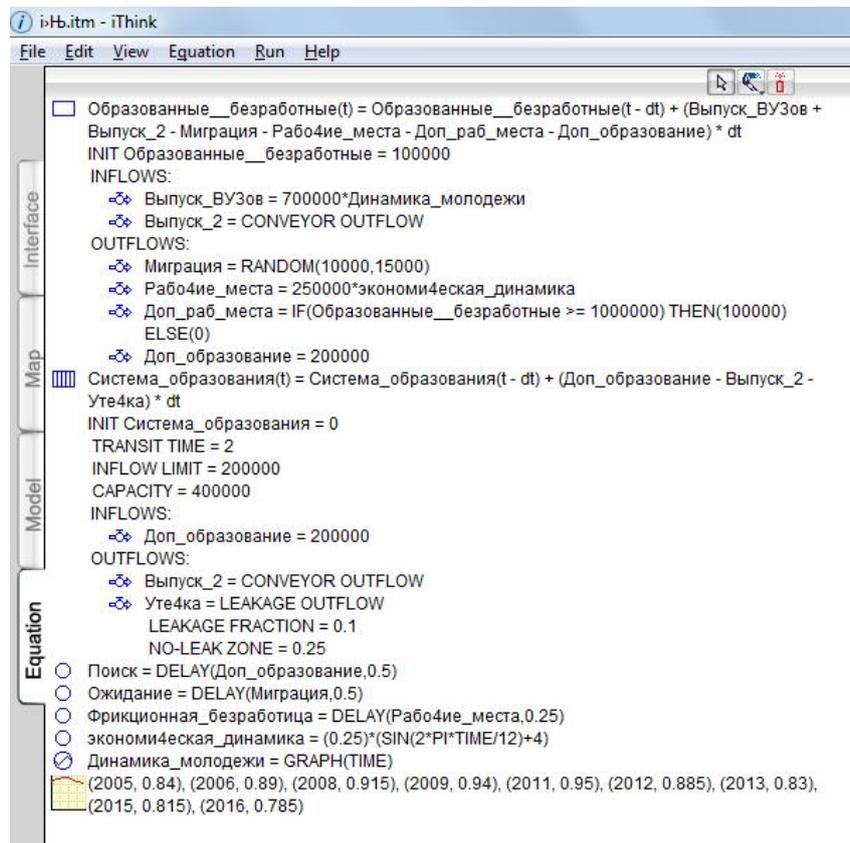
Рис. 1. Блок-схема модели «естественного уровня образования» на примере современного Египта

Несмотря на то, что события «арабской весны» оказались полной неожиданностью для ряда политических режи-

мов, эффект «естественного уровня образования» довольно просто смоделировать.

Для наглядной иллюстрации рассматриваемых эффектов мы создали несложную модель в программе динамического моделирования iThink 9.0.2 от компании Isee Systems inc (см. рис. 1). Специфическая орфография на схеме объясняется особенностями работы программы с русским языком.

На рис. 2 представлен «уровень формул» – детальное представление модели в языке программирования, позволяющее понять ее механизм.



Как видно, ключевую угрозу для политической стабильности может представлять растущее и уже по видимости перешагнувшее критический уровень число выпускников учебных заведений, испытывающих проблемы с трудоустройством. Причем даже существенный экономический рост и соответствующее оживление рынка труда не смогут решить эту проблему. В то же время возможности экстенсивного роста низкооплачиваемых рабочих мест в стране исчерпаны или близки к исчерпанию – ¼ населения Египта живет не более чем на 2 доллара в день. Результаты моделирования позволяют нам предположить, что состояние нестабильности в Египте будет сохраняться, во всяком случае, в кратко- и среднесрочной перспективе. Обнадеживающим фактором здесь является наметившееся сокращение численности молодежи, как и ее доли в общем составе населения – постепенное выравнивание «демографического бугра».

В то же время, хотелось бы оговориться, что, в силу естественных ограничений представленная модель выполняет в основном иллюстративную функцию и не содержит важные блоки и субмодели (такие, как, например, уровень фрустрации или уровень безработицы среди необразованных групп населения и т.д.).

По всей видимости, мы являемся свидетелями заката очередной парадигмы модерна – образование больше не является гарантией экономического роста, модернизации и социального благополучия. Увеличение числа дипломированных специалистов может утрачивать прямую связь с производительностью труда в масштабе экономики. Как представляется, впервые наиболее остро данное противоречие проявилось в развивающихся странах арабского мира.

Л и т е р а т у р а

1. Бурдые П. Социология политики. М., 1992.
2. Голдман Д. Интернет-пузырь в ближневосточной политике // Asia Times Online // Око планеты. – 16.02.2011. URL:

- <http://oko-planet.su/politik/newsday/62161-internet-puzyr-v-blizhnevostochnoy-politike-asia-times-online-kitay-gonkong.html>
3. Долгов Б.В. «Взрыв» в арабском мире: внутренний и внешний контекст // Перспективы. – 15.04.2011. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/vector/vzryv_v_arabskom_mire_vnutrennij_i_vneshnij_kontekst_2011-04-15.htm
 4. Дракер П. Эра социальной трансформации. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/leader/transformation/>
 5. Иноземцев В. Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества // Полис. 1999. № 5.
 6. Интервью с Г. Дерлугьяном / Быков П., Гурова Т. Капитализм для всех // Эксперт. 2011. № 9.
 7. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ. URL: <http://www.politstudies.ru/extratext/text/issue2011A.htm>
 8. Коротаев А.В. Молодым нечего терять. Каким странам угрожает собственная молодежь. – ФОМ. – 10.05.2011. URL: <http://fom.ru/globe/43>
 9. Мирзаян Г. Первая арабская // Эксперт. 2011. № 3.
 10. Образованное бедное поколение // Взгляд. – 5.10.2005. URL: <http://www.vzglyad.ru/society/2005/10/5/8904.html>
 11. Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект-Пресс, 2008.
 12. Успехи высшего образования в динамично развивающихся странах. URL: <http://www.uis.unesco.org>
 13. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
 14. Шумпетер Й. Социология интеллектуалов // Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
 15. Education at a Glance: OECD Indicators – 2007 Edition. URL: http://www.oecd.org/document/30/0,3746,en_2649_39263238_39251550_1_1_1_1,00.html
 16. Education at a Glance: OECD Indicators – 2007 Edition. – Table A1. URL: http://www.oecd.org/document/30/0,3746,en_2649_39263238_39251550_1_1_1_1,00.html
 17. Education at a Glance: OECD Indicators – 2009 Edition. – Table A1 // URL: http://www.oecd.org/document/24/0,3343,en_2649_39263238_43586328_1_1_1,00.html#4

18. Education in Egypt // URL: www.wikipedia.org
19. Education in Russia // URL: www.wikipedia.org
20. Education in Tunisia // URL: www.wikipedia.org
21. Hibbs D.A.Jr. The Politicization of Growth Theory. – *Kyklos*, Wiley Blackwell, 2001. Vol. 54 (2–3) // URL: <http://douglas-hibbs.com/HibbsArticles/Kyklos%202001.pdf>
22. Kaufman D., Kraay A. & Mastruzzi M. Governance matters VII: Governance indicators for 1996-2007. World Bank Policy Research Working paper 4654. – 2008. URL: <http://ssrn.com/abstract=1148386>
23. Ministry of Education and Training of Republic of Tunisia. The Development of Education. National Report 2004-2008 // URL: http://www.ibe.unesco.org/National_Reports/ICE_2008/tunisia_NR08.pdf
24. Olson M. Rapid Growth as a Destabilizing Force // *The Journal of Economic History*. 1963. Vol. 23. № 4.

М.М. Мчедлова, А.Г. Шевченко

**ДОКТРИНАЛЬНОЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
В МЕЖРЕЛИГИОЗНОМ ДИАЛОГЕ
(ПРИМЕР РОССИИ)**

Проблема взаимоотношений приверженцев разных религий и отношения к иной религиозной вере носит многоаспектный и амбивалентный характер. Актуальность для теории и практики данной проблемы определяется рядом причинных комплексов, из которых приоритетными представляются следующие: необходимость поиска основы сопряжения религиозных различий в поле российской цивилизации, потребность в социальной стабильности и социальном консенсусе в горизонтальных и вертикальных срезах российского общества, императив преодоления религиозной нетерпимости в социальной ткани, обеспечение толерантного климата для взаимодействия между последователями различных конфессий, а также между религиозными и светскими сегментами российского общества. Это коррелирует с практической задачей необходимости коррекции и выработки адекватной политики государственно-конфессиональных отношений, учитывающей поликонфессиональность российской цивилизации и направленной на достижения оптимального баланса интересов всех заинтересованных групп. Ключевое значение здесь приобретает понятие межрелигиозного диалога, рассматриваемого в качестве наиболее адекватной формы таких отношений.

В многоконфессиональных государствах, где сосуществуют различные религиозные течения, проблема равенства их возможностей, равноправного диалога является наиболее острой. В условиях, когда религия становится важным фактором идентификации индивида и социальных групп, когда она вплетается в политический процесс в различных формах и проявлениях, проблема взаимодействия приверженцев раз-

личных конфессий выходит на авансцену социального бытия, высвечивая целый спектр новых форм взаимоотношений государства, религиозных организаций и общества. Не случайно возможность диалога между различными религиозными и культурными группами как стратегия оформления разнообразия в рамках определенных политических императивов представляет собой один из самых серьезных вызовов, с которым сталкивается современная демократия. Во многом это связано с постоянным увеличением диверсификации, но также и с тем, «что доминирующий этос современных демократий все более и более враждебен по отношению к идее подавления различий между людьми... Демократии нуждаются в высокой степени консенсуса относительно политической идентичности общества... Но как соединить культурное разнообразие и надежный консенсус?»¹.

Установление доброжелательных цивилизованных взаимоотношений между всеми гражданами, каких бы мировоззренческих принципов они не придерживались, является одной из приоритетных целей любого общества, поскольку обеспечивает и социальную стабильность, и эффективность государственного управления, и культурную целостность. Одновременно следует подчеркнуть многоуровневость и многоаспектность такого диалога, приобретающего в их рамках специфический характер. Это может быть диалог между институционализированными вероисповедными сообществами, между лицами – приверженцами разных религий, наконец, между культурно-религиозными и этнорелигиозными общностями, сложившимися на базе различных религиозных традиций.

Межрелигиозный диалог как таковой может быть рассмотрен как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле это взаимодействие религиозных систем на доктриналь-

¹ Тейлор Ч. Защищая мультикультурализм. 06.12.10. URL: <http://www.russ.ru/pole/Zaschischaya-mul-tikul-turalizm>

ном уровне, требующее сознательной установки, концептуальной разработки и институционального оформления. Доктринальный диалог имеет первостепенное значение для институционально оформленных вероисповедных сообществ.

Однако существуют сущностные ограничительные рамки его осуществления, поскольку каждая религия заявляет о вселенском и абсолютном характере собственного трансцендентного опыта и о ложности всех остальных. Признание равноценности и равнозначимости всех «путей к Богу» для действительно религиозного человека представляется абсолютно невозможным. Вследствие этого взаимоотношения между приверженцами разных религиозных традиций могут приобретать особую остроту и напряженность, поскольку «каждый верующий человек, считающий свою веру истинной, предполагает (сознательно или бессознательно), что его собственный опыт имеет религиозно-предметное содержание; мало того, он предполагает, что иноверные люди осуществляют неверный религиозный акт, тогда как сам он и его единоверцы владеют верным религиозным актом. Из истории религий мы знаем, что это чувство чужой «неверности» в акте и содержании – при известных условиях... переживалось определенными людьми, народами так остро, что вызывало активный и даже кровавый протест против «нечестия» нечестивых и «кощунства» кощунствующих»².

Четкое осознание несводимости духовного опыта отдельных религий к «религии вообще» приводит И. Ильина к констатации непреодолимости доктринальных границ между различными вероисповеданиями: «Строго говоря, нам, христианам, поскольку мы пребываем в полноте христианского опыта, и ведаем сердцем, и веруем разумом, Кого мы имели и имеем во Христе, – нам нелегко даже понять, как могли люди иных религий получать основные дары религии от учителей, которые были не более чем вдохновенно-

² Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993. С. 120–121.

верующими просто-человеками. Ибо мы имели и имеем во Христе не просто благого наставника, и не просто мудрого праведника, но как бы «отверстую дверь к Богу», на пороге которой мы видим самого Бога в человеческом образе...»³.

Доктринальное взаимодействие различных религиозных систем носит обычно крайне ограниченный характер, и адаптация любых элементов одной из них обычно происходит за счет другой стороны⁴. Вследствие этого все усилия по сближению доктринальных основ даже близкородственных вероисповеданий в пределах одной религии оказывались обычно бесплодными. Факты подобного рода можно найти в истории христианских Церквей, причем чаще всего такие инициативы исходили не от священнослужителей и богословов, а от светских правителей, стремившихся таким способом разрешить чисто политические проблемы⁵. Это подтверждает и судьба экуменического движения⁶.

Экуменизм, постулирующий движение за сближение и объединение различных христианских конфессий, первоначально зародился в протестантской среде на основе так называемой «теории ветвей». Суть последней в том, что все исторически возникшие христианские конфессии и Церкви, несмотря на все доктринально-догматические расхождения, являются «ветвями» единой христианской Церкви, которые

³ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993. С. 272.

⁴ Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998. С. 18.

⁵ Наиболее яркий пример – неудачная попытка византийского императора Ираклия (611–641) примирить сторонников и противников (православных и монофизитов) Халкидонского догмата о двух природах Богочеловека путем принятия компромиссной вероисповедной формулы – о наличии во Христе единой воли при двух природах – божественной и человеческой. Такая формулировка в итоге не устроила ни православных, ни монофизитов, приведя лишь к новому расколу христианства, в результате которого возникло третье христологическое течение – монофелитство.

⁶ Экуменизм (от греческого «οἰκουμένη» – обитаемый мир, вселенная) – идеология всехристианского единства.

взаимно обогащают друг друга. При своем возникновении в 1910 г. экуменизм понимался лишь как солидарность и сотрудничество разных христианских церквей, конфессий и деноминаций в евангельской проповеди и в противостоянии антихристианским культам.

Со временем, однако, возобладало иное понимание экуменизма, связанного с утверждением сотериологического равноправия разных христианских конфессий, на основании которого постулируется несущественность расхождения доктринально-богословских формул, в связи с чем догматически разделенные христианские течения рассматриваются как части единой «Сверхцеркви». Это, однако, довольно скоро привело экуменическое движение к серьезному кризису: любые мероприятия, направленные на достижение «христианского единства» в рамках ВСЦ и других международных межцерковных организаций посредством признания несущественными догматических и канонических различий, в конечном счете оказывались неудачными. Попытки экуменически «соединить» христианские конфессии в некоем «универсальном синтезе» на практике вели не к обновлению христианства, а к конструированию некоей абстрактной и безжизненной «сверхрелигии», по сути своей – уже и не христианской, в центре которой не Бог, а человек с его чисто земными потребностями и притязаниями.

В еще большей мере доктринальная ограниченность «экуменического синтеза» проявляется в попытках дополнить христианство теми или иными элементами нехристианских религиозных верований. К таковым, в частности, относится основанная на ряде внешних доктринальных совпадений попытка соединения христианства и ислама как двух ветвей единого авраамического монотеизма, в пределах которого ислам рассматривается как «религия Третьего Завета», призванная евангельское Откровение дополнить кораническим Откровением.

Здесь, однако, следует иметь в виду, что внешние совпадения отдельных положений принципиально различных религиозных доктрин, в частности, христианства и ислама, имеют, как правило, периферийный характер и не должны вводить в заблуждение. Так, например, 2-я сура Корана «Корова» причисляет Иисуса (пророка Ису) к сонму ветхозаветных пророков, предваривших проповедь Мухаммада (Кор. 2: 130). При этом 10-я сура «Иона» прямо отрицает основополагающую христианскую доктрину Богосыновства, которая трактуется как ложное измышление (Кор. 10: 69).

По мнению Ивана Ильина, данные коранические тексты наиболее ярко подтверждают мысль о том, что религиозный «акт мусульман никогда не постигал Христа, несмотря на безусловное признание Его «пророческого» достоинства»⁷. Доктринальный межрелигиозный диалог неизбежно предполагает учет наличия в вероучениях разных религий взаимоисключающих догматических положений и установок, делающих невозможным не только какой-либо вероучительный синтез, но и любое доктринальное сближение, что, в свою очередь, предусматривает восприятие вероисповедных границ как объективной данности, непреодолимой в пределах земной истории. Вследствие этого необходимо перенесение проблемы взаимоотношений приверженцев различных религий из чисто доктринальной в иную плоскость. На это, в частности, указывал русский религиозный философ Л. Карсавин (1882–1952), получивший признание также и в качестве историка-медиевиста, вдумчивого исследователя западно-христианской религиозной традиции. По его словам, «религиозная терпимость не может довести до признания одинаковой ценности всех, даже противоположных религиозных учений. Тогда она стала бы из религиозной терпимости нерелигиозным равнодушием. О догматически-теоретической веротерпимости говорить совершенно бес-

⁷ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993. С. 125.

смысленно. Можно говорить лишь о нравственно-практической терпимости, т.е. о принципиальном воздержании от насилия в применении к инаковерующим»⁸.

Таким образом, доктринально-догматические и нравственно-практические аспекты межрелигиозного диалога не являются тождественными. Из этого тезиса нередко делается вывод, что сама доктринальная терпимость к иным вероисповеданиям и их приверженцам неизбежно ведет лишь к религиозно-мировоззренческой эклектике и внерелигиозному равнодушию, а потому сам межрелигиозный диалог неизбежно будет носить конфронтационный характер, когда обе его стороны воспринимают друг друга исключительно как миссионерский объект. Однако именно в нравственно-практической плоскости, о которой писал Л.П. Карсавин, возможен и иной, более глубокий подход. Суть его в том, что человек, искренне и глубоко приверженный собственной религиозной традиции, ценит и уважает аналогичную приверженность – «крепость в вере» – у иноверца.

Подобную черту русского православного сознания – уважение иноверцев за их крепость в вере и порицание за пренебрежение верой отцов зафиксировали в своих произведениях и русские писатели. В повести Н. Лескова «Очарованный странник» (1872) ее герой Иван Северьянович, находясь в плену у киргиз-кайсаков Букеевской орды (именуются в повести «татарами» – собирательное название мусульманских народов) встречает невесть как попавшего в заволжскую степь еврея-талмудиста. «Человек хороший, и, видимо, в вере своей усердный, и весь в таких лохмотках, что вся плоть его видна, а стал говорить про веру, так даже, кажется, никогда б не переставал его слушать», – так говорит лесковский герой о своем неожиданном знакомстве, который

⁸ Карсавин Л.П. Католичество. Томск, 1997. С. 41.

вскоре был кочевниками убит и ограблен, причем Иван Северьянович явно сожалеет о его гибели⁹.

Такое же отношение можно встретить и у чеховских героев. Характерный в данном плане эпизод представлен в известной повести Антона Павловича Чехова «Степь», написанной в 1888 г. По ходу действия герои повести – купец Иван Иванович Кузьмичев, его спутник и компаньон о. Христофор Сирийский и мальчик Егорушка останавливаются на постоялом дворе у еврея Мойсея Мойсеича. Брат хозяина Соломон затевает с гостями спор, в котором весьма пренебрежительно отзывается о религии своего народа. Это, однако, вызывает резкое неприятие и порицание со стороны о. Христофора: «– Постой... – перебил его о. Христофор. – Если тебе твоя вера не нравится, так ты ее перемени, а смеяться грех; тот последний человек, кто над своей верой глумится». Примечательна характеристика, которую дает своему непутевому брату хозяйственный и чадолюбивый Мойсей Мойсеевич: «Не в своем уме... пропащий человек. И что мне с ним делать, не знаю! Никого он не любит, никого не почитает, никого не боится... Знаете, над всеми смеется, говорит глупости, всякому в глаза тычет»¹⁰.

По словам А. Солженицына, посвятившего творчеству Чехова специальную статью своего цикла «Литературная коллекция», образ православного священника о. Христофора с его отношением к жизни, окружающим людям и событиям является знаковым во всем чеховском творчестве: «А какой замечательный о. Христофор – даже трудно найти в русской литературе, даже у Лескова, такого светящегося и такого жизненного христианина: и как кафизмы свои читает неуклонно, и как едет шерсть продать для неумелого зятя. – Каково смирение его: покинул успешные науки по воле роди-

⁹ Лесков Н.С. Повести и рассказы. М.: Московский рабочий, 1981. С. 108.

¹⁰ Чехов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Изд-во «Правда», 1970. Т. 4. С. 100.

телей, “послушание паче поста и молитвы”. “Всю свою жизнь не знал такого дела, которое, как удав, могло бы сковать его душу”. “Счастливей меня во всем городе человека нет, ничего не желаю”. – Совмещает внутреннюю молитвенность, и полный житейский смысл, и ласковую заботу о чужом ребенке. И запах от него: кипариса и сухих васильков. И какие прекрасные жизненные нравоучения из уст отца Христофора»¹¹.

Уважительное отношение к иноверцам за их преданность своим религиозным верованиям и традициям, как бы далеки они не были от православного христианства в доктринально-догматическом плане, неоднократно высказывали и видные деятели Церкви. Одним из таковых, в частности, был выдающийся деятель Сербского Православия святитель Николай Сербский (Велимирович), архиепископ Охридский и Жичский (1881–1956).

Примечательно, что, будучи решительным противником входившего тогда в моду экуменизма, он отрицал любые догматические компромиссы. Об этом он прямо писал одному из своих корреспондентов, одержимому стремлением «уравнять все религии и создать единую веру для всех» (Письмо 126 пенсионеру П.Н., о необычном видении): «В наше время очень много говорят о равенстве религий: об этом говорят маловерные... Простите, но Вы путаете понятия. Равенство гражданских прав и обязанностей – это одно, а равенство религий – другое. Христианам строго заповедано милосердие ко всем людям, независимо от их вероисповедания, но в то же время и строгое хранение истины Христовой. Как христианин, Вы можете пожертвовать для иноверного именем и жизнью, но истиной – никогда, ибо она существует независимо от Вас, она не принадлежит вам. Здесь Ваш

¹¹ Солженицын А. Окунаясь в Чехова. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1998. № 10. С. 170.

камень преткновения, в непонимании этой разницы. От этого непонимания и произошла путаница в Вашей душе»¹².

Это, однако, отнюдь не помешало ему, в частности, воздать должное религиозной вере и мужеству турок-мусульман. В письме одному из своих духовных чад (Письмо 82 о вере и мужестве) он с уважением пишет об их владыке – султанине Сулеймане I Кануни (Законодателе, в европейской традиции – Сулейман Великолепный, 1495–1566, правил с 1520 г.), при котором Османская империя, раскинувшись на три части света, достигла своего наивысшего могущества, причем основой этого могущества как раз и была крепость в мусульманской вере: «Мне очень дорога твоя искренность в отдавании должного мусульманским героям. Но и среди них лишь те считаются героями, кто в Бога верил и Бога боялся. По моему мнению, не сабля турецкая покорила Балканы и Европу до Вены, а крепкая вера мусульман. С крепкой верой всегда соединяются дисциплина и преданность. Вооруженные этим невидимым, и тогда, и ныне, и всегда решающим оружием, турки были в состоянии создать государство, простиравшееся от Индии до Будима, одно из величайших государств в мире, создать и удерживать его крепче, чем держали Индию англичане. Когда султан Сулейман двинулся в поход на Венгрию со стотысячным войском, он издал приказ, по которому лишался головы каждый воин, позволивший себе оскорблять словом или грабить людей, встречавшихся им на пути. Как в Ветхом Завете! Но в черногорцах и герцеговинцах этот храбрый азиатский народ нашел достойных соперников в вере и благородстве»¹³.

В другом своем послании (Письмо 89 англичанину Чарльзу Б., на вопрос о личности индийца Ганди) святитель с

¹² Святитель Николай Сербский. Миссионерские письма. М.: Изд-во Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры, 2007. С. 222–223.

¹³ Святитель Николай Сербский. Миссионерские письма. М.: Изд-во Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры, 2007. С. 142–143.

величайшим почтением пишет о деятельности индийского национального и религиозного лидера Мохандаса Карамчанда (Махатмы) Ганди (1869–1948), возглавившего ненасильственную борьбу за независимость своей страны, видя в его появлении провиденциальный смысл и пример для христианских народов: «Как верующего человека, Вас мучает вопрос: «Что Промысл Божий ждет от правления и личности Ганди? Что означает появление этой необычной фигуры среди политиков и правителей нашего времени?». Предупреждение Божие – вот в чем состоит роль современного вождя индийского народа. Промысл предостерегает политиков и правителей всего мира, и христианских тоже, о том, что в политике существуют и другие методы, помимо интриг, лукавства и насилия. Политический метод Ганди совсем прост и очевиден, он не требует ничего, кроме самого человека, вопиющего к Богу и слушающего Его. Оружью, боеприпасам и армии Ганди противопоставляет пост; интригам, лукавству и насилию – молитву, политическим раздорам – безмолвие. Каким смешным и ничтожным это выглядит в глазах современных людей, не правда ли? В современных политических учебниках эти три оружия не упоминаются, даже в примечаниях к тексту. Пост, молитва и безмолвие! Вряд ли найдется в Европе и Америке политик, который без иронии посмотрит на эти три тайны индийского правителя, на три хрупких прутика против стали, олова и ядов. Однако успехи Ганди с его тремя «волшебными» прутиками удивляют весь мир. Хотят они или не хотят, но политическим законодателям Англии и других стран придется ввести в новые учебники отдельную главу: “Пост, молитва и безмолвие как мощное политическое оружие”. Как Вы думаете, человечество не станет счастливее, если эти методы некрещеного Ганди заменят в политической науке методы крещеного Макиавелли? ...Поэтому я думаю, что Господь по милости Своей выдвинул Ганди, не христианина, но служащего предупреждением христианам, особенно тем, которые умножают беды и несчастья своих

народов, используя жестокие и грубые средства правления»¹⁴. Столь высокую оценку в глазах православного иерарха Ганди получил несмотря на то, что традиция классического индуизма, в котором была укоренена гандистская идеология, в доктринальном плане гораздо дальше отстоит от православного христианства, нежели ислам и талмудический иудаизм. Закономерно предложить, что возможно взаимопочтение обоюдного права своего вероисповедания, заведомо не предполагающего ни снятия доктринальных различий, ни каких-либо экуменических компромиссов, и возможна действительная солидарность между людьми различной вероисповедной принадлежности, открывающая путь к их конструктивному взаимодействию и творческому диалогу, где духовное единение представителей народов, исповедующих разные религии, заключается не в синкретическом слиянии религиозных доктрин, а в том, какое место религия занимает в их жизни.

Более того, наличие иной религиозной системы в качестве оппонирующей становится необходимым фактором духовного самоопределения, позволяя, отталкиваясь от иноверия, как бы «углубить» свою собственную религиозную веру. При таком подходе открывается возможность увидеть в чужом вероисповедании и в иной религиозной традиции специфическую глубину и своеобразную красоту, соотнеся ее с глубиной и красотой собственной религиозной веры. В этом плане интересна мысль, высказанная К. Леонтьевым (1831–1891) в примечании к его знаменитому трактату 1875 г. «Византизм и славянство», о том, что «буддизм, не признающий личного Бога, по словам его же защитников, во многом другом более, нежели всякая другая религия, приближается к христианству. Например: учение о кротости, милосердии к другим и строгости (аскетизма) к себе. Хри-

¹⁴ Святитель Николай Сербский. Миссионерские письма. М.: Изд-во Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры, 2007. С. 155–157.

стианство содержит в себе все, что есть сильного и хорошего в других религиях»¹⁵.

Другой русский философ, И. Ильин, при всем своем строгом православии, также отнюдь не отрицал значения духовного опыта иноверных народов. По его словам, аксиомы подлинного религиозного опыта «дают некий непоколебимый критерий для всех времен и народов, – правда, не догматический, не литургический и не канонический, но “пневматический” и “актологический”. Чем вернее и полнее соблюдались эти аксиомы в других религиях (например, аксиомы духовности, самодеятельности, сердечного созерцания, катарсиса, цельности, искренности, смирения и трезвения), тем совершеннее оказывалась человеческая религиозность, тем чище и сильнее слагались ее молитвы, тем более искренними и символически-глубокими являлись ее обряды, тем достойнее бывала ее «церковная» практика; тем более дух ее приближается к Евангелию и к духу православного христианства... Следуя этому пути, я убедился еще в том, что человек иной, нехристианской веры, может быть по акту своему целостно религиозным: не узрев предметную истину, он может принять свою веру с той жизненной искренностью и полнотой, которая подобала бы христианину в пределах христианской веры»¹⁶.

«Духовная религиозность» (понимаемая как «присутствие Духа Божия»), характерная для многих нехристианских вероисповеданий, в высших своих проявлениях приближается к православию. Наиболее ярко, по словам мыслителя, она проявилась в исламской религии, что специфическим образом сказалось, например, в акте храмотворчества: «Мусульманский храм символизирует своим великим куполом единого Бога (Алла иль Алла) и своим минаретом – его пророка (Магометассул Алла); и обычно линии его просты, как его

¹⁵ Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ, Московский рабочий, 1993. С. 24.

¹⁶ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993. С. 37.

мораль, властны, как его вера, изящно-повторны, как стиль Корана»¹⁷. Такой подход, в свою очередь, позволяет устанавливать добрые отношения между приверженцами разных религий уже на личностном уровне, что гораздо плодотворнее официальных институционализированных межцерковных контактов.

Однако наибольшую значимость в современных условиях приобретает межрелигиозный диалог в его широком понимании, рассматриваемый как взаимодействие устойчивых культурно-исторических общностей (локальных цивилизаций), сложившихся на базе соответствующих религиозных традиций.

Мировые религии, при своем возникновении постулировавшие себя как вселенские и универсальные (будь то христианство, ислам или буддизм) в процессе своего исторического развития неизбежно отождествляли себя с социально-культурным опытом разных народов, становясь тем самым стержнем формирования устойчивых культурно-исторических общностей, существующих в определенных пространственно-временных координатах – локальных цивилизациях. История многообразных связей между ними, включающая как периоды острой конфронтации, так и взаимной терпимости и даже солидарности, может быть названа межрелигиозным диалогом в его широком понимании – более точно его можно культурно-религиозным диалогом.

На данном уровне доктринальное противостояние религий, равно как и межличностные отношения их приверженцев, находят свое специфическое проявление, накладывая отпечаток на характер оппозиции «мы-они», складывающейся в процессе формирования этнических и цивилизационных идентичностей. В данном случае межрелигиозный диалог уже не выступает в своем чистом виде, будучи в значительной мере опосредованным потребностями собственно

¹⁷ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993. С. 274–275.

цивилизационного развития. Без прорывов к трансцендентному началу, составляющему собственно религиозный «субстрат», локальные цивилизации лишаются важнейшего творческого импульса, однако при этом на макроуровне не религия творит цивилизацию, а цивилизация «самообразуется», обращаясь к тем или иным ценностям религиозного комплекса. Сама религиозная система в этом случае нередко возникает в ответ на определенный «цивилизационный заказ». Поэтому во всех развитых цивилизациях наблюдается доминирование цивилизационных принципов над доктринально-конфессиональными. Религиосозидающая роль цивилизаций может проявляться и по-другому. Не найдя в одной религии всех модусов жизнеустройства, отвечающих ее социально-культурным потребностям, цивилизация в своем развитии импортирует одновременно несколько религиозных систем или их отдельных компонентов. После этого она соединяет все альтернативные варианты спасения и жизнеустройства в едином комплексе¹⁸.

Данный вывод подтверждает исторический факт практически одновременного утверждения в IX–X вв. на пространстве Евразии православного христианства и ислама. Эти религии были приняты теми народами, которые впоследствии составили единое этнополитическое «тело» евразийской (российской) цивилизации. Такого рода полирелигиозность стала отличительной чертой всех великих цивилизационных пространств незападного мира. В рамках подобных цивилизационных регионов могло одновременно функционировать несколько мировых религий, одна из которых занимала доминирующие позиции. В регионе господства ислама, например, существуют очень влиятельные и многочис-

¹⁸ Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения / Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 3. М.: Изд-во Института востоковедения. 1996. С. 7.

ленные христианские общины, а в Южной Азии соседствуют ислам и индуизм¹⁹.

Наиболее исторически успешной в данном случае оказывается та цивилизация, в рамках которой составляющие ее культурно-религиозные общности не антагонистичны, а дополнительные по отношению друг к другу. Именно таким предельно широким полем межрелигиозного диалога на культурно-цивилизационном уровне как раз и является цивилизационное пространство России. В связи с этим можно констатировать, что сама российская цивилизация в значительной мере исторически институировалась как православно-мусульманский симбиоз. Соответственно, раскол России по этнорелигиозному признаку на православно-христианские и мусульманские (возможно, также буддийскую) зоны реально будет означать не только распадение и фрагментацию евразийского цивилизационного пространства, но и переход хартленда под контроль других держав, что в итоге приведет к окончательной утрате Россией статуса самостоятельного субъекта международных отношений²⁰.

Действительно, в последние десятилетия можно было наблюдать, с одной стороны, попытки втягивания России в вооруженную конфронтацию с исламским миром под предлогом борьбы с «международным исламским терроризмом», и одновременно – поддержку проектов создания на территории России самостоятельных «исламских» государственных образований этнократического характера.

Для обоснования якобы закономерного характера такой дестабилизации традиционно привлекаются концепции неизбежного характера конфликтности в зонах соприкосно-

¹⁹ Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. (Очерк общей теории). М.: Наука, 1990. С. 94–95.

²⁰ См. подробнее: Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2013. С. 91–106.

вения различных этнорелигиозных общностей, в частности – христианско-мусульманского пограничья. Согласно подобного рода доктринам государства, объединяющие в своих границах несколько таких общностей, связанных с различными религиями, будь то СССР, Российская Федерация, Югославия или же Сирия и Ливан, неизбежно обречены на распад. В частности, нарастание стратегической нестабильности в мире на рубеже XX–XXI вв., ставшее причиной эскалации межэтнической и межрелигиозной конфликтности в различных точках планеты, породил в западной политологии модную концепцию неизбежности «конflikта цивилизаций»: «на протяжении 1980-х и 1990-х гг. как в мусульманских, так и в христианских странах терпимость по отношению друг к другу резко пошла на убыль»²¹.

Однако история христианско-мусульманских отношений знала не только время противостояния и конфронтации, но и гораздо более продолжительные периоды мирного сосуществования, взаимной солидарности и совместного исторического творчества. Причем наиболее впечатляющие примеры такого рода дает именно история России, на территории которой православно-христианские и мусульманские народы проживают бок о бок уже более тысячи лет. Дело, таким образом, – не в высоком потенциале конфликтности ислама как религии и мусульманского мира в целом, а в ослаблении позиций традиционных долговременных факторов стабильности.

Политическая и финансово-экономическая экспансия Запада в незападных регионах сопровождается экспансией идеологической, направленной на разрушение традиционных механизмов социокультурной регуляции, как правило, укорененных в доминирующей религии, то альтернативная глобализация «снизу» неизбежно принимает форму конфронтации с идеологическими доктринами западного происхожде-

²¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. С. 330.

ния, прежде всего секулярными. Ответной реакцией на них становятся массовые социальные и, в первую очередь, религиозные движения регионального и мирового масштаба. В первую очередь эти процессы затронули исламский мир – не случайно одним из первых и наиболее масштабных проявлений альтернативной глобализации второй половины XX в. явилась Исламская революция в Иране 1978–1979 гг. и последовавшие за ней движения «исламского возрождения», внесшие в систему координат мирового развития масштабные коррективы в плане резкого повышения роли цивилизационного фактора, основанного на религиозной традиции²². Последним актуальным примером, является практика и дискурс исламистской организации «Исламское государство Ирака и Леванта».

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема выстраивания отношений между приверженцами обеих религиозных систем, и, соответственно, основанных на них социально-культурных традиций, представленных в российском цивилизационном поле. Причем речь должна идти не просто о воссоздании атмосферы взаимоуважения, добрососедства и взаимной терпимости, исторически доминировавшей между российскими народами, но в первую очередь – выстраивании конструктивной стратегии партнерства и солидарности православно-христианской и мусульманской общностей как субъектов оригинального культурно-исторического творчества как наиболее плодотворного вектора межрелигиозного диалога на его цивилизационном уровне.

Межрелигиозный диалог в доктринальном и цивилизационном ракурсах может рассматриваться как задающий параметры социальной и политической стабильности, а также обеспечивающий поступательное развитие.

²² Об этом см.: Двадцать пять лет исламской революции в Иране. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.

Литература

1. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Парогъ, 1993.
2. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998.
3. Карсавин Л.П. Католичество. Томск, 1997.
4. Лесков Н.С. Повести и рассказы. М.: Московский рабочий, 1981.
5. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Изд-во «Правда», 1970.
6. Солженицын А. Окунаясь в Чехова. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1998. № 10.
7. Святитель Николай Сербский. Миссионерские письма. М.: Изд-во Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры, 2007.
8. Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Парогъ, Московский рабочий, 1993.
9. Ерасов Б. С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения / Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 3. М.: Изд-во Института востоковедения. 1996. С. 3–28.
10. Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. (Очерк общей теории). М.: Наука, 1990.
11. Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2013.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006.
13. Двадцать пять лет исламской революции в Иране. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.
14. Тейлор Ч. Защищая мультикультурализм. 06.12.10. URL:<http://www.russ.ru/pole/Zaschischaya-mul-tikul-turalizm>



РАЗДЕЛ 2
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВРЕМЕННОСТИ



Е.В. Золотарева

ЛУМАН: НЕОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Никлас Луман (1927–1998) – создатель оригинальной концепции социальных систем, заложившей основу неофункционального направления в постнеклассической социологии. Разрабатывая теорию социальных систем как систем коммуникации, Н. Луман ставил перед собой задачу осуществить «смысловую» революционизацию функционализма как социологической парадигмы, позволяющей дать более адекватное описание кризисного развития современного общества. Созданная им теория предвосхитила многие темы и инсайты семиотический-дискурсивных направлений исследования в современном обществознании.

Общество в социологической теории Н. Лумана предстает как целостность, а в каких-то вариантах даже как глобальное общество, воспроизводство и динамики которого основаны на процессе самореферентного воспроизводства – аутопоэзиса. Термин «аутопоэзис», заимствованный Луманом у известного латиноамериканского нейробиолога Хумберто Матураны, означал, что система (и в этом отношении биологические системы, по мнению Лумана, аналогичны социальным системам), способна производить и воспроизводить все свои части из себя самой и тем самым поддерживать свою структурную идентичность во времени, даже в условиях, когда составляющие ее элементы претерпевают изменения. Отличие социальной системы от биологической Луман видел в ее способности к культурно-символическому самопроизводству и изменению путем генерирования новых смыслов в процессе интерактивной коммуникации.

Коммуникация – в переводе с латинского языка (*communicatio*) означает «делиться, сообщать, беседовать, общаться». В процессе коммуникации производится общ-

ность переживания и осуществляется связь социального действия в системы социального взаимодействия посредством символов – кодов.

Коммуникация рассматривается как подлинно социальная операция, так как предполагает некоторое множество соучаствующих систем сознания – как минимум соучастие двух систем сознания: системы агента (Ego) и системы (Alter). Элементами коммуникации являются информация, сообщение и понимание. Сообщение выражается в форме предложения, смысловое содержание которого один партнер по коммуникации – Ego пытается передать другому – Alter. Информация – то, что Alter воспринимает в сообщении Ego. Понимание – установление различия между информацией и сообщением. Для возникновения коммуникации решающее значение имеет появление символов – кодов, которые позволяют участникам (как самостоятельным психологическим системам) согласовывать свое поведение, не утрачивая автономии. Операция коммуникации является базовой операцией, лежащей в основе структурирования общества как самореферентной системы.

В процессе коммуникации системы генерируют свою собственную семантическую реальность, отличную от «реальной» реальности внешнего мира, оставаясь самореферентно закрытыми, поскольку они в своей основе состоят из цепи коммуникаций, которые относятся к другим коммуникациям того же самого вида.

Социальное действие формируется и структурируется системой социального взаимодействия или коммуникации, осуществляющейся посредством языка и других (невербальных) символических кодов, выступающих в качестве смысловых посредников – так называемых медийных средств.

Каждый акт воспроизводства элементов коммуникации Луман называет «смысловой операцией». Система выбирает те смысловые значения, которые помогают ей оптимизировать, стабилизировать собственные состояния. Выбор

одной возможности автоматически означает исключение другой мыслимой возможности, поэтому операции системы всегда осуществляются под управлением различения и направлены на ослабление рисков, связанных с нарастанием комплексности.

Система общества не преобразует внешний мир, а интерпретирует его и посредством интерпретации формирует эмерджентный порядок, обеспечивающий совместимость системы с окружающим миром, упорядоченным лишь фрагментарно, лишь в отдельных аспектах через актуализацию в коммуникативных актах различений и обозначений. Вещи нельзя упорядочить речами, их нельзя так же мысленно устранить или изменить, но возможно изменить восприятие вещей, изменив характер коммуникации и сознание людей, принимающих в ней участие. Луман настоятельно подчеркивал, что система испытывает сопротивление не среды, но самой системы: одна коммуникация противостоит другой.

В работе «Социальные системы» («Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie»), изданной в 1984 г., общество и социальное взаимодействие впервые рассматриваются с учетом трех различных системных уровней – системы интеракции, системы организации и социетальной системы. Системы осуществляют смысловую редукцию комплексности посредством коммуникации. Все системные процессы представлены как коммуникации, осуществляющиеся с помощью различных медийных средств, обеспечивающих рефлексивность и самотематизацию.

Система межличностного взаимодействия как система непосредственного контакта «лицом к лицу» способствует редуцированию комплексности через речевую коммуникацию.

Рассматривая социальный процесс как многообразие форм обмена действиями и переживаниями между гипотетическими участниками социальной коммуникации Ego («Я») – Alter («Другой»), Луман считает, что выбор поведенческой

стратегии каждым из участников мотивируется коммуникативными средствами, формирующими ситуацию общения. В зависимости от используемого участниками общения кода взаимного «приписывания мотивов», все многообразие средств коммуникации, мотивирующих поведенческую реакцию, можно представить в виде 4-частной таблицы констелляций «приписывания» поведенческих мотивов.

Таблица 1. Типы коммуникации

Ego		
Alter	ПЕРЕЖИВАНИЕ (п)	ДЕЙСТВИЕ (д)
ПЕРЕЖИВАНИЕ (п)	А (п) Е(п) Истина Ценности	А(п) Е(д) Любовь
ДЕЙСТВИЕ (д)	А(д) Е (п) Собственность/ деньги Искусство	А (д) Е (д) Власть Право

1. Если коммуникация представляет собой обмен переживаниями, которые мотивируются и воспринимаются каждым из участников общения (Alter – Ego) как сообщение об истинности, то данную коммуникацию можно отнести к системе научного знания или к науке как социальной подсистеме.

2. Любовь – генерализованное средство, которое регулирует переживание одного участника коммуникации – Alter’а и действия другого участника – Ego, соответствующего этому переживанию. Этот тип коммуникации структурирует систему интимных межличностных отношений. Поскольку селекция мотивов в данном коммуникативном сообщении структурируется не симметричным обменом переживаний (что соответствует широко распространенному заблуждению), а асимметричным обменом «переживания –

действия», то взаимная любовь, по мнению Лумана, является чрезвычайно редким явлением в практике межличностных отношений.

3. Деньги структурируют экономическую систему. Они регулируют ассиметричный тип коммуникации, в которой на этот раз Alter оказывается активной, действующей стороной, а Ego – переживающей стороной. Действие Alter'a – приобретение, благодаря имеющимся денежным средствам, редкого социально значимого ресурса – легитимировано переживаниями Ego, подтверждающего правомочность данного действия. Экономическая система, регулируемая деньгами как коммуникативным средством, способствует установлению в обществе социального конформизма. Искусство как социальная подсистема строится по тем же принципам, что и экономическая подсистема. Мотивация селекций в процессе коммуникации регулируется символом Прекрасного, регулирующего обмен селекциями по поводу производства эстетически значимого предмета (действия Alter'a), и его потребления – получения эстетического наслаждения (в форме переживания Ego).

4. Власть символизирует особый тип социальной коммуникации, участники которой, занимая активную позицию, заведомо оказываются в неравных или иерархических отношениях. Отличие власти от других медийных средств состоит в том, что ее код требует от партнеров как от сторон коммуникативных отношений редуцировать комплексность действиями, а не переживаниями. Власть, подобно другим коммуникативным средствам, позволяет сочетать общее и специфическое как общность ориентаций и индивидуальное различие отбора (селекций), упорядочивая тем самым социальные ситуации. Как дифференцированное средство коммуникации власть способствует отделению влияния от исходных условий генерализации мотивов. В какой бы ситуации ни находился актер или агент, он ориентируется на генерализованный (то есть обобщающий ситуацию) код –

власть. Код власти как генерализованного средства коммуникации заставляет «Его» (подчиненного) принимать селекцию Alter'a (власть имущего), который своими решениями ограничивает пространство его возможных действий только потому, что Alter обладает институциональной властью, не зависящей от конкретной ситуации, в которой они оба оказались.

Система межличностного взаимодействия определяет условия включения и исключения из коммуникации, определяет коды и соглашения, которые руководят коммуникацией и другими действиями. Она предполагает определенные внутренние ограничения: не все темы возможно обсуждать, но если система разрушена, то темы вновь становятся доступны для обсуждения.

Различие ресурсов общения у участников часто порождает соревнование по поводу участия в беседе, создавая неравенство, напряженность, угрозу конфликтов и дезинтеграции. Системы взаимодействия относительно просты, так как они существуют, только пока сохраняется межличностный контакт и пока участники коммуникации не утратили ощущения непосредственного живого контакта.

Организационная система координирует действия индивидов по отношению к специфическим условиям взаимодействия на основе четко сформулированных правил. Особенностью данной системы является наличие четко оговоренных условий включения и исключения из организации. Главная функция организационной системы состоит в стабилизации искусственно созданных способов поведения и сохранении их на длительные промежутки времени. Например, работа по найму, мотивированная получением средств к существованию, предполагает выполнение условий договора, заключенного между рабочим и работодателем, в котором оговорены условия и продолжительность работы и размер денежного вознаграждения. Системноорганизованный характер коммуникации позволяет ослабить, редуцировать

сложность окружающей среды посредством восприятия ее в трех измерениях – символическом, временном и пространственном.

Если нормативное регулирование упорядочивает среду во временном измерении, то разделение труда, которое координируется властью или авторитетом, позволяет упорядочить комплексность окружения в пространстве. Указывая на то, что является приемлемым, какие правила следует применять и какие медийные средства должны руководить действием – деньги, истина, любовь или власть, организационная система редуцирует комплексность окружающего мира в символическом измерении.

Организационная система редуцирует комплексность окружения посредством организации людей, поэтому играет существенную роль в установлении и поддержании комплексного порядка. Она разрешает базисную для индивида проблему – проблему примирения его личных мотиваций и диспозиций с потребностью достижения определенной цели или решения определенной задачи. Н. Луман подчеркивает, что комплексный социальный порядок не зависит от морального доверия индивидов и не требует нормативно-ценностного консенсуса. Организационная система, в отличие от межличностной коммуникации, может действовать крайне эффективно без мотивационного доверия и поддержки со стороны акторов.

Социетальная система – третий уровень или вид социальных систем. Она пронизывает системы взаимодействия и организации. Социетальная система включает в себя все взаимно значимые или доступные коммуникативные действия. Исторически она ограничена геополитическими рамками, но в настоящее время, по мнению автора, прослеживается тенденция создания единого мирового общества.

Социетальная система используют высоко генерализированные коды коммуникации, такие как власть и деньги, чтобы редуцировать комплексность внешнего мира. Поэтому

границы фреймов, которые устанавливаются социетальными системами и предписывают актерам место, время и способ вовлечения во взаимодействие с интеракционистской и организационной системами, довольно обширны.

В работе «Эволюция» Луман формулирует собственное нормативное требование, которому должна соответствовать теория, исследующая модификацию состояний общества: «Эта теория не может позволить себе толковать будущее. Она так же не создает возможностей его прогнозирования. Она не предполагает никакой телеологии истории – ни в отношении хорошего, ни в отношении плохого конца истории. Она не является и теорией управления, которая могла бы помочь решить вопрос о том, следует ли дать эволюции идти своим ходом или же есть необходимость в ее корректировке. Напротив, дело обстоит исключительно в вопросе о том, как следует объяснять, что в некотором мире, который непременно предполагает и сохраняет много другого, возникают и более комплексные системы; и о том, почему они разрушаются. Если говорить совсем просто, речь идет об объяснении структурных изменений»¹.

Анализ изменений, происходящих в общественной системе, по его мнению Лумана, должен строиться с учетом трех различных, но допускающих интеграцию концепций: 1) теории образования и дифференциации систем; 2) собственно теории эволюции и 3) теории символически генерализованных средств коммуникации. «На уровне образования систем, релевантных всему обществу, предметы перечисленных теорий следует рассматривать как взаимосвязанные. При этом мы опираемся на предположение, что общественная эволюция ведет к образованию более широких, более комплексных и дифференцированных общественных систем, которые для предотвращения дальнейшей дифференциации формируют предельно генерализованные и одновременно

¹ Луман Н. Эволюция. М., 2005. С. 20.

специализированные средства коммуникации, наделяя каждую общественно значимую частную систему своим коммуникативным средством»².

Все три вышеперечисленные системы или системных уровня (система межличностного взаимодействия, организационная и социетальная) не могут быть всецело обособлены друг от друга, т.к. все действия имеют место в обществе и, в принципе, возможны только в форме взаимодействия. В простейших обществах все три системных уровня существуют в сложном недифференцированном единстве, дополняя и дублируя друг друга. Эволюция порождает внутреннюю дифференциацию и обособление системных уровней. В больших и сложных обществах они дифференцированы и несводимы друг к другу.

Генетической единицей социальных изменений выступают не люди, конкурирующие друг с другом, и не общество, противостоящее внешнему миру, а смысловые ожидания как задаваемые речевым актом комплексы референций. Под смысловыми ожиданиями Н. Луман понимает набор возможных значений слова или языкового выражения, т.е. своего рода весьма вероятные возможные миры, с которыми вынуждены считаться участники коммуникации. Социальная система в процессе коммуникации редуцирует сложность окружающей среды посредством трех эволюционных механизмов: вариации (изменчивости), селективности (отбору) и стабилизации или рестаблизации.

Механизм вариаций встроен в процесс коммуникаций, в частности, в форму кодов и символов. Природа коммуникации допускает альтернативы. Новый способ актуализации символов, отклоняющийся от того, который ранее казался естественным и очевидным, создает возможность новых коннотаций, в том числе и альтернативных. Для обозначения этого процесса Н. Луман использует понятие «символиче-

² Луман Н. Власть. М., 2001. С. 9.

ская мутация» – так как все символы предполагают свою противоположность, они несут в себе возможность инновационных действий. Например, призыв к послушанию одновременно означает запрет на неповиновение, но тем самым имплицитно предполагает возможность такого неповиновения. Участники коммуникации, руководствующиеся в своих действиях альтернативными формами, создают возможность инновационного поведения.

Механизм селекции обеспечивает выбор, поддерживающий или отклоняющий инновации, формируя в обществе устойчивые ожидания применительно к определенной ситуации. Осуществляя селекцию, система ориентируется на оправдавший себя опыт, что, в свою очередь, предполагает известную степень абстрагирования от конкретной ситуации и проверку предлагаемого нововведения на совместимость со сложившейся структурой. Уже сложившийся социальный порядок может провоцировать отклонение инноваций, ведущих к трансформации социальных структур. И наоборот, актуализированная посредством селекции отклоняющаяся вариация может привести к образованию новых структур. Так, превращение денег в устойчивое средство обмена с неизбежностью сопровождалось централизацией политической власти и возникновением городов.

Механизм стабилизации обеспечивает стабилизацию ожиданий и придает новому смыслу системно-воспроизводящий характер. Так, например, в одних обществах зарождение сельского хозяйства стало системообразующим фактором, приведшим к образованию аграрных обществ, с соответствующими экономическими, политическими и культурными чертами, тогда как в других отклонение аграризации породило феномен кочевых народов, занявших по отношению к аграрным обществам периферийное положение. Изучение специфики механизма стабилизации в разных социальных средах позволяет объяснить феномен неравномерности социального развития.

Луман отмечает, что инновации как эволюционный материал избыточно порождаются в массовом порядке, но в своем большинстве, будучи невостребованными, исчезают. Новое как то, что противоречит сложившимся ожиданиям, как правило, отвергается.

В известной степени отклонение нового является гарантией стабильности – всякая вариация зависит от предзаданной семантики, от памяти системы, информирующей о том, какие различия являются в коммуникации нормой и какие ответные реакции следует ожидать, а что является отклоняющимся и выпадающим из ряда ожидаемого.

Но в проблемных ситуациях или в период структурных перемен сложившаяся схема структурных различий может быть поставлена под вопрос, и участники коммуникации могут оказаться перед выбором между старым и новым. В результате происходит ревизия и отбор сложившихся схем. В случае актуализации системой отклоняющейся вариации формируются новые нормативно-смысловые структуры. Это позволяет системе менять свои ранее сложившиеся структуры посредством собственных операций в форме раздражения, возмущения, разочарования.

Структурные перемены, по словам Лумана, происходят при «расцеплении» селекции с перспективами стабилизации, когда между функциями селекции и стабилизации проводится разделяющая граница. Процесс отбора системой новых смысловых возможностей Н. Луман описывает как процесс «безудержного социального отворения и замыкания игрового пространства», вызванный необходимостью решения проблемы, которую поставили безмерно возросшие потребности селекции. Форма отбора – выживание общества.

В социологии долгое время преобладало представление о стабилизации как о состоянии равновесия системы. Считалось, что система использует гомеостатические механизмы, которые компенсируют состояния возмущения, возвращая ее в состояние равновесия. Однако эволюция предпо-

лагает модификацию состояния системы. Поэтому эволюционируют динамические системы, редуцирующие себя через отклонение от состояния равновесия. В этом случае воспроизводство систем достигается посредством поддержания динамического равновесия.

В обществе состояние динамического равновесия достигается благодаря отдифференцированию новых систем, основанных на специфических институциональных и организационных изобретениях. Луман определяет эту функцию эволюционного механизма как функцию рестабиллизации. У живых существ функция рестабиллизации осуществляется через образование популяций. В социальной системе эту функцию выполняют институты. Так, возникновение банков как кредитно-финансового института позволило рестабиллизировать денежную экономику, а появление национального государства обеспечило рестабиллизацию процессов централизации.

О стабилизации можно говорить при условии, что селекция, осуществленная на первой фазе коммуникации, сохраняется и транслируется в последующих фазах, отклоняя новые предложенные вариации, а о рестабиллизации, если в операции системы встраиваются структурные изменения (в виде дифференциации варьирования) и селекция осуществляется в пользу предложенных вариаций. Процесс социальной эволюции является, в первую очередь, процессом образования все новых и новых форм системной дифференциации, ведущих к усложнению социальных структур.

Социальные изменения и появление новых форм рассматривается через призму генерализации и специализации медийных кодов. В ходе общественной эволюции три типа обществ последовательно сменяют друг друга: архаические общества, общества высокой культуры, современное общество.

I. Архаические общества представляют собой слабо-развитые общества. В них преобладает сегментарная диффе-

ренциация по принципу родства или совместного проживания. Системы отличаются малой комплексностью. Разделение труда основано, главным образом, на различии гендерных и возрастных ролей. Политическое господство либо отсутствует, либо только формируется. Жизнь вращается вокруг удовлетворения относительно небольшого числа основных потребностей, присущих всем членам общества. «Архаические общества представляют собой огромное экспериментальное поле общественной эволюции, где для ограниченного числа структурных проблем независимо друг от друга вырабатываются, как бы в виде пробы, самые различные функционально эквивалентные решения. Тем не менее, кристаллизуются определенные типы таких форм, равно как и сравнимость вытекающих из них проблем, поскольку лишь немногие из этих решений могут быть стабилизированы»³.

Архаические общества обеспечивали лишь пространственные границы коммуникаций и определяли себя через пространственную принадлежность участников коммуникации. Лишь немногие архаические общества, опираясь на простейшие формы институционализации, развивались в направлении создания институтов, свойственных обществам «высокой культуры».

II. Общества высокой культуры представляют собой более крупные и комплексные общества, основанные на стратификационной дифференциации. В основном они представлены городами, где по большей части произошло экономическое разделение труда. Иногда общества высокой культуры образуют огромные империи.

Резко возросшее продуктивное разделение труда в сельском хозяйстве, ремесле, торговле, с одной стороны, и неравное распределение продукта по социальным слоям – с другой вели к ярко выраженному социальному расслоению,

³ Луман Н. Формы помощи, в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 19.

и как следствие, к росту социального напряжения, которое требовало установления политического господства над архаическими родовыми союзами и домами. Обособление ролевых систем в сферах религии и политики и возникновение генерализованных нормативных представлений в форме космически-религиозной морали продиктовано необходимостью обоснования социального расслоения. Часть населения – по крайней мере, правящие круги – ориентируется на генерализованные символические структуры космически-религиозной веры. Политическое господство также нуждается в создании учреждений и процедур для разрешения правовых вопросов и защиты как правящих, так и подданных.

Революционизирующее воздействие на переход от архаических обществ к обществам высокой культуры оказало появление письменности как особого типа коммуникации. Письменность позволила расширить пространственное и временное измерение коммуникации, способствовала ослаблению влияния непосредственного межличностного взаимодействия и развитию организационных форм коммуникации.

Благодаря появлению письменности произошло обособление двух форм социальной эволюции – эволюции описания социальных систем и эволюции структур социальных систем. Тем самым была создана возможность виртуального тестирования возможных вариаций. Способность к виртуальной апробации своих комбинаторных возможностей стала уникальной характеристикой социальной эволюции, в отличие от эволюции живых систем, не обладающих аналогичной способностью.

III. Современное общество характеризуется высокой степенью комплексности, оно представляет собой одну гигантскую мировую социальную систему, пришедшую на смену множеству региональных, сравнительно простых обществ. «Эпоха региональных обществ закончилась. С тех пор как благодаря средствам коммуникации все люди стали дос-

тижимы друг для друга в том, что касается структурных ожиданий, существует лишь одно общество – мировое»⁴.

В современном обществе происходит замена территориальных границ функциональными. «Экономика, политика и право, наука, образование, медицина как функциональные подсистемы предъявляют собственные требования к определению своих границ, которые уже не могут замыкаться в каком-то конкретном пространстве или ограничиваться какой-то конкретной группой людей, например христиан и нехристиан»⁵.

Двойное кодирование языка письменностью освободило процесс коммуникации от ситуационной обусловленности и привело к появлению особой дополняющей язык инстанции – коду генерализованных символов или символически генерализованных средств коммуникации. Символически ориентиром или кодом коммуникации может стать практически любое слово, однако наибольшую релевантность получили те языковые символические коды коммуникации, которые «обобщили» наиболее широкие сферы социальной жизни: социальные системы политики, права, искусства, хозяйства, религии, любви. Всякая ролевая коммуникация управляется своим собственным символически обобщенным кодом – парадоксальным единством различного: власти – безвластия; собственности – несобственности; любви – нелюбви; прекрасного – безобразного; истинного – ложного.

Символическое обобщение средств коммуникации в коды позволяет конструировать коммуникации, задавая единую направленность смысловых ожиданий в самых разных конкретных ситуациях. В частности, коды позволяют ориен-

⁴ Луман Н. Формы помощи, в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 29.

⁵ Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. / А. Антоновский. М.: Изд-во «Логос». 2004. С. 160.

тировать участников коммуникации на отклонение всего неистинного, незаконного, безобразного, безвластного.

Функциональная дифференциация, основанная на дифференциации символически генерализованных медийных кодов, репрезентирует новый этап в последовательной смене исторических форм системной дифференциации: сегментарной и стратификационной. На основе функциональной дифференциации произошло выделение в самостоятельные системы таких областей, как политика, экономика, научное исследование и интимная сфера семьи. С ее появлением общественная эволюция все больше превращается в эволюцию функциональных подсистем. Структурные изменения, происходящие внутри этих подсистем, не координированы в отношении друг к другу. Благодаря отсутствию координации подсистемы обладают высокой степенью автономии и необозримым многообразием возможностей переживаний и действий, ускоряющих общественные изменения: «Полнота бытия обнаруживается во множестве реализованных возможностей. Общественная эволюция произвела бесчисленные первобытные общества. Высокие культуры насчитывают – в зависимости от того, как считать – от 20 до 30 экземпляров. Напротив, функционально дифференцированные общества существуют в одном единственном экземпляре»⁶. Тем не менее, мировое общество не отказывается полностью от традиционных структур. Оно осуществляет отбор полезных для него традиционных форм в области стратификации, организации, мотивации труда или религии.

Теория символически генерализованных средств коммуникации, инкорпорированная в теорию эволюции, позволила Луману сформулировать принципиально новый подход к рассмотрению проблем социального развития, квалифицируемый как неофункционализм, сохраняющий преемственность с основоположениями функциональной теории. По-

⁶ Луман Н. Эволюция. С. 101.

добно классическому функционализму эволюция рассматривалась Луманом как рост дифференциации частей социальной системы по мере возрастания ее сложности или комплексности. В то же время, полемизируя с неodarвинистским и «гуманистическим» эволюционистскими подходами, он подчеркивал, что применительно к обществу следует говорить, в первую очередь, о социокультурной эволюции, так как общество как коммуникативная система оперирует смыслами, заимствованными из культурного фонда социальной памяти.

Разработанный Луманом проект обновления социологической теории на основе полипарадигмального синтеза базовых теоретико-методологических подходов – позитивизма, критической теории, интерпретивной и интегральной социологии, – позволил ему внести ряд принципиальных изменений, составивших специфику нового неофункционального подхода.

Социальная реальность рассматривается как ментальная конструкция и предпосылка социальной коммуникации. Социальная система как система коммуникации, по мнению Лумана, оперирует с представлениями о реальности, допуская существование наряду с общезначимой системой значений, конструирующих эмерджентный порядок, индивидуализированную коммуникацию, ориентированную на выработку альтернативной системы значений и конфликт. К главным методам социологического исследования отнесены методы описания, идентификации, различения и сравнения когнитивных конструкций – тем коммуникации.

Процесс познания ориентирован на воспроизводство коммуникации как условия смыслополагания, а не на приспособление социальной системы к внешнему миру. Операция наблюдения рассматривалась как основа процесса познания, когда и знание, и познающий принадлежат к субъективно сконструированной реальности: смысловые схемы позволяют отобразить из существующего многообразия значений

единственное, которое в данном контексте (горизонте возможностей) имеет смысл, актуализируется и, в конечном счете, конституирует систему, становясь ее элементом.

Социальные изменения рассматриваются через призму генерализации символических медийных средств. Предполагается, что процесс семантической дифференциации и специализации средств коммуникации или медийных кодов осуществлялся параллельно с процессом дифференциации социальных структур и социальных ролей, поэтому может рассматриваться как ключ к пониманию динамики и стабильности общества как социальной системы.

Н. Луман ориентирует социологию на создание «теории наблюдения», которая занята не описанием человека как познающего субъекта, а описанием отношений между социальными системами или отношений между сознанием и социальной системой или между телом и психоневрологическими системами. Любая сколько-нибудь универсальная теория общества принадлежит обществу (является следствием и тематизируется в процессе коммуникаций), и в этом отношении она обращена на себя саму, является самосодержащей и самореферентной «пьесой в пьесе».

Л и т е р а т у р а

1. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований. М., 1999.
2. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. / А. Антоновский. М.: Изд-во «Логос». 2004.
3. Луман Н. Эволюция / пер. с нем. / А. Антоновский. М.: Изд-во «Логос». 2005.
4. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.
5. Луман Н. Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.
6. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Социо-Логос

социология, антропология, метафизика. Вып. 1 Общество и проблемы смысла / сост. и общая ред. В.В. Винокурова и А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991.

7. Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим стоит?» Две социологии и теория общества // Современная немецкая социология: 1990-е годы / под ред. В.В. Козловского, Э. Ланге, Х. Харбаха. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002.

8. Антоновский А.Ю. Социальные системы Никласа Лумана // Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001.

9. Филиппов А.Ф. От структурного функционализма к нефункционализму. Социология Никласа Лумана // История теоретической социологии в 5 томах. Т. 4 / отв., ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. СПб.: РГХИ, 2000.

10. Штихвее Р. Никлас Луман / пер. Н. Головин // Немецкая социология / отв. ред. Р.П. Шпакова. СПб.: Наука, 2003.

11. Hicks A.M., Lechner F.J. Neo-pluralism and neo-functionalism in political sociology // The Handbook of Political Sociology: states, societies, and globalization. Higley J., Janoski Th., Alford R.R., Hicks A.M., Schwartz M.A. (Eds.). New York: Cambridge, 2005. Ch. 2.

В.М. Найдыш

ПОСТМОДЕРН, ПАРАПОЛИТИКА И КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ

Опыт истории культуры учит, что глубинные трансформации структур повседневности и способов жизнедеятельности человека неизбежно порождают и фундаментальные теоретические вопросы. Это полностью относится и к нашему времени, нашей эпохе, которую часто именуют постмодерном. Не разобравшись в философских проблемах, порожденных постмодерном, сложно определять стратегические тренды культуры, вырабатывать реальные пути модернизации страны, выхода ее на передовые рубежи современного научно-технического прогресса, ну и, конечно же, оценивать многочисленные футурологические сценарии, широко распространяющиеся сейчас в обществе.

Уходят в прошлое культура и духовные идеалы эпохи Модерна. А это – прежде всего целенаправленная, опирающаяся на стальную неукротимую волю, созидательная деятельность по формированию мира «очеловеченной природы» с ее ядром – техносферой. А такая деятельность предполагает волевую (страстную, чувственно-эмоциональную) устремленность к освоению *пространства* (эпоха Великих географических открытий, создание Мировой системы колониализма, покорение водной и воздушной стихий, прорыв в Космос и др.) и *времени* (развитие средств транспорта, расширяющих скорость и масштабы преобразовательной деятельности человека). Она предполагает установку на *рациональность* действий, высокую организованность, строгую координированность действий множества субъектов, масштабную и тонко подогнанную кооперацию труда и др.

В эпоху Модерна человек – главная производительная сила общества, что предполагает развитие его сознания, высокий уровень образования, духовно-нравственное воспита-

ние личности, в том числе ее волевых характеристик. Поэтому эпоха Модерна была нацелена на всесторонний подъем науки, техники, познание объективных закономерностей природы, общества, а также самого человека, на высокие критерии и нормы во всех сферах культуры, искусства, в морали и др.

В конце XX – начале XXI в. в развитии техногенной цивилизации наметились процессы, позволяющие говорить о переходе к качественно новому ее состоянию, которое пока не имеет единого общепринятого наименования – постиндустриальная цивилизация, информационное общество, «общество знаний», эпоха постмодерна и др.

О каких качественных трансформациях техногенной цивилизации прежде всего идет речь?

В первую очередь речь идет об экологическом кризисе, о том, что чудовищная экологическая нагрузка на Землю ускоряется непрерывным ростом потребления. Сверхпотребление ведет не только к исчерпанию минеральных и органических ресурсов на Земле, впереди маячит катастрофическое сокращение пресной воды, а там и исчерпание запасов природного кислорода. Экологический кризис содержит в себе и медико-генетическую составляющую. Под угрозой генетика человека как биологического вида. На общем фоне роста патологий особенно растет доля психических заболеваний¹. По существу, речь идет о генетическом вырождении. Попытки

¹ По сведениям Всемирной организации здравоохранения, доля психических и неврологических расстройств среди патологий составляла в 1990 г. 10 %, в 2001 г. – 12 %, а в 2020 г. возрастет как минимум до 15 % (Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда. Доклад ВОЗ. Женева. 2001). Еще хуже обстоит дело в России. См.: Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М., 2013; Демчева Н.К., Чуркин А.А. Оценка состояния психического здоровья и факторы риска формирования психических расстройств. М., 2012.

решить данную проблему методами генной инженерии пока малоперспективны².

Сознательная деиндустриализация Запада (вывод производств четвертого и пятого технологических укладов в страны Востока) и направленная деиндустриализация России, превращение ее в энергетический придаток Запада привели к доминированию имитационно-игровых форм активности субъекта. Это неизбежно ведет к разрушению культурных достижений Модерна, резкому сокращению в обществе доли людей творческого начала. Все сложнее поддерживать созданную Модерном научно-техническую инфраструктуру. Растет частота техногенных катастроф. Усиливаются тенденции культурного гниения, вплоть до вырождения, приобретающего многообразные формы «гламура».

² В них заключен значительный элемент неопределенности. Однозначно предсказать результаты генно-инженерных воздействий на природно-биологическую основу человека невозможно. Здесь коренится множество опасностей. По последним данным, за деятельность мозга отвечает 80% генов человека. Сейчас весьма популярны трансгуманизм и т.н. «Программа – 2045», в которой речь идет о совершенствовании нашего биологического вида, вплоть до создания нового вида (сверхчеловека) средствами генной инженерии. (См.: <http://www.2045.ru>.; <http://www.transhumanism-russia.ru>; Этингер Р. Перспективы бессмертия. М., 2003; и др.). На наш взгляд, клонирование, искусственный синтез геномов уже некротоманьонских видов хомо сапиенсов, обладающими особыми морфофизиологическими и психическими характеристиками, не говоря уже о создании «монстров», синтезирующих черты человеческих и нечеловеческих организмов, органического и неорганического, и за счет этого преодоление «слабых сторон» биологической организации человека как вида методами биоинженерии – все это форма современной «социальной алхимии». Здесь не учитывается, что такого рода генетические изменения влекут за собой трансформации не только внешнего облика «нового человека», его морфологии, его фенотипа, но и его образа жизни, духовной организации, его способа бытия в мире. Наверняка его психика, духовный мир будет совершенно чужд биологическому виду *homo sapiens sapiens*.

Серьезные деформационные процессы происходят на макросоциальном уровне. Множатся связи и расширяются каналы взаимодействия обществ, этносов, культурно-цивилизационных миров, возрастает их конкуренция – человечество по существу вступило в эпоху «войны цивилизаций», которую предсказывал еще С. Хантингтон³.

Многообразие трактовок содержания понятия цивилизации в современной социальной философии и философии истории не позволяет однозначно определить некую специфическую социальную реальность, которая бы могла раз и навсегда заноситься в рубрику «цивилизаций». Образно говоря, в современной философии истории цивилизаций как социальных реальностей несколько⁴. И все они существенно отличны друг от друга, или, по крайней мере, мы пока не в состоянии выделить то глубинное внутреннее основание, которое делает эти «цивилизации» чем-то единым.

Главные теоретические трудности здесь состоят в том, что цивилизация является сложным социальным объектом, требующим для своего исследования комплексных, междисциплинарных подходов, методологических принципов, позволяющих интегрировать в едином «логическом пространстве» этнические, экономические, социальные и культурные характеристики. Кроме того, за два с половиной столетия своего существования понятие цивилизации так и не избавилось от существенного оценочного, а значит идеологического, элемента. В нем содержатся переплетенные между собой: предпочтения того или иного образа (уровня) жизни; желания или нежелания быть «подключенным» к той или иной цивилизационной системе, которая сама по себе есть некоторое благо; закамуфлированное отношение «мы – они» (быть членом именно «нашей» цивилизации – особая гордость и

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

⁴ См.: Найдых В.М. Цивилизация как проблема философии истории. М., 1997.

привилегия, обеспечивающая престижность; «наша» цивилизация – благороднее, прогрессивнее, гуманнее других и т.д.); здесь же латентно содержатся и чувства зависти, несправедливости, неудовлетворения и др.

На понятии «цивилизации» базируется множество политико-идеологических доктрин, противопоставляющие «войну цивилизаций» и глобализацию, «Запад и Восток», «славянофильство и западничество», «евразийство – и славянофильству и западничеству» и др. Все они так или иначе выражают социально-классовые и политические, в том числе геополитические, интересы различных социальных сил.

Проблема цивилизации – основное поле многолетнего исследовательского интереса проф. Ю.М. Почты. В его работах, пользующихся интересом далеко за рубежами нашей страны, обстоятельно и глубоко исследуются исламская религия, исламская цивилизация, принципы цивилизационного подхода в истории, взаимодействие мировых цивилизаций в историческом процессе и в современности. Одно из направлений исследовательских работ проф. Почты Ю.М., – анализ методологической роли цивилизационного подхода, заложенного в работах О. Шпенглера, для изучения того кризиса, в котором находится западная цивилизация⁵. В них, в частности, показано, что доминирование и лидирующая роль западной цивилизации в борьбе «культурно-цивилизационных миров» по меньшей мере должны быть поставлены под сомнение. Они являются далеко не бесспорными.

И действительно, «Закат Европы» в начале XXI в. проявляется даже на уровне природно-биологического воспроизводства человека. Рвутся межличностные и межполо-

⁵ См.: Pochta Yuriy. Oswald Spengler's Political Grounds for the Mystification of Islam and Christianity// Dialogue among Civilizations. (Russian Philosophical Studies, IV. Cultural Heritage and Contemporary Change. Series IVA, Eastern and Central Europe, Volume 41). Washington (D.C.): The Council for Research in Values and Philosophy, 2010, и др.

вые связи, браки становятся все более редким явлением, семьи распадаются все чаще, в тоже время они малодетны, рождаемость сокращается. Все это усугубляется политикой навязывания (чуть ли ни всем и повсеместно) новейшего западного «открытия» – однополых браков, «ювенальной полиции», пропагандой инцеста и др. Причем этим занимаются не только разного рода общественные гражданские организации Запада, но и высшие официальные государственные структуры, вплоть до президента США (!). За всем этим кроется общая установка некоторых влиятельных структур на деморализацию общества – моральный, нравственный человек в такой системе ценностей объявляется изгоем.

Процессы деформации культуры Модерна особенно контрастны в условиях нашего отечества, где многие объективные исторические тенденции проявляются в особенно противоречивых, а нередко и вовсе уродливых формах. Так, навязывание сплошь и рядом, где надо и где не надо рыночных отношений, отношений спроса и предложения; бездумное стимулирование беспрепятственного роста потребностей индивида; по сути искусственный, не обусловленный весомыми объективными обстоятельствами распад СССР; отказ государства от многих своих важнейших функций и др. – все это привело к доминированию стихийных процессов в социально-экономической и социокультурной сферах. За этим немедленно последовало господство духа разложения и цинизма, тупого потребительства, обогащения любой ценой, оттеснение на вторичные роли рационализированных форм культуры⁶, снижение стандартов образования, уровня образованности в обществе. За примерами далеко ходить не нужно.

На каждом шагу сталкиваемся с неумением молодых поколений логически мыслить и понимать самые элементарные взаимосвязи вещей и явлений. Плохо образованная молодежь по-средневековому легковерна, легко увлекается са-

⁶ См.: Наука и квазинаука. М., 2008.

мыми нелепыми слухами, распространяемыми, правда, уже не как в средневековье, – в церкви или кабаке, – а через Интернет.

Любые, даже самые бессмысленные и откровенные нелепости, особенно если их сопровождают соответствующими зрительным образами, симулякрами, воспринимаются ею как подлинная реальность и становится основанием для ее действий, поведения, а значит, фактором общественной жизни, культуры, политики⁷.

Серьезные трансформации происходят и в социально-политической сфере. Политика все больше трансформируется в парapolитику. т.е. закулисное сплетение и соперничество классовых интересов, интриги, непрозрачность в политике, непрозрачная часть политического процесса, не сводящаяся к институтам демократии, парламентаризму, прессы. Парapolитика – это активность непрозрачных для массового политического сознания тайных пластов, структур внутри политического процесса. Парapolитика – это когда за фасадом государственной политики вершится совершенно другая линия управления общественными процессами – тайная. Это оказывается возможным, поскольку в политике осознание и выражение экономических (материальных) интересов отдельных социальных групп по своей природе никогда не бывает вполне адекватным, никогда не исчерпывает всего богатства и изменчивости реального содержания этих потребностей и интересов. На этой основе легко мистифицируются реальные пути достижения политических целей и идеалов⁸.

⁷ Для этих выводов богатейший иллюстративный материал дают события в Украине – буквально духовное убожество и тех, кто там правит (т.н. элита), и тех, кем правят (электорат). Хотя еще совсем недавно по историческим меркам, т.е. лет двадцать тому назад, это были совершенно другие люди, с иным мышлением, сознанием, другими ценностями.

⁸ На примере постсоветского периода украинской истории хорошо видно, как легко из тайны этногенеза (славян вообще, и восточных славян в ча-

В сфере парapolитики политические идеи имитируются и создается иллюзия того, что в обществе открыто реализуются партийные, политические программы и др. Парapolитика наделяет реальным существованием идеологические призраки, химеры. Такая парapolитика совершенно непредсказуема, она полностью зависит от расклада узкоэгоистических интересов различных социальных групп и классов. Отсюда и тесная связь парapolитики с терроризмом⁹.

Как реакция на парapolитику усиливается значение конспирологических доктрин, которым нельзя отказать в наличии рационального момента¹⁰. Сейчас уже многим очевидно, что направленность общей политики США и ЕС в тайне вырабатывают другие, закрытые от мирового сообщества, структуры. Но, как справедливо отмечают публицисты, не надо, приходя в гости, принимать прислугу за хозяев. В большой (а впрочем, и малой) политике побеждает в конечном счете тот, кто способен демистифицировать властные отношения, сделать их транспарентными¹¹. Для того, чтобы

стности) взрастить мифологему исключительности «укров» и создать на ее основе идеологию неофашизма.

⁹ Сначала терроризм взращивается государственными структурами, а затем, когда он выходит из-под контроля, эти же структуры начинают с ним бороться. Здесь хрестоматийным примером стала история так называемой Аль Каиды.

¹⁰ De conspiratione. О заговоре: сборник монографий / под ред. Фурсова А.И. М., 2013.

В связи с развернувшейся в 2014 г. гражданской войной на Украине мировое сообщество имело возможность не раз убеждаться в дилетантизме, плохой образованности, а иногда и просто невежестве представителей госаппарата США. Включая сюда и президента Барака Обаму, человека, совершенно не способного на серьезную политическую аналитику. Впрочем, для парapolитики это и не нужно. На каждом шагу истинные цели американской политики маскируются голословными заявлениями, обвинениями, декларациями, не имеющими никаких реальных оснований в подлинной политической реальности.

¹¹ В своем выступлении на заседании Бильдербергского клуба в 1992 г. (Франция) Г. Киссинджер отметил: «Сегодня американцы были бы воз-

параполитика была трансформирована в реальную политику, не мистифицирующую цели, интересы различных социальных сил, очень важно усиливать роль гражданского общества. Роль и значение гражданского общества в западной, российской и исламской цивилизациях также лежат в области научных интересов проф. Ю.М. Почты, глубоко и обстоятельно им исследуются¹².

Общество порождает и воспроизводит определенный тип личности. Фундаментальные сдвиги в социуме не могут не изменить тип личности. На наших глазах формируется совершенно новый тип личности – «человек постмодерна». Среднестатистическая «личность постмодерна» нам хорошо знакома, это – наш современник. Он (она) – одноклассник, однокурсник, земляк, сосед, коллега... Как правило, такая личность занята не в сфере производственно-созидательной деятельности, а в непроизводственной области, в сфере услуг, сервиса, в шоу-бизнесе и др. Обычно он – член небольшого офисного коллектива, как сейчас принято называть, «офисный планктон», малообразованный, ориентированный

мушеры, если бы солдаты ООН вошли в Лос-Анджелес для восстановления порядка; но завтра они будут благодарны! И совсем уж наверняка это произойдет, если им расскажут о внешних угрозах – неважно, реальных или придуманных – да притом таких, которые угрожают самому нашему существованию. Именно тогда все люди, живущие в мире, доверятся своим лидерам, чтобы те избавили их от этого бедствия. Единственное, чего боится каждый – это неизвестность. Столкнувшись с таким развитием событий, люди охотно откажутся от своих прав в обмен на гарантии комфортного существования, которые им предоставит мировое правительство» (Г. Киссинджер. Выступление на заседании Бильдербергского клуба. 1992. Цит. по: James P. Tucker Jr. Media Protects Bilderberg // The Spotlight. 2009).

¹² Почта Ю.М. Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 1. Почта Ю.М. Мусульманский мир: роль института гражданского общества в процессе принудительной демократизации // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2012. № 3; Почта Ю.М. Проблема становления гражданского общества в России // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2011. № 3 и др.

на штампы обыденного сознания, замкнутый на потребительство, групповой эгоизм, приземленную утилитарную систему ценностей, лишенный патриотизма, понимания общенациональных интересов, при яркой выраженном снобизме по отношению к «простому человеку» и др. Ему СМИ незаслуженно присвоили звание «креативный класс». Незаслуженно – потому, что творческое начало в этой трудовой активности минимизировано, его деятельность в основном не продуктивна, а репродуктивна¹³.

Творческое начало заложено в формах предметно-преобразовательной деятельности, т.е. научной, проектно-конструктивной и производственной деятельности ученых, инженеров, техников, рабочих-изобретателей и др. А креативный класс – носитель тех экономических отношений, которые возникли в результате приватизации грандиозного наследия советской эпохи и превращения его в капитал с последующим многократным перераспределением. Здесь – банки, финансовые и торговые биржи, разного рода фонды, сферы рекламы, туризма, обслуживания «новой элиты», шоу-бизнес, большинство СМИ и др. «Креакл» органично встроен в мир рекламы, абсолютного господства денег и рыночных ценностей, интернетовскую паутину, поглощающую инновационное творческое начало в человеке, в трясину гламура. Личность постмодерна не способна заниматься реальным производством, т.е. деятельностью, которая требует строгого, систематического, рационального, логически обусловленного решения предметно-практических задач.

¹³ Понятие «креативный класс» имеет корни в современной американской социологии. Оно было введено Р. Флоридой для обозначения социальной группы населения, включенной в постиндустриальный сектор экономики. И если в американской социологии это понятие не получило широкого распространения, то в отечественной идеологической сфере, во многом провинциальной, вторичной по отношению ко всему западному, оно было подхвачено и объявлено чуть ли не базовым понятием: креативный класс – носитель «постсоветской экономики».

К тому же очень часто «креакл» является продуктом системы платного образования, которая выступает как «платная услуга», а не среда формирования всесторонне развитой личности, носителя знаний и духовных ценностей. Ее образование узко заточено на усвоение ряда «компетенций» в сфере своей прямой профессиональной активности, а воспитание – на формирование «квалифицированного потребителя». Выход за узкие рамки полученных компетенций требует «переквалификации», получения нового образования и т.д. В целом такая личность мало квалифицирована. В ее образовании нет фундаментальности. Все необходимое ей знание она способна черпать лишь из готового информационного накопителя типа Википедии. Она обладает упрощенным, «процедурным» (предметоцентрическим) мышлением, которое не «схватывает» сущность сложных системных процессов. (И уж конечно ей недоступно понимание социальных процессов, которые в нашу эпоху являются особенно сложными.)

«Креакл» способен усваивать лишь чужие тривиальные суждения и оценки (СМИ, Интернет и др.), понимать только самые простые решения; не способен к усвоению высших, рафинированных, профессионализированных форм культуры и поэтому может быть лишь носителем квазиформ духовной культуры¹⁴, лубочной масскультуры. В таких условиях общественное сознание нивелируется до уровня обыденного сознания, которое носит неререфлексивный характер. При этом и само обыденное сознание примитивизируется, утрачивает способность к адекватной ориентации в мире природных и социальных явлений, сползает в рутинный консерватизм и заурядную посредственность. Но, насыщаясь самодовольным догматизмом, оно выдает себя за магистральную линию культуры. Отсюда – господство серости, т.е. навязывании всем и всюду заурядности и пошлости, при од-

¹⁴ См.: Наука и квазинаучные формы культуры. М., 1999.

новременном поддержании иллюзии, что все позволено и ничего не обязательно.

Самая настораживающая и социально опасная черта личности постмодерна – ее безволие, неспособность к сложным сознательным, целенаправленным действиям, отсутствие целеустремленности, способности действовать в соответствии с выбранной целью. Такая личность способна лишь к бессодержательной, зато развлекающей игре. А результат игры всегда неопределен. Значит, мироощущение субъекта неизбежно приобретает мистериальные черты. Теряется чувство реальности. Как следствие – накат очередной волны мифологизации культуры.

В нашу повседневную жизнь вошли и прочно утвердились в ней казавшиеся давно исчезнувшими языческие суеверия, оккультизм, магия, спиритизм, колдовство и пр., в массовом сознании мир вновь (как и сотни, тысячи лет тому назад) оказался наполненным духами и сверхъестественными материальными существами, проявлениями «нечистой силы», колдунами, ведьмами и т.п. В уголовной хронике уже появляются сообщения об убийствах женщин по подозрению в том, что они «ведьмы» и «наносят порчу» беззащитным гражданам, а прокуроры открывают уголовные дела против «привидений». И в Госдуму вносится законопроект, который призван регулировать порядок оказания оккультно-мистических услуг в области здравоохранения, который прямо признает существование «сверхъестественных способностей организма», но призывает пользоваться этим сверхъестественным в лечении пациентов только под присмотром специально обученных специалистов (!). Здесь уже напрямую воспроизводятся средневековые структуры сознания.

По существу, в отечественной духовной культуре сложился целый фронт антирационализма, который представлен различными осовремененными формами оккультизма, неомифологизма, язычества, магии, колдовства и др.,

претендующими на то, что они способны к «непосредственному познанию» мира и сверхъестественному воздействию на природу, общество и самого человека. Все чаще звучат голоса о «несостоятельности современной науки», ее «кризисе», вреде научно-технического прогресса, о том, что науке пора возвращать долги обыденному, массовому сознанию, о том, что обществу следует отказаться от идеалов рационализма, установки на познание объективных законов мира, от стремления к объективной истине и др. И все это при активном участии средств массовой информации¹⁵.

Ситуация усугубляется тем, что отечественная духовная культура переживает еще и «религиозный ренессанс»¹⁶, который сопровождается нарастанием апокалиптических настроений, многократно усиливающихся благодаря тяге СМИ к сенсационности. Не вдаваясь в анализ природы религии как особой формы сознания, отметим, что она далека от познавательного освоения мира, ее функция – это индивидуальное преодоление отчуждения человека от мира, гармонизация отношений человека и мира, она призвана исцелять «трагизм мироощущения конечным Я»¹⁷, для чего нужна вера, источником которой всегда является некоторое мифотворчество.

В таких условиях закономерно возникает представление, что техногенная цивилизация исчерпала свои возможности. Причем факты настолько убедительны, что и возражать-

¹⁵ См., например: Цуканова И.В. Реанимация жанра видений в современной печати // Человек в изменяющейся России. Белгород, 2007. Ч. 11. С. 84–88.

¹⁶ См.: Каарийнен К., Фурман Д.Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 1, 2; Конашев М.Б. Дарвин и религия // Человек. 2009. № 5. С. 22–23.

¹⁷ Как отмечал один из видных представителей современной протестантской теологии П.Тиллих, «только те, кто пережил шок от сознания своей бренности, испытал тревогу от сознания своей конечности и ощутил угрозу небытия, – только они и могут понять, что значит Бог» (Тиллих П. Систематическая теология: в 3-х т. Т. I–II. М.–СПб., 2000. С. 65).

то против такой оценки сложно. По-видимому, мы действительно имеем дело с некоторым цивилизационным поворотом, смысл которого далеко не очевиден.

Здесь возникает целый ряд фундаментальных вопросов. Какова сущность эпохи постмодерна? Каковы подлинные масштабы «кризиса цивилизации»? С чем, собственно говоря, мы имеем дело, когда говорим о «кризисе цивилизации»? С некоторой очередной волной исторического прогресса (смена формаций, технологических укладов и пр.), которая сопровождается временной задержкой развития цивилизации? Или с проявлением дегенеративных тенденций в развитии общества, ведущих к его частичному или, может, быть даже и полному разложению, исчезновению, к его гибели (Апокалипсис)? Грядет другой мир и другое общество, некий новый неизвестный нам тип социальной организации человечества? Какой «сценарий» событий готовит нам история?

В потоке современной социально-философской литературы ответам на эти вопросы «несть числа». В многочисленных футурологических сценариях (Э. Тоффлер, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, М. Леонард и др.) выделяют самые различные признаки перехода к будущему обществу – и всепроникающее значение информации, «борьба цивилизаций», геополитическое доминирование западной цивилизации, необходимость перехода к новому, шестому технологическому укладу, нарастание глобального экологического кризиса, когда каждый серьезный шаг по пути научно-технического прогресса оборачивается обострением отношений человека с природой, и др.

Вместе с тем такие сценарии используются (как на Западе, так и у нас) в большей мере не для проектирования будущего, а для разработки идеологий и социально-политических практик, призванных регулировать «жизненный мир» человека сегодня и сейчас, программы жизненной самореализации личности. Благодаря мощной «пропаганди-

стской машине» такие сценарии популяризируются и буквально навязываются индивиду, заставляют его примерять их на себя. И это несмотря на их часто скверные философские основания и методологический эклектизм. А нередко такие рекомендации вообще выглядят совершенно дилетантскими¹⁸.

В понимании и оценках будущего можно выделить два основные парадигмы. В первой современная социальная динамика интерпретируется как закономерное и неизбежное проявление исторического прогресса, а кризисные явления рассматривают как отражение перехода к новому технологическому укладу, как проявление «кондратьевских волн» технологического развития (с их фазами подъема и упадка), наступающих тогда, когда возможности прежней технологи-

¹⁸ Нам говорят, что для перехода к будущему информационному обществу, в котором будут стерты границы между властью и информацией, необходима модернизация образования. Что же предлагается? Оказывается, нам предлагают дифференцировать и «рассредоточить» образовательный процесс. Это предполагает отказ от традиционного набора предметов; ведущая роль переходит от преподавателя к учащемуся, учащийся сам (!) принимает решения о том, чему, у кого и как учиться; целью обучения объявляется погоня за самым новым, «последним знанием», а под методикой образования понимают «тьюторское» инструктирование учащегося, чему нужно учиться, как при этом разучиваться и как затем переучиваться («педагогические траектории»). Подлинные истоки такой «педагогической футурологии» – в бихевиористской психологии и педагогике еще XIX в.! И вот такая «педагогика» под видом новаций и педагогических «откровений» навязывается в Европе, в России, странах СНГ и др. Справедливости ради следует отметить, что и отечественная футурологическая литература даже в ее антизападнической вариации (М. Калашников и др.) также слишком заидеологизирована, а в философском плане ориентирована на плоский позитивизм. Чего стоят только призывы «прогрессистов» к ликвидации Комиссии по лженауке при РАН, которая сейчас по сути в одиночку ведет войну с мракобесием и множественными научными фальсификациями!

ской базы оказываются исчерпанными¹⁹. Их авторы – обычно убежденные оптимисты и уверены, что мы имеем дело с вялотекущим кризисом индустриальной системы, а прогрессивное восхождение социума неумолимо, любые возвраты в пугающее прошлое могут быть только неглубокими, кратковременными, и потому ни «нового нашествия варваров, ни нового средневековья не будет»²⁰.

Но больше все-таки тех, кто ориентирован на вторую парадигму, т.е. модель деградации социума, особенно на контрастном фоне эпохи Модерна. Такая модель базируется на убеждении, что восходящий тренд гуманизации общественной жизни в том его смысле, в каком сформировался в новоевропейской философско-гуманитарной традиции, себя исчерпал. С этой точки зрения в эпоху постмодерна формируется новый тип культуры, для которого свойственно пренебрежение логикой, рационализмом, плюрализм и мозаичность моделей мира, цинизм и ироничность по отношению ко всему, что происходит в мире, неопределенность, неуверенность и двусмысленность во всем, что касается абсолютов культуры. А все вместе – это возврат в прошлое. В рамках этой парадигмы возникает потребность оценить и определить меру происходящей деградации цивилизации.

В какую, собственно говоря, древность, архаику человечество деградирует? Каковы антропологические основания такой деградации? Насколько она фундаментальна? С чем мы имеем дело, с возвратом в средневековье или с падением в эпоху кризиса Римской империи? Или же исчерпывает себя сам тип цивилизационной организации общества, сложившийся около 6 тысяч лет тому назад в ходе неолитической

¹⁹ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Избранные труды. М.: Экономика. 2002; Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.

²⁰ Например, см.: Эйдман И. Прорыв в будущее. Социология Интернет-революции. М., 2007.

революции²¹, и человечество возвращается в эпоху варварства, которое является «общеисторической предпосылкой и спутником цивилизации»²²? А может быть, ситуация выглядит еще более критически – не исчерпал ли себя сам способ бытия человека в мире и не находимся ли мы на краю человеческой истории, у той пропасти, за которой она завершается?

Выбор из двух парадигм не вполне ясен. Во всяком случае, общепризнанного решения пока не существует. На наш взгляд, в любом случае можно констатировать, что в нашу эпоху цивилизация как особая исторически разросшаяся система организации общественной жизни, сложившаяся в неолитическую эпоху, т.е. имеющая шеститысячелетнюю историю, вступила в противоречие со своими базовыми принципами. В системы взаимодействия человека с миром включается множество новых опосредующих звеньев (как в сфере деятельности, так и в сфере общения), которые не охватываются когнитивной стороной сознания, не рефлексировуются, а лишь эмоционально переживаются субъектом, реализуются через бессознательные уровни духовности. Развитие средств информации, способов непосредственной коммуникации преобразует тип опосредованного общения, который определил становление цивилизации.

Развитие информационных способов коммуникации делает общение субъектов «опосредовано-

²¹ Мы исходим из понимания цивилизации как определенного типа организации общественной жизни, который сложился в результате неолитической революции и предполагает производящее хозяйство, классовое разделение общества, возникновение государства, господство опосредованных форм общения, отделение духовного производства от материального и др. Претерпев ряд качественных преобразований, накопив множество противоречий, этот способ организации общественной жизни просуществовал и до настоящего времени, хотя нарастание глобальных проблем современности дает серьезные основания для вывода об исчерпании им своих потенциальных возможностей.

²² Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. С. 78.

непосредственным». Для такого типа общения характерны, во-первых, тенденция возврата от абстрактных форм постижения мира к наглядно-образным, более тесно связанными не с когнитивной, а с эмоционально-аффективной сферой духовности. Во-вторых, ослабление волевого начала в деятельности человека. Именно эти две тенденции, на наш взгляд, и выражают собой тот фундаментальный тренд исторического развития, который определит будущее человеческой цивилизации.

Вихрь событий новейшей истории размывает утвердившуюся в эпоху Модерна грань между добром и злом, направлен на то, чтобы попытаться переделать наш жизненный уклад под иные ценности и интересы. Мы можем потерять устойчивость в самом общем – нашем мировоззренческом сознании, в наших цивилизационных базовых ценностях, изучению которых посвящено многолетнее научно-исследовательское творчество проф. Ю.М. Почты. Утрата таких базовых ценностей – это смертельно опасная болезнь. К счастью, события последнего времени, я имею в виду в том числе и возвращение Крыма в лоно его исторической Родины, позволяют надеяться, что мы стали на путь выздоровления.

П.К. Гречко

**ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА
ИНФОРМАЦИИ-КОММУНИКАЦИИ:
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ИНЫЕ MESSAGES**

Начнем с терминологии – чтобы было понятно, о чем мы собираемся говорить. Итак, информация. Ее обычно отождествляют с сообщениями, сведениями, знаниями. Что правильно, но только как самая общая ориентация. Для более определенных ситуаций, к которым относится и наш случай, требуется, конечно, уточнение. Уточняем: информация – это не просто знание, а знание экстериорное, т.е. знание, переведенное или могущее быть переведенным «в некие количества», «на язык машин»¹. Эмоции, чувства, мимика, жесты и прочие компоненты реального коммуникативного процесса входят в контекст или инфраструктуру так понимаемой информации. Как машино-ориентированное знание информация несет с собой логическую упорядоченность, аналитическую выверенность, структурную последовательность. Имеется в виду нормативно-релевантная информация, по отношению к которой все остальное можно считать информационным шумом. Неразрывна связь информации с коммуникацией. Иначе говоря, эффективность информации сегодня измеряется, наряду с прочим, количеством коммуникативных действий, которые можно совершить на ее основе. А средства массовой коммуникации и средства массовой информации, можно сказать, совпадают. Вот почему информация и коммуникация идут у нас через дефис.

Несколько слов о «коммуникации» – термине, надутым нам ветром перестройки. До нее мы в этом плане обходились «общением». В русском языке слово «общение» ис-

¹ Ср.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 17–18.

пользуется в основном для выражения межличностной деловой или дружеской связи. Личностная определенность ситуации общения сохраняется и тогда, когда одной из сторон выступает такой, например, партнер, как «Дорогой, многоуважаемый шкаф!». Просто здесь в большей мере задействовано воображение (воображаемое).

Межличностный характер общения особенно выразителен в его противопоставлении безличным общественным отношениям. Как индивидуально-личностное проявление или уточнение этих отношений оно, общение, чаще всего и рассматривается. Выходит, коммуникация на русский язык вообще не переводится, а идет, используется как калька. И это по-своему характеризует нашу культуру. Видимо, в ней преобладают непосредственные или личные зависимости и связи – традиционность, традиционализм. Но если все же определять коммуникацию на фоне и в противопоставлении общению, то можно сказать, что коммуникация – это intersubjective общение.

В самом же общем – философском, смысле коммуникация есть диалог между различиями, имеющий своей конечной целью достижение взаимопонимания и, далее, согласия. А в конечно-телеологическом плане – продолжение и укрепление коммуникации, переход от одной дискретной формы коммуникации к другой. Выразиться нужно именно так – предложно (диалог между различиями), а не падежно (диалог различий). Для сравнительного размышления: в английском языке данная тонкость схватывается различием двух предлогов: *between* и *of* (*dialogue between...*, а не *dialogue of...*). В самой по себе предложно-падежной грамматике диалога ничего интересного нет, но из нее можно «вытянуть» далеко не тривиальные импликации. Участвующие в диалоге различия должны, что называется, держать дистанцию (пространство между), иначе это будут уже и не различия, а что-то другое, скажем, тождества, единства или некое обоюдное согласие. А в таком случае нет энергии для коммуникации,

не о чем, да и незачем говорить. В самом деле, что можно выяснять, отстаивать, доказывать – а это ведь реальное наполнение диалога, – если все только и делают, что расплываются в улыбке и поддакивают друг другу. Ну разве что эстетически шлифовать детали, но это уже для коммуникативных гурманов или для тех, кто испытывает экстаз от коммуникации. Впрочем, есть здесь и еще одна спорная форма – ложно понятая политкорректность.

Теперь о message. Нас, гуманитариев, этот термин адресует к самому популярному, пожалуй, афоризму М. Маклюэна «The medium is the message». В буквальном переводе с английского данный афоризм означает: «Средство коммуникации есть сообщение». В концептуальном же понимании Маклюэна он выглядит так: «...личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела»². И еще, уже более популярно: «... “сообщением” любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости и формы, которое привносится им в человеческие дела»³.

Medium и message, как можно судить, связаны имплицитивно: «если..., то...». Любое средство коммуникации несет в себе, тянет за собой какое-то сообщение. Поскольку данное сообщение принимает форму реального воздействия на то или иное положение вещей, то рассматриваемую импликацию нельзя считать только теоретической, логической зависимостью. Это также и материальная импликация, своего рода мягкий детерминизм, диспозиционный по своему характеру. Он срабатывает, когда складываются соответст-

² Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. С. 9.

³ Там же. С. 10.

вующие, объективные и субъективные, условия. Пожалуй, здесь лучше было бы говорить о субъектных условиях, поскольку субъективные условия порождают иллюзию, что *medium*-ные сообщения находятся в прямой зависимости от наших мнений, одобрений, других «разрешений». В действительности, как показал все тот же Маклюэн, сообщения по своему объективны, они идут к нам, не спрашивая но то нашего разрешения. Преобразующую силу средств коммуникации нельзя ни отменить, ни остановить, во всяком случае, в долгосрочной перспективе. «Воздействие технологии (средств коммуникации. – П.Г.), – пишет автор, – происходит не на уровне мнений или понятий; оно меняет чувственные пропорции, или образцы восприятия, последовательно и без сопротивления»⁴. Мнения и понятия могут, конечно, сдерживать или, наоборот, ускорять технологическое (объективно детерминирующее) действие средств коммуникации, но отменить его они не в силах.

Посмотрим, что представляют собой материальные импликации средств информации-коммуникации в сфере образования, прежде всего высшего. Если раньше преподаватель был единственным и полным носителем информации в аудитории, то теперь значительная ее (информации) часть уже на стороне аудитории (вооруженной ноутбуками и прямым, Wi-Fi-выходом в Интернет).

Что и как в такой ситуации преподавать? Нужно, видимо, учить искать и понимать новую информацию, предлагать какие-то проблемные навигации, предусматривать больше заданий на внеаудиторную самостоятельную работу и т.п. Впрочем, нужно организовать и контролировать саму эту самостоятельную работу. Ну а общий ориентир здесь давно ясен – так дальше преподавать нельзя. Современная

⁴ Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. С. 22.

электроника – это исторический вызов для педагогики, как школьной, так и вузовской, и лучше не затягивать с ответом на него.

Современные средства информации и коммуникации объективно тянут за собой демократизацию и индивидуализацию. Мы по привычке жалуемся на массивфикацию (усреднение, унификацию) всего и вся в нашем обществе. Тут и философы помогают: одно «восстание масс» Ортега-и-Гассета чего стоит. Между тем наша ситуация не столь однозначна, в ее палитре появилось много совершенно новых красок. Такой широты возможностей и такого богатства выбора никогда раньше не было – нужно только со всем этим умело обращаться. Вернемся опять к информации. Как известно, информация легко квантифицируется, т.е. делится на сегменты, фрагменты, порции, кванты. В таком рассредоточено-квантифицированном виде она только и существует.

Разница с прежними временами огромная. Если раньше студенту, слушателю, вообще публике забрасывались в головы готовые картины мира, человека и общества, то сегодня они получают только отдельные их фрагменты (кванты). Правда, их много, и они атакуют наше сознание со всех сторон. Для некоторых эта ситуация кажется невыносимой – сплошная точечность, пунктирность, незавершенность. Но для тех, кто в достаточной мере овладел новыми информационно-коммуникативными технологиями, здесь открывается широкий простор для действий: пожалуйста, дерзай, проявляй свободу, складывай порции-кванты информации в индивидуально свою картину мира и жизни. Складывать квантово-информационный пазл помогает сегодня междисциплинарная методология в единстве со сложносистемным (complexity) мышлением⁵.

⁵ Подробнее об этом см.: Гречко П.К. Парадигмальная эвристика complexity в социально-гуманитарном познании // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2012. № 1.

Не утонуть в море рассредоточено-массовой информации помогает еще одна линия поведения. Она опять же подсказывается современными электронными медиа. Единство образования и науки – так вкратце можно было бы обозначить эту линию поведения. Только ученый с его пониманием и чувством проблемы (проблем) может здесь «плавать», быть на уровне времени, его задач и рисков.

Проблема – формирование многоаспектное. Она не только то, что решается или разрешается, но и то, с помощью чего нечто понимается (охватывается, приводится к исследовательскому единству). По большому счету, теоретизировать – значит проблематизировать. Там, где нет проблем и необходимости их разрешения, мышление может отдыхать – достаточно других способностей: воспоминания, ассоциации, воображения и т.п.

Овладев как следует электронными средствами информации и коммуникации, можно рассчитывать и на выход из того кризиса идентичности, которым отличается нынешняя историческая ситуация. Рушатся прежние идентичности: расовые, этнонациональные, религиозные, традиционно-гендерные и т.п. Их заменой, в свете сказанного, может стать профессиональная идентичность. Это суждение – лишь другое выражение известной энгельсовой мысли, что «труд создал самого человека». Он, добавим от себя, создал только заготовку или болванку человека – «окончательная» человекоделательная работа истории еще впереди. И профессиональная составляющая в ней – главная. Необходимость и актуальность профессионального роста доказывать сегодня не нужно. Профессионализм у нас сегодня в большом дефиците, причем везде, включая и систему образования. Дипломированных или остепененных специалистов хоть пруд пруди, а настоящих профессионалов не хватает, их в общей «усредненной» массе единицы. Добавьте сюда глобально расширившиеся горизонты конкуренции, – добавьте, и станет ясно,

насколько ценен и качественно сложен сегодня профессионализм.

Новые, современные средства информации-коммуникации предъявляют повышенные требования к самой коммуникации. Это только на первый взгляд кажется, что все сегодня, в «глобальной деревне», легко и доступно. На самом деле многое усложнилось, в жизненный оборот человека вовлечено гораздо больше факторов и сил. И все ждут какого-то взаимодействия, реагирования, ответа. Образовательные информационно-коммуникативные технологии в этой связи с особой остротой ставят вопрос о формировании коммуникативной компетенции как единства знаний, умений и навыков. Поскольку знания так или иначе абстрактны, а в навыках есть что-то от механической заведенности, то акцент в компетенции справедливо ставить именно на умениях. «Что Вы умеете делать?» – это сегодня главное измерение профессиональной идентификации человека. Общая определенность современной коммуникативной компетенции может быть очерчена как ее дискурсивность, т.е. умение «контекстуализировать» мысль жизнью, практической, шире – социокультурной фактурой бытия.

Ядро коммуникативной компетенции представлено умением слушать и понимать Другого, смотреться в него как в зеркало самого себя.

В защитных, а фактически диспозиционно резонирующих поясах данного ядра значатся также: культура вопрошания, или умение идентифицировать проблемы; рефлексивность, т.е. самоотчетность всех вовлеченных в информационно-коммуникативный процесс идей и действий; самокритичность как готовность «фальсифицировать» самые дорогие свои мысли, взыскательно и придирчиво относиться к себе, своим утверждениям и поступкам; имагинативность, иначе – творческое воображение, умение мыслить на пределе, а значит, в терминах первопричин и конечных целей; флексибельность (англ. flexibility – гибкость), или способ-

ность перестраиваться, мужественно встречать и уверенно решать неожиданные задачи, адекватно, без паники и алармизма отвечать на совершенно новые вызовы и риски. В перспективе коммуникативной компетенции любой образовательный процесс, будь он хоть естественнонаучным или техническим, превращается в глубоко гуманитарное дело. Что уж говорить о социально-гуманитарных дисциплинах – коммуникативная компетенция в их преподавании стоит на первом месте.

Опираясь на изложенный выше материал, обобщая и обобщая его, можно сказать следующее. Освоение электронных средств коммуникации и информации, по сути, только началось. Их историческая новизна в полной мере еще не осознана, да и практически не проявлена – тут есть своя временная последовательность и постепенность. Но то, что под их влиянием жизнь будет меняться и уже меняется, – это очевидно. В данной связи полагаем, не покажется необоснованной или поспешной мысль о конце времени противопоставления коммуникации (техно-технологической) и коммуникативности (человеческой, гуманитарной коммуникации).

Не исключено, что «содержанием», в духе Маклюэна, технических средств коммуникации выступают как раз гуманитарные средства коммуникации, сама коммуникативность. Выразимся по-другому, мягче: коммуникативность демонстрирует свою предрасположенность (диспозицию) к сочетанию с технической коммуникацией. Впрочем, и наоборот. Интересно заметить, что под коммуникативностью электронщики понимают обычно способность данного программного обеспечения к взаимодействию с другими программами.

Мы понимаем всю провокативность сказанного, особенно на фоне продолжающегося недоверия к техногенности, обвинения техники и технологии в отчуждении от сущностных сил человека, от истинно гуманистических целей общественного развития. Конечно, многое здесь и в самом

деле еще не прорезалось, скрыто, затемнено инерцией традиционного («классического») восприятия, но message уже пошел, мы начинаем, хоть и с трудом, его улавливать. Вообще последствий – положительных, а не только, как принято считать, отрицательных – у современных средств коммуникации очень много; о «грамматике» компьютера – средства и символа современной электронной эпохи, разговор еще впереди. «Доверие к бытию» – это сегодня прежде всего доверие к технике и технологии как неубираемым строительным лесам человеческого в человеке. Коммуникативность противостоит объективистскому историцизму, по-своему смягчая, гуманизируя мир, в котором мы живем, и нас, в нем живущих. Она несет с собой конструктивизм и веру в будущее – оно может и должно быть с человеческим, в основе своей коммуникативным, лицом.

Л и т е р а т у р а

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
2. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.
3. Гречко П.К. Парадигмальная эвристика complexity в социально-гуманитарном познании // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2012. № 1.

А.Г. Восканян

ДЕФИЦИТ ДЕМОКРАТИИ КАК ПОЛИТИКО-КОММУНИКАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН В ЕС

Сегодня Европейский Союз переживает один из самых трудных периодов своего существования. Его будущее зависит от уровня демократического функционирования европейских институтов, которые во многих ключевых направлениях утратили свою легитимность, несмотря на процесс 20-летнего институционального развития.

За период своего существования ЕС стал наднациональным органом урегулирования, но между тем не состоялся как демократическое политическое объединение. Еще в 2000-х многие исследователи в данной сфере, анализируя интеграционные процессы в ЕС, прогнозировали грядущие проблемы, связанные с трудностями установления коммуникационных связей между гражданами, живущими в национальных государствах ЕС и ее наднациональными институтами. Но эти вопросы стали серьезно рассматриваться элитами ЕС лишь после известного «нет» на референдумах по конституции ЕС во Франции и Нидерландах (2005 г.).

Очевидно, что провал на референдумах говорил о недоверии граждан к ЕС, которое было вызвано коммуникационными издержками со стороны европейских институтов и национальных государств, а также ограниченным участием граждан объединения в вопросах принятия политических решений. Более того, исход формализованного волеизъявления граждан поднял на поверхность многочисленные вопросы, относящиеся к уровню легитимности и демократичности наднационального режима ЕС.

Отмеченные и некоторые другие вопросы, касающиеся политической структуры ЕС, принято называть «дефицитом демократии». Отметим, что на общеевропейском уровне «дефицит демократии» связан с такими политическими по-

нениями, как легитимность деятельности европейских институтов, доверие граждан к ЕС, развитие европейской идентичности, активность гражданских институтов, соблюдение медиа плюрализма и политическое участие граждан.

Проблема «дефицит демократии» в ЕС: «Дефицит демократии» является многогранным феноменом политической реальности ЕС и не имеет согласованной дефиниции как среди институтов ЕС, так и в европейском научном сообществе. Некоторые исследователи ее относят исключительно в сферу принятия решений, другие связывают ее с актуальными проблемами социального и экономического устройства объединения. Основываясь на теоретических обоснованиях Ю. Хабермаса, Т. Райса, Ханса-Йорга Тренза, В. Шмидт можно констатировать, что демократический дефицит является исходным понятием в рассмотрении основных политических процессов внутри ЕС. Для дальнейшего анализа данной проблематики и связанных с ней вопросов важно учесть исторический контекст институционального развития ЕС.

В силу сказанного отметим, что концепция демократии в Европейском союзе основывается на развитии либеральной традиции в европейской практике современного госуарствостроительства. В статье «Парадокс Европейской демократии» И. Крастев отмечает, что нынешний либеральный строй европейских государств является результатом пяти революций, через которые прошли страны-инициаторы Европейского объединения. По автору, такими социально-общественными сдвигами стали: культурная революция 1960-х г., объявившая все социальные иерархии нелегитимными; экономическая революция в 80-х прошлого века, делегитимировавшая роль государства как основного субъекта экономики; революции 1989 г. в странах Восточной Европы, когда восторжествовал антиисторический тезис о вечности либеральной демократии; также информационная революции 90-х с привлечением новых коммуникационных средств; и современный этап революции в нейробиологии, изменивший

представления об умственных и чувственных особенностях человека¹.

Либеральный подход экономической интеграции (разработанный в 80-х на европейском уровне) уже в 90-х был закреплен политической необходимостью реализации идеи сожительства и создания инклюзивного Европейского сообщества, основанного на универсальных принципах и политических правах человека. Уже в 90-х, в переломный период развития качественно нового европейского объединения и создания института Европейского гражданства (Маастрихтский договор 1993 г.), концепция демократии ЕС впитала внутрь так называемый универсализм прав человека и стала претендовать на амбициозный демократический проект региональной интеграции с лозунгами «мира и благополучия всех граждан»².

Однако на протяжении последних 20 лет в вопросе установления взаимосвязи между гражданами национальных государств и европейскими институтами политический истэблишмент объединения ограничился лишь формализованными механизмами политического участия и односторонней медиакommunikацией по вертикальной модели «сверху-вниз», что противоречиво отразилось на предпринятых усилиях приобретения поддержки граждан в своей деятельно-

¹ Крацев И. Парадокс Европейской демократии // Pro et Contra. январь-апрель 2012. N 1–2 (54). Т. 16. С. 6–15.

² Заметим, что эти ключевые слова, повсеместно использованные в коммуникационных сообщениях институтов ЕС на протяжении последних десятилетий, сегодня уступили место таким лозунговым понятиям, как возрождение, восстановление и переформатирование ЕС. Эти понятия характеризуют кризисное или посткризисное состояние в Европе и содержат констатацию о необходимости переосмысления ключевых вопросов в политической архитектуре объединения. (См.: Foundation of European Progressive Studies// Renaissance for Europe – A Democratic Union of Peace, Prosperity and Progress –Expert’s Reflection”. Belgium, 8-9 February 2013. URL: http://www.renaissance-europe.eu/uploads/media-turin/renaissance-for-europe_experts-reflections.pdf)

сти, способствовало их отчуждению от европейской политики и размыванию возможностей построения европейской идентичности.

Последствия такого подхода дали о себе знать в разгаре еврокризиса (2010–2012 гг.), когда многие исследователи заговорили о том, что ЕС сегодня переживает не финансово-экономический, а структурно-политический и информационно-коммуникационный кризис, между тем рассматривая финансовые трудности стран-участниц Европейского объединения в качестве результатов или же симптомов этого кризиса. «На данный момент Европа находится на пороге самоотравления», – пишет И. Крастев. Связывая спасение ЕС с преодолением демократического кризиса и обретением легитимности, автор отмечает, что многое сегодня зависит от того, станем ли мы свидетелями рождения европейского демоса или же демократия будет по-прежнему контролироваться элитами³.

Так называемое «спасение» предполагает весьма сложную задачу, которая только с первого взгляда носит институционально-формальный характер. Более того, рождение так называемого европейского демоса означает переосмысление политико-структурных особенностей союза из 27 стран, что, по нашим убеждениям, должно основываться на комплексном подходе развития гражданского потенциала ЕС посредством многосекторной и инклюзивной коммуникационной политики с применением богатого инструментария развивающейся информационно-коммуникационной среды. Данное утверждение вытекает из следующей констатации о том, что с точки зрения политической коммуникации, которая призвана обеспечить демократичность и легитимность существующего политического строя, ЕС является объединением технократическим, элитарным и трудно объ-

³ Указ. статья. Крастев И. Парадокс Европейской демократии // Pro et Contra. С. 13.

ясным по своей природе и механизму функционирования для обычных граждан.

По нашим наблюдениям и основываясь на анализе различных докладов, исследований и мнений современных авторов, нами установлено, что демократический дефицит в ЕС:

- вызван комплексом многоуровневых коммуникационных трудностей, издержек в развивающейся информационно-коммуникационной среде из-за ее фрагментированности на национальные и субнациональные сегменты (как такового не существует общеевропейского медиапространства);
- связан с упадком доверия к институциональной политике в целом среди граждан ЕС, результатом чего является низкий уровень участия граждан в европейских выборах (в мае 2014 г. явка на выборах в Европарламент по всему ЕС составила меньше половины – 43,11 (% избирателей);
- определяется элитарным подходом в процессах принятия решений и образования политики на общеевропейском уровне, не отвечает демократическим принципам прозрачности и подотчетности в управлении, и, соответственно, характеризуется слабой легитимностью;
- характеризуется неопределенностью и двойственными интерпретациями в национальных государствах ключевых вопросов ЕС (например, в сферах ее внешней политики и роли ЕС в мировой политике и т.д.);
- проявляется исключительно в форме институционально-формализованной коммуникации с гражданами, что препятствует развитию европейской идентичности и углубляет кризис легитимности на наднациональном уровне.

Далее в данной статье рассматриваются два основополагающих вопроса (упадок политической легитимности европейских институтов и развитие европейской идентичности в информационной среде ЕС), которые тесно связаны с поли-

тологическим анализом дефицита демократии на общеевропейском уровне.

Политическая легитимность в ЕС: Несомненно, трудно определяющийся «дефицит демократии» связан со сложными взаимосвязями между институтами ЕС и процессами согласования политики. Более того, данное понятие включает в себе основополагающий вопрос о легитимности европейских институтов и в целом существующего наднационального режима. Здесь уместно вспомнить Р. Даля, который, разделяя свой скептицизм относительно демократичности международных организаций и объединений, в статье «Могут ли международные организации быть демократичными? Взгляд скептика» отмечает, что причиной научного и практического скептицизма является отсутствие механизмов влияния граждан на процессы принятия решений в рамках международных организаций.

В данном контексте Даль исходит из популярной интерпретации демократии и пишет, что международные организации не имеют своего демоса, соответственно, не существует избранной народом власти, которая свою суверенность может завоевать именно благодаря волеизъявлению людей. С другой точки зрения, важно отметить, что Даль рассматривает демократию в качестве политического режима, который обеспечивает граждан неотъемлемыми правами человека на осуществление общественного контроля, что в данном случае никак не может быть реализовано. Причина, согласно Роберту Далю, находится в самой природе современной демократии, которую он называет полиархией, а именно в механизме делегирования своих прав⁴. На наднациональном уровне масштабы делегирования настолько расширились, что гражданам трудно взять в свои руки контроль над про-

⁴ Dahl, R. Can International organizations be democratic?: A skeptic's view / Democracy's edges, ed. by Shapiro, I. & Hacker-Cordon, C.: The Press Syndicate of University of Cambridge, UK, 2001. P. 20–22.

цессом принятия решений в самих верхах. Получается, что с расширением института делегирования уменьшается демократичность политической системы и встает вопрос о «дефиците демократии» и «исчерпанной легитимности».

Концепция Даля с первого взгляда характерна для ЕС, однако заметим, что Европейский Союз не может быть исключительно рассмотрен в качестве международной организации. Типичное определение ЕС предлагает Стрежнева М.В., отмечая, что Европейский Союз не в состоянии претендовать на государственность «вестфальского типа» и представляет собой государство принципиально нового образца, в котором наднациональные институты (Еврокомиссия, Европарламент) не выступают только лишь национальными агентами исполнительной власти, но и действуют самостоятельно, как отдельные политические игроки⁵. С одной стороны, самостоятельность поощряет гибкость в координации различных вопросов, что является немаловажным в преодолении многочисленных затяжных процедурных вопросов, а с другой стороны, она делает взаимосвязь между действиями ЕС и восприятием ее адресатов более слабой и латентной.

Исходя из вышеизложенного, нынешнее состояние ЕС можно охарактеризовать следующей фразой: «Больше демократии с меньшей эффективностью». Эта фраза также характерным образом выражает сегодняшнюю политическую стагнацию в ЕС и процесс ее институционального развития, начиная с организованных первых выборов репрезентативного органа ЕС в 1979 г. Заметим, что на европейском уровне, на протяжении трех десятилетий была сделана попытка перехода с регуляционной координации в региональном масштабе в многоуровневую политическую деятельность, что уже соответствовало внешнеполитическим амбициям ЕС в

⁵ Стрежнева М.В. Транспаритетные сети ЕС // Международные процессы. Январь–апрель 2008. Т. 6 1(16). С. 122.

становлении в качестве международного игрока на мировой политической арене.

Отметим, что подписанием Маастрихтского (1992 г.), Амстердамского (1997 г.), Ниццкого (2001 г.) и Лиссабонского (2007 г.) договоров ЕС вышел из так называемого формата межгосударственного сотрудничества. Но необходимо подчеркнуть также, что, несмотря на действие вышеуказанных договоров (за исключением Лиссабонского) до середины 2000-х гг. в практике преобладал так называемый межправительственный подход, по которому демократия в ЕС рассматривалась в узком понимании, исключительно принимая во внимание управленческие и координационные особенности (метафора – «ЕС как регулятор»), вытекающие из межправительственного сотрудничества в разных отраслях⁶. Сегодня в силу расширенных полномочий Европейского парламента и абсолютной компетенцией Европейской комиссии в ключевых сферах деятельности Европейский союз далек от исключительно «регулятивной политики», о чем также свидетельствует стартовавшее в 2000-х конституционное движение. В новых условиях, когда ЕС движется в сторону современного конституционного направления (несмотря на то, что данный термин используется с осторожностью), откладывать вопрос о легитимности институтов ЕС в долгий ящик более чем взрывоопасно, в частности, принимая во внимание тот факт, что 80 % политических решений принимаются именно на общеевропейском уровне⁷.

⁶ См.: Barenreuter, Ch. Researching the European Public Sphere and Its Political Functions // IWM Junior Visiting Fellows' Conferences, Vol. XVIII/6.2005. URL: http://www.iwm.at/index.php?option=com_content&task=view&id=256&Itemid=283#_ftn1

⁷ См.: Ewinger, D. Towards the emergence of Europeanized Public Sphere (EPS) within the structures of policy making processes at EU levels – considerations from political science perspective. Presentation Paper at the ISA Annual Convention 2009. New York, February 15–18 2009. P. 3.

В связи с этим актуальным видится констатация того, что «демократический дефицит» в политологической трактовке трансформируется в первую очередь в «дефицит легитимности», который в современных условиях коренится в информационно-коммуникационных измерениях единого европейского общественного пространства.

По определению М. Паусча, ЕС как механизм управления и принятия решений напоминает модель демократии, описанную Дж. Шумпетером, где граждане являются лишь пассивными участниками процессов формирования политики и принятия решений, которые определены исключительно группами элит. Продолжая анализировать структуру и природу ЕС, автор предлагает следующие гипотезы: «ЕС – это элитарное политическое устройство», «ЕС является сферой деятельности политиков», «бюрократия Брюсселя носит всеобъемлющий и неясный (нечеткий) характер», «граждане не могут взаимодействовать или участвовать», «элиты преследуют более собственные интересы, нежели общее благо»⁸.

Очевидно, что ЕС утратил свою легитимность, несмотря на то, что его граждане обладают разными институциональными возможностями выразить свое мнение: национальные выборы (лидеры, которые представляют их в Европейском совете), общеевропейские выборы (выборы в Европейский парламент), референдумы, ратификации договоров и т.д. Но правильно замечает другой европейский исследователь, М. Леонард, отмечая, что граждане ЕС вовлечены исключительно в вопросы принятия процедурных решений, а не политических⁹, соответственно, вышеуказанные возмож-

⁸ Pausch M. The European Union: From Schumpeterian Democracy to a European Public Sphere? // *Alternatives Turkish Journal of International Relations*. Vol. 10. N1. Spring 2011. P. 2–5.

⁹ См.: Леонард М. Как реорганизовать Европу? // *Pro et Contra*. Январь–апрель 2012. N 1–2(54), Т. 16. С. 27.

ности олицетворяют формальное обеспечение основополагающих политических прав человека.

Более того, массмедиа, которые призваны обеспечить осведомленность людей и тем самым развивать критическое мышление в обществе, занимают позицию ограниченных в своих действиях псевдопосредников тех же самых процедурных формальностей.

Из вышеизложенного следует, что в информационно-коммуникационной среде ЕС поставленная задача создания наднациональной «Легитимной Европы» в первую очередь сталкивается с закрытостью и слабой опорой на целевую коммуникацию в средствах линейных и нелинейных СМИиК. Об этом свидетельствуют как качественные, так и количественные показатели в ЕС. Между тем информационно-коммуникационные вопросы в измерении концепции легитимности характеризуются тенденциозными направлениями медиатизации общества и становлении медиакратии в европейских странах. В монографии «Современные стратегии британской политической коммуникации» Бодрунова С.С., рассматривая во взаимосвязи вопросы элитологии и общественной коммуникации в Великобритании и Европе в целом, отмечает, что сращение политических истеблишментов с элитами медиарынка развивает так называемую элитарную коммуникацию, которая ведется новой элитарной прослойкой – пандитократией («власть толкователей», медиафигур)¹⁰.

Для более четкого анализа существующего структурно-политического и коммуникационного кризиса в ЕС необходимо также рассмотреть предложенный Вивиан Шмидт концептуальный подход, который основан на трехмерной категоризации концепции легитимности. Вопрос легитимности в европейском объединении определяется двумя измере-

¹⁰ Бодрунова С.С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 19–20.

ниями: легитимность «для народа» (output legitimacy), где легитимность обеспечивается на выходе из системы, и «власть народа» (input legitimacy), где демократическая легитимность обеспечена на входе в систему¹¹.

Каждую из данных измерений В. Шмидт обсуждает по критериям институциональной и конструктивной дискуссии. Касательно первого измерения автор отмечает, что ЕС не осведомляет своих граждан о том, «что делают институты ЕС и чему принятые решения и меры будут служить», в то время как национальные государства своим гражданам больше говорят о том, «что их заставляет делать ЕС и что их политика, в некотором смысле, является “заложником” наднационального урегулирования»¹². Исходя из этого можно резюмировать, что в таких условиях, на национальном уровне, где непосредственно формируется гражданская активность и общественное мнение, вольно или невольно, в силу коммуникационной практики появляются делегитимирующие факторы, которые определяют степень общеевропейской легитимности.

Автор продолжает, что, между тем, в измерении входной легитимности, которая также включает качественные аспекты деятельности репрезентативных органов и электоральных процессов в ЕС (институциональной легитимности), европейские институты также терпят неудачу, поскольку, даже в условиях существования института прямого представительства граждан (ЕП), ЕС надлежащим образом не обес-

¹¹ Первое измерение соответствует линкольнской фразе управление «для народа» («for the people»), второе – «созданное народом и из народа» («by the people and of the people»).

¹² См.: Schmidt, V. Democracy and Legitimacy in the European Union Revisited: Input, Output and Throughout // KFG Working Paper Series. No.21. November 2010. Kolleg-Forschergruppe (KFG) «The Transformative Power of Europe» Freie Universität Berlin. P. 3–20. URL: http://userpage.fu-berlin.de/kfgeu/kfgwp/wpseries/WorkingPaperKFG_21.pdf

печивает участие и «легитимирующий вклад» граждан в свою деятельность¹³.

Внося также категории конструктивной и делиберативной (входной/исходной) легитимности, Шмидт отмечает, что в процессах дискуссии и оспаривания на разных платформах, и в частности в медийной среде, ЕС показал свою неготовность и слабую способность. И вправду, неготовность и неадаптированность к особенностям медиасреды ЕС в двух вышеуказанных измерениях углубляет кризис недоверия среди многомиллионных граждан. Заметим, что основной причиной является превалирующий долгие годы в институтах ЕС так называемый технократический подход, по которому массмедиа в Европе рассматривались и в некотором смысле продолжают рассматриваться в качестве инфраструктурного требования зарождающейся общеевропейской демократии. Между тем, как выше было отмечено, внутри государств ЕС, на национальном уровне активно развивается процесс сращения (convergence) медиаэлит с политическим истеблишментом.

Безусловно, в условиях существования альтернативных информационных и коммуникационных источников и отмеченных сращений технократический подход не может соответствовать духу и природе вызовов, с которыми на данном этапе сталкивается Европейский Союз. «Было бы неправильно ограничивать массмедиа в ЕС ролью пассивного и подчиненного канала передачи смысла чего-то (или кого-то содержания), который зафабрикован и предопределен Европейскими политиками и институтами», – отмечает Ханс-Йорг Тренз из центра мультидисциплинарных исследований

¹³ Данное обстоятельство может быть объяснено тем, что парламентская деятельность в ЕС отличается от традиционного парламентаризма: она основывается на конфликте интересов разных сторон (Еврокомиссии, государств-членов, граждан).

университета Осло¹⁴. В своей статье касательно воздействия массмедиа на актуальную политику в ЕС автор выражает уверенность, что в новой коммуникационной реальности необходимо рассматривать медийную среду в качестве так называемого селективного усилителя политической информации о ЕС и многоуровневой коммуникации, а также принять во внимание их механизмы селективного подбора различных вопросов, которые далее оформляются в жанре новостей и выражают общедоступную политическую реальность ЕС.

Принципиально оправданно звучат слова автора о том, что демократическая легитимность не относится к формализации процедурной демократии (процессы принятия политических решений и изменения политических институтов по демократическим требованиям). Европейскому Союзу нужна партисипационная, репрезентативная и дискуссионная демократия, которая опирается на медиадемократию и медиа плюрализм¹⁵.

Продолжая рассматривать концептуальную категоризацию В. Шмидт, отметим, что решение демократического дефицита и восстановление доверия граждан на наднациональном уровне в ЕС автор видит в предлагаемом ею измерении так называемой «пропускной легитимности» (рабочий пер. с англ. – «throughput legitimacy»), которая включает процесс выработки политики с целью обеспечения взаимосвязи двух других измерений легитимности. В центре данного подхода Шмидт ставит институт посредничества (с помощью гражданского общества) и рассматривает его как краеуголь-

¹⁴ Trenz, H.J. Understanding Media Impact on European Integration: Enhancing or Restricting the Scopes of Legitimacy of the EU? // European Integration. May 2008. Vol. 30. No. 2. P. 303.

¹⁵ Trenz, H.J. Understanding Media Impact on European Integration: Enhancing or Restricting the Scopes of Legitimacy of the EU? // European Integration. May 2008. Vol. 30. No. 2. P. 293–297, 305.

ную категорию в обеспечении демократического развития наднациональной структуры ЕС¹⁶.

Свободная и дискурсивно конструированная медиасреда в данном контексте призвана обеспечить именно функциональность так называемого посредничества и артикулировать многоголосие народов в Европе. Посредническая роль массмедиа в широком смысле слова определяется наднациональным характером институтов ЕС и сложной, дистанционной достигаемостью со стороны граждан союза. Необходимо отметить, что граждане объединения идентифицируют ЕС именно посредством массмедиа (в широком смысле слова).

Исследователи медийной среды ЕС Ю. Мейер и В. Риттербергер отмечают, что простые граждане в национальных государствах не имеют представления о ЕС из первых рук, что означает отсутствие собственного опыта по отношению к нему. Основные воззрения образуются в результате информационно-коммуникационных обменов применением трех основных инструментов медиатеатральности: установление повестки дня (agenda-setting); фрейминг (обрамление/framing), в рамках которого рассматриваются особенности того или иного явления и создается ее образ, конъюнктура восприятия; и так называемый прайминг (priming), то есть заранее инструктированная и предшествующая установка¹⁷. Однако такое посредничество выходит за рамки традиционного восприятия формулы «государство–массмедиа–граждане». В европейском контексте ключевым моментом является постановка вопроса о том, что массмедиа в отличие от других институтов гражданского общества, призваны

¹⁶ Op.cit. Schmidt, V. Democracy and Legitimacy in the European Union Revisited, 2010. P. 20–25.

¹⁷ См.: Maier J., Ritterberger B. Shifting Europe's boundaries: Mass media, Public opinion, and the Enlargement of EU // European Union Politics, June 2008. Vol. 9. No. 2. P. 245–247.

обеспечивать идейную и практическую взаимосвязь между всеми акторами гражданского общества и также наднациональными институтами, тем самым занимая ключевую роль в развитии Европейской публичной сферы, которая, исходя из теории Ю. Хабермаса, должна основываться на делиберативной и открытой дискуссии. В связи с отмеченным, в измерении пропускной легитимности, Шмидт также подчеркивает важность неинституциональной коммуникации, основанной на ad hoc интеракции и неформальном общении.

Итак, на европейском уровне вопрос легитимности является не только траекторией институционального процесса, но и дискурсивно-коммуникационного, который носит гражданский характер и которому соответствует информационно-коммуникационная среда современности. Она основывается на идейном фундаменте и развивается в рамках многоуровневого обсуждения. Данное обстоятельство снижает градус политической напряженности, что является важным моментом для преодоления демократического дефицита, восстановления инклюзивного диалога на общеевропейском уровне и построения Европейской идентичности. Последний вопрос рассматривается в статье ниже.

Возможности развития Европейской идентичности: Несмотря на то обстоятельство, что сегодня ЕС характеризуется расширенными полномочиями и транснациональными сетями управления, ему пока еще не удалось реализовать задачу по интегрированию разных народов, объединению в единое европейское общественное пространство и созданию общеевропейской политической идентичности. Очевидно, что в этом не только вина институтов ЕС, которые на протяжении последних лет проводили свою политику не только на наднациональном уровне и в герметически закрытых элитарных кругах, но и в государственных органах стран-участниц. В данном контексте последние сыграли двойную игру: поощряли наднациональные инициативы и на общеевропейском уровне выступали за осуществление унификационной

политики в разных сферах, и в то же время на локальном уровне продолжали развивать национальные настроения или же общеевропейские проекты гражданского объединения оставляли на самотек. Вопрос о провале Европейской идентичности усилился, в частности, в результате кризисных событий в еврозоне начиная с 2009-го г. Как отмечают многие современные авторы, в настоящее время кризис еврозоны вылился в кризис Европейской идентичности.

В концептуальном смысле к вопросу об идентичности существуют самые разные подходы. Европейская коллективная идентичность во многом отличается от традиционной национальной идентичности, основываясь на постнациональном (Ю. Хабермас) или постмодернистском подходе, который представляет идентичность как политический феномен, развивающийся посредством современных информационных и коммуникационных средств.

Заметим, что в общеевропейском контексте как таковых нет составных элементов (общий национальный язык, этнокультурные особенности, патриотическое и идеологическое единство и т.д.), характерных для национальных государств. Более того, как такового общеевропейского демоса, как было отмечено выше, не существует на данном этапе интеграции. Заметим, что общая трактовка концепции Европейской идентичности основывается на современных подходах в вопросе модернистского национализма или постнационализма. В статье «Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии» Тимофеев И.Н. отмечает, что современная коллективная идентичность означает политическое равноправие живущих в одной социальной среде людей, что не предполагает ассимиляционной политики и доминирующей роли титульной группы¹⁸. В случае с Европейским

¹⁸ Тимофеев И.Н. Проблемы становой идентичности в зарубежной политологии // Международные процессы. Январь–апрель 2007. Т. 5. N 1 (13). С. 87–88.

Союзом мы имеем дело с различными народами, которые изначально фрагментированы на макро и микроидентичности, черпающие особенности своей идентичности из различных коммуникационных источников. По сути, Европейская идентичность характеризуется также тенденциями постсекулярного общества.

Однако заметим, что отмеченное равноправие в современной концепции идентичности, как показывает опыт, имеет слабые корни в современных Европейских странах, и постсекулярное общество ЕС сегодня сталкивается с проблемами как национальной, так и религиозной нетерпимости.

Как отмечает Ю.М. Почта, в современных условиях внутри Европы продолжает доминировать «Евроцентризм», который отражает фактическую, объективно «центристскую» ориентацию одной культуры в попытках объяснить другие культуры¹⁹. Обобщая различные подходы к институту национальной идентичности в европейской научной традиции, Л. Крам, С. Патрикиос и Дж. Митчел в совместной работе отмечают практику двух видов идентичностей: 1) аффективную, которая включает в себя этнический символизм, общую историю, ценностную систему, язык, религию и т.д.; и 2) функциональную или инструментальную идентичность, на основе подлинной, объективной, практической необходимости быть частью чего-то общего²⁰. Авторы приходят к тому выводу, что европейцы продолжают быть занятыми банальным «Европеизмом», а сама Европейская идентичность характеризуется банальным, условным и контекстуальным

¹⁹ Pochta Y. The image of Islamic Culture in European consciousness // Values in Islamic Culture and the Experience of History. Russian Philosophical studies, I.ed. by Krabaev N., Pochta Y. The Council for Research in Values and Philosophy, 2002. P. 35.

²⁰ Cram L., Patrikios S., Mitchell J. Interacting Identities: A comparative experimental study of the impact of existing and emerging identities in the EU on attitudes to integration. University of Strathclyde. Glasgow. Presentation Paper, ECPR, Reykjavik, August 2011. P. 6–13.

процессами. Между тем М. Леонард рассматривает Европейскую идентичность в измерениях технократизма и популизма. Технократизм и в особенности популизм (основанный на пышной риторике), по автору, являются продуктами Интернет-эры²¹.

Очевидно, что в такой ситуации трудно говорить о существовании мотивирующей, интегрирующей и мобилизующей коллективной идентичности в Европе. Если речь идет о банальной идентичности, то с этой задачей ЕС уже справился. Как таковые материалистические символы ЕС (флаг, паспорт, водительские права и т.д.) существуют и активно распространяются на разных уровнях, они также являются частью повседневной жизни европейцев. Но, исходя из концептуальных обоснований отмеченных выше авторов, мы констатируем, что идентичность больше, чем символическая категория. Она олицетворяет медиум «взаимопонимания» в интегрировании современного общества, отмеченный Ю. Хабермасом²². Этот медиум – гражданское общество в широком смысле слова, которое создается посредством коммуникационного действия. В данном контексте необходимо отметить также, что создание Европейской идентичности входит в комплексное понятие Европейской публичной сферы.

Рассматривая Европейскую идентичность во взаимосвязи с публичной сферой, многие авторы современности разработали методологические ориентиры, которые должны были способствовать развитию общеевропейской идентичности и панъевропейской публичной сферы. Говоря о создании панъевропейской публичной сферы, которая основывается на общеевропейской медийной архитектуре, Ю. Герхард отмечал важность «Европеизации» национальных публич-

²¹ См.: указ. статья. Леонард М. Как реорганизовать Европу // *Pro et Contra*, 2012. С. 29.

²² См.: Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. П.Б. Скуратова 2011. С. 309.

ных пространств. Под «Европеизацией» понимается как качественное, так и количественное преобладание европейских тем в национальных массмедиа²³.

В свою очередь, К. Эдер и К. Кантнер предложили так называемый «однотипный критерий релевантности» («Same criteria of relevance»), отмечая важность одновременного обсуждения европейских тем в странах-участницах в определенных формах и использованием общепринятых терминов²⁴. В своих исследованиях такую же позицию поддерживал другой знаменитый автор Т. Райс²⁵. Однако отметим, что на протяжении последних лет в силу быстро меняющейся коммуникационной среды эти разработанные модели не сумели выполнить поставленные задачи. Более того, данные модели были разработаны с учетом создания так называемого общеевропейского рынка линейных аудиовизуальных и цифровых услуг, что должно было послужить инфраструктурным фундаментом будущей панъевропейской публичной сферы. Как показывает практика, из-за существующих трудностей в этой сфере рынок аудиовизуальных услуг не сформирован в достаточной степени, а цифровой рынок, который охватывает новые виды коммуникации, излишне фрагменти-

²³ См., напр.: Gerhards, Jürgen (2000) *Europäisierung von Ökonomie und Politik und die Trägheit der Entstehung einer europäischen Öffentlichkeit*, in: Bach, Maurizio (ed.) *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 40*, Opladen: Westdeutscher Verlag. P. 277–305; Gerhards, Jürgen (2012). *From Babel to Brussels. European Integration and the Importance of Transnational Linguistic Capital*. Berlin Studies on the Sociology of Europe (BSSE). No. 28. Berlin: Freie Universität Berlin. P. 78–97.

²⁴ См., напр.: Eder, K., Kantner, C. *Transnationale Resonanzstrukturen in Europa. Eine Kritik der Rede vom Öffentlichkeitsdefizit*, in: M. Bach (ed.): 2000. *Transnationale Integrationsprozesse in Europa*, Opladen: Westdeutscher Verlag. P. 306–331.

²⁵ См., напр.: Risse, Thomas. *An Emerging European Public Sphere? Theoretical Clarifications and Empirical Indicators*. The Paper presented at the Annual Meeting of the European Union Studies Association. Nashville TN, March 27–30, 2003. – 10 pages.

рован. Здесь также уместно вспомнить о проблеме доминирования всемирных (неевропейских) медиаконгломератов в европейской информационно-коммуникационной среде.

Между тем заметим также, что в европейской коммуникационной среде, в частности, в линейных медиа стран-участниц Европейская идентичность представлена туманными понятиями, что связано, с одной стороны, с различными позициями самих национальных государств в данном вопросе, а с другой стороны – коммуникационными издержками институтов ЕС. Исходя из часто артикулируемых вопросов в медиасреде и акцентов на ту или иную составляющую деятельности ЕС, можно представить следующие подходы к формированию Европейской идентичности, которые распространяются в национальных медиа и концептуализированы в исследованиях о Европейской идентичности.

Первый подход базируется на так называемой «тонкой/тощей идентичности» («thinnest identity»), под которой Европейская идентичность понимается как совместная торговля в условиях рыночной экономики, а также совместные усилия для обеспечения безопасности общеевропейских границ. Данный подход весьма активно поддерживают Великобритания и скандинавские страны. Широкий круг вопросов касательно деятельности ЕС в вышеуказанных секторах активно обсуждается в локальных медиа. Однако заметим, что именно медиасектор в данных странах начиная с 2005 г. обвинялся в деятельности, не способствующей укреплению Европейской идентичности. В частности, говоря о британском BBC, отмечалось, что освещение европейских вопросов носит поверхностный характер, персонифицировано и не дает возможности гражданам концептуально представить политическую линию ЕС²⁶.

²⁶ См.: BBC News Coverage of the European Union. Independent Panel Report, January 2005. URL: http://www.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/our_work/govs/independentpanelreport.pdf

Второй подход, который ближе к позициям Франции и Германии в данной проблематике, говорит о развитии общей ценностной системы, так называемой социально-культурной общности на основе принципов солидарности и взаимопонимания в рамках четко очерченных границ (идея «густой идентичности» «thick identity»). Этим обуславливается, например, и каждодневное освещение европейских вопросов в медиасекторах указанных стран. Например, французские газеты «Le Monde» и «Le Figaro» имеют самый большой штат журналистов в Брюсселе и представляют широкой франкоязычной аудитории детальную информацию о деятельности институтов ЕС и политического курса²⁷.

Третий подход основывается на постнациональном видении сожительства, который основан на гражданских правах, воодушевленный идеей Ю. Хабермаса о «конституционном патриотизме», «кантовском государстве народов». Данный подход меньше проявляется в медиасекторе. В большей степени его артикуляцию можно встретить в разных интервью представителей научных сообществ или же в научных публикациях, которые не носят массовый характер.

И, наконец, четвертый подход, который проявляется в тех усилиях, посредством которых ЕС позиционирует себя в качестве глобального игрока, стремящегося разрешать проблемы глобального характера (от экономического кризиса и глобальных экологических проблем до миротворческой инициативности). Этот подход непосредственно связан с так называемой внешней идентичностью, «самоконцепцией» ЕС и представлен во многих медиапространствах ЕС в рамках международных новостей. В данном контексте Т. Бьерзел и Т. Райс отмечают, что ЕС строит свой внешний образ исходя из

²⁷ См.: Menendez-Alarcon, A.V. Media Representation of European Union: Comparing Newspaper Coverage in France, Spain and United Kingdom // International Journal of Communication 4 (2010). P. 404.

концепции «гражданской силы»²⁸, что отражается в освещении в направлении поддержания демократии и отстаивания прав человека на международном уровне.

Но заметим, что вышеуказанные подходы оказались бессильными создать сильные мотивирующие импульсы и способствовали более глубокой фрагментации среди граждан ЕС. Между тем кризис еврозоны, который посредством массмедиа начал трансформироваться в кризис идентичности, показал недостаточный уровень солидарности среди разных народов стран-участниц. Напряжение среди народов ЕС достигло своего апогея в период обсуждения предлагаемых мер по выходу из финансового кризиса в Греции, Италии, Испании, Португалии и на Кипре. Массмедиа этих стран в большей степени стали нагнетать ситуацию. Медиаигроки этих стран политический истеблишмент Германии, и в частности канцлера А. Меркель, назвали Гитлером нового времени²⁹. Во всех пострадавших от кризиса странах ужесточилась критика европейских лидеров, которая сопровождалась эмоциональными и оскорбительными высказываниями. В свою очередь, Германия, Франция начали политику информационной блокады Греции, Италии, Испании и Португалии.

Необходимо также признать, что институты ЕС лишь в малой степени отреагировали на сложившуюся ситуацию в коммуникационной среде. Более того, согласно проведенному исследованию в социальной сети Facebook касательно коммуникационной политики Еврокомиссии (ЕК) и Евро-

²⁸ См.: Borzel T., Risse, T. Venus Approaching Mars? The European Union as Emerging Civilian World Power. Working Paper, April 2009, No.11: Freie Universität Berlin. P. 6–8.

²⁹ См.: Haase N. Berlin can't fix 'austerity dictator' image alone. Deutsche Welle. March 26 2013. URL: <http://www.dw.de/berlin-cant-fix-austerity-dictator-image-alone/a-16698717>

парламента (ЕП)³⁰ только малое количество сообщений в разгар еврокризиса касалось данной проблематики. В общем числе отправленных сообщений ЕП и ЕК в социальной сети Facebook, соответственно, только 9,8 и 4,5 % сообщений касались данной темы³¹.

Очевидно, что усилия институтов ЕС в направлении политики дискуссий, обсуждения и оспаривания ключевых европейских тем, которые находятся в недрах развития Европейской идентичности, несопоставимы с огромным арсеналом законодательных актов и политических задач, инициированных и координируемых ЕС. Об этом также свидетельствуют другие качественные показатели из отмеченного исследования, в рамках которого был проведен контент-анализ фейсбуковских сообщений ЕК и ЕП. В контент-анализе были определены так называемые идентифицирующие маркеры оппозиции «мы-они» для разъяснения, что подразумевают ЕК и ЕП, когда в своих сообщениях в Facebook используют слово «мы». По данным анализа, ЕК больше использует слово «мы» (в 15 % своих сообщениях), чем ЕП (6,3 %) в сообщениях в этой социальной сети. Далее, в анализе отмечается также, что 56,3 % «мы» встречается в приведенных в сообщениях цитатах Еврокомиссаров. Интересно, что по данным исследования, ЕК в 38% использовании слова «мы» подразумевает сам институт, а ЕП в 52 % в использовании данного слова подразумевает коммуникационный штат Европарламента³². Что касается сообщений о кризисной ситуации, то в постах ЕК слово «мы» в смысле

³⁰ Автором было исследовано 304 сообщений, отправленных ЕП и 200 сообщений, отправленных ЕК в соцсети Facebook, в период с июня месяца 2010 г. до июня 2012 г., в разгар кризиса еврозоны.

³¹ Hillje J. Saving Europe Online? European Identity and the European Union's Facebook communication during the eurozone crisis. Media @LSE / London School of Economics and Political Science: London, 2013. P. 20.

³² Ibid. P. 23–24.

«мы Европейцы» не используется, но «мы касательно Еврокомиссии» использовалось в 22 % сообщений.

Резюмируя основные положения представленные в данной части статьи, отметим, что развитие Европейской идентичности предполагает динамичную интеракцию среди транснациональных, национальных, региональных, культурных и политических идентичностей. Европейская идентичность, по сути, в нашем понимании не противостоит данным идентичностям, а является дополняющей и в той же мере обобщающей категорией. Между тем, в массмедийной среде мы наблюдаем процессы отчуждения национальных государств и граждан от этой идеи. Сами институты ЕС также имеют слабые позиции в коммуникационной среде, более того, в своих подходах к артикулированию европейских тем и вопросов они исходят из исключительно институциональных подходов и не пропагандируют общность европейских народов, входящих в союз 27 стран.

Заключение

В сегодняшних политических условиях пропасть между гражданами и европейскими институтами продолжает углубляться, угрожая стабильности социально-общественной жизни. Между тем важно признать, что массмедиа и, в частности, интернет-платформы социальной коммуникации обладают огромнейшим потенциалом для преодоления различных проявлений дефицита демократии, восстановления легитимности и создания Европейской идентичности. Данная позиция обоснована именно отдаленностью институтов ЕС от граждан, а также отсутствием взаимосвязывающих друг с другом конструкций на гражданском уровне. Здесь необходимо также отметить иерархичный и односторонний характер политической коммуникации в ЕС.

По нашему мнению, в вопросе преодоления дефицита демократии в ЕС необходимо принять в качестве концепту-

альной основы и практической задачи не традиционно признанные подходы, которые рассматривают медиа в качестве иерархичного механизма распространения информации, а признать посредническую роль медиасреды, рассматривая ее с позиции общего конструктора Европейской публичной сферы, которая призвана обеспечить свободную циркуляцию разных мнений отдельных групп, гражданских акторов и европейских институтов с целью демократического функционирования ЕС.

Л и т е р а т у р а

1. Бодрунова С.С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010.
2. Крастев И. Парадокс Европейкой демократии // Pro et Contra. Январь–апрель 2012. N 1–2 (54). С. 6–15.
3. Леонард М. Как реорганизовать Европу // Pro et Contra. Январь–апрель 2012. N 1–2 (54). С. 15–33.
4. Стрежнева М. В. Трансправительственные сети ЕС // Международные процессы. Январь–апрель 2008. Т. 6 1(16). С. 122–134.
5. Тимофеев И.Н. Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии // Международные процессы. Январь–апрель 2007. Т. 5. N 1(13). С. 87–88.
6. Хабермас Ю. Между религией и натурализмом. Философские статьи / пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: «Весь Мир», 2011.
7. Barenreuter Ch. Researching the European Public Sphere and Its Political Functions // IWM Junior Visiting Fellows' Conferences, Vol. XVIII. 6.2005. URL: http://www.iwm.at/index.php?option=com_content&task=view&id=256&Itemid=283#_ftn1
8. BBC News Coverage of the European Union. Independent Panel Report, January 2005. URL: http://www.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/our_work/govs/independentpanelreport.pdf
9. Borzel T., Risse T. Venus Approaching Mars? The European Union as Emerging Civilian World Power. Working Paper, April 2009, No.11: Freie Universität Berlin.

10. Cram L., Patrikios S., Mitchell J. Interacting Identities: A Comparative experimental study of the impact of existing and emerging identities in the EU on attitudes to integration. University of Strathclyde. Glasgow. Presentation Paper. ECPR, Reykjavik, August 2011.
11. Dahl R. Can International organizations be democratic?: A skeptic's view / Democracy's edges. Ed. by Shapiro, I. & Hacker-Cordon, C.: The Press Syndicate of University of Cambridge, UK, 2001. P. 19–36.
12. Eder, Klaus / Kantner, Cathleen. Transnationale Resonanzstrukturen in Europa. Eine Kritik der Rede vom Öffentlichkeitsdefizit, in: M. Bach (ed.): 2000. Transnationale Integrationsprozesse in Europa, Opladen: Westdeutscher Verlag. P. 306–331.
13. Ewinger, D. Towards the emergence of Europeanized Public Sphere (EPS) within the structures of policy making processes at EU levels – considerations from political science perspective. Presentation Paper at the ISA Annual Convention 2009, New York. February 15–18 2009.
14. Foundation of European Progressive Studies // Renaissance for Europe – A Democratic Union of Peace, Prosperity and Progress –Expert's Reflection". Belgium, 8–9 February 2013. URL: http://www.renaissance-europe.eu/uploads/media-turin/renaissance-for-europe_experts-reflections.pdf.
15. Gerhards, Jürgen (2000) Europäisierung von Ökonomie und Politik und die Trägheit der Entstehung einer europäischen Öffentlichkeit, in: Bach, Maurizio (ed.) Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 40, Opladen: Westdeutscher Verlag. P. 277–305.
16. Gerhards, Jürgen (2012). From Babel to Brussels. European Integration and the Importance of Transnational Linguistic Capital. Berlin Studies on the Sociology of Europe (BSSE). No. 28. Berlin: Freie Universität Berlin. P. 78–97.
17. Haase N. Berlin can't fix 'austerity dictator' image alone. Deutsche Welle. March 26. 2013. RL: <http://www.dw.de/berlin-cant-fix-austerity-dictator-image-alone/a-16698717>
18. Hillje J. Saving Europe Online? European Identity and the European Union's Facebook communication during the eurozone crisis. Media @LSE / London School of Economics and Political Science. London. 2013.

19. Maier J., Ritterberger, B. Shifting Europe's boundaries: Mass media, Public opinion, and the Enlargement of EU // *European Union Politics*, June 2008. Vol. 9. No. 2. P. 243–267.
20. Menendez-Alarcon A.V. Media Representation of European Union: Comparing Newspaper Coverage in France, Spain and United Kingdom // *International Journal of Communication*. 2010. Vol. 4. P. 398–415.
21. Pausch M. The European Union: From Schumpeterian Democracy to a European Public Sphere? // *Alternatives Turkish Journal of International Relations*. Vol. 10. N 1. Spring 2011. P. 1–19.
22. Pochta Y. The image of Islamic Culture in European consciousness // *Values in Islamic Culture and the Experience of History*. Russian Philosophical studies, I. ed. by Krabaev N., Pochta Y. The Council for Research in Values and Philosophy, 2002. P. 11–41.
23. Risse T. An Emerging European Public Sphere? Theoretical Clarifications and Empirical Indicators. The Paper presented at the Annual Meeting of the European Union Studies Association. Nashville TN, March 27–30, 2003.
24. Schmidt, V. Democracy and Legitimacy in the European Union Revisited: Input, Output and Throughout. KFG Working Paper Series. No.21. November 2010. 31 p. Kolleg-Forschergruppe (KFG) «The Transformative Power of Europe» Freie Universität Berlin. URL: http://userpage.fu-berlin.de/kfgeu/kfgwp/wpseries/WorkingPaperKFG_21.pdf
25. Trenz Hans-Jörg. Understanding Media Impact on European Integration: Enhancing or Restricting the Scopes of Legitimacy of the EU? // *European Integration*. Vol. 30. No. 2. May 2008. P. 291–306.

Е.А. Копалкина

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАУДСОРСИНГ
КАК ИНСТРУМЕНТ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Последние десятилетия развития мирового сообщества характеризуются все более нарастающим процессом перехода к информационной организации системы общественных отношений. Происходящие изменения в корне меняют представления об информационной составляющей жизни общества и требуют глубокого осмысления.

Несколько лет в академическом сообществе не стихают дискуссии вокруг политической значимости Интернета. Рассматривая реальность «новых медиа» и «блогов» в контексте усиливающихся процессов интернетизации политики, мы исследуем Интернет как тип политического действия, способного направлять энергию нового субъекта публичной политики – «умной толпой» (smart crowd) – формы самоструктурирующейся социальной организации посредством использования высоких информационных технологий.

Использование современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в оптимизации политического процесса связано с развитием и повышением уровня участия населения в принятии политических решений, что способствует развитию электронной демократии. Электронная демократия – это новая форма организации коллективных действий, реализуемых посредством современных интернет- и медиа технологий, дающая возможность напрямую влиять на принятие политических решений. Ее целью является развитие и укрепление демократических институтов, а также привлечение широких масс к участию в общественно-политической деятельности.

Ключевым инструментом электронной демократии является политический краудсорсинг. Краудсорсинг, термин,

который сочетает в себе понятия «толпа» и «аутсорсинг», означает привлечение большой группы людей для того, чтобы придумать какую-либо идею или решить проблему. Некоторые компании используют этот процесс, чтобы опираться на знания и мнения широкого круга пользователей Интернета, а также чтобы создать лучшие продукты и маркетинговые планы или решения других проблем.

Впервые этот термин был использован Джеффом Хау¹ в 2006 г. для «обозначения сетевых технологий, позволяющих привлекать пользователей Сети («народных экспертов») к решению каких-либо задач»². В отличие от аутсорсинга, который по своей сути не далеко ушел от обычного найма, краудсорсинг ставит целью привлечение людей, как правило, финансово не заинтересованных, для участия в совместном творческом процессе на принципах открытого входа.

Информационные технологии являются основным инструментом политического краудсорсинга, а пользователи Сети – это люди, которые могут регулярно использовать интернет-технологии для политической коммуникации. Современные тенденции позволяют говорить о непрерывном росте возможных участников процесса интернет-коммуникации независимо от причастности к этому государственных органов³. Сейчас основная часть интернет-аудитории – это экономически активная прослойка граждан, которой небезразлично текущее положение дел. Другая часть пользователей Сети также заинтересована в изменении существующего положения и готова к обсуждению насущных проблем. Из этого можно сделать вывод, что все члены интернет-сообщества готовы быть участниками политической коммуникации и по-

¹ Howe J. The Rise of Crowdsourcing. 2006. URL: <http://www.wired.com/wired/archive/14.06/crowds.html>

² Славин Б. От краудсорсинга к ноосорсингу. Открытые системы. СУБД, 2012. № 1. С. 60–62.

³ Eskenazi M., Levow G.-A., Meng H., Parent G., Suendermann D. Crowdsourcing for Speech Processing. Hardcover, 2013. 356 p.

литического краудсорсинга в частности и обсуждать остро-политические, социальные и экономические вопросы с представителями власти. Политический потенциал интернет-аудитории сейчас как никогда велик, что объясняется ее размером, образованностью, самостоятельностью и высокой активностью⁴.

Законотворчество путем краудсорсинга и электронного голосования имеет технические и политические препятствия, которые необходимо преодолеть, прежде чем это обретет повсеместную практику. Но нельзя отрицать, что социальные медиа открыли и существенно изменили простым людям доступ к представителям власти, а значит, технологии могут однажды сделать прямую демократию реальностью.

Первым европейским государством, совершившим прорыв в этом направлении, стала Исландия. Этому событию предшествовали многочисленные уличные протесты, вызванные банкротством крупнейших исландских банков, в результате которых новое левое правительство создало постоянный Национальный форум для обсуждения актуальных для страны проблем, который впоследствии инициировал переписывание существующей конституции. В новый орган – Общественное собрание – было выбрано двадцать пять граждан, временно наделенных депутатской зарплатой, в чьи обязанности входило организовать всенародное обсуждение, отбор и сведение воедино народных пожеланий к новой конституции. Основное обсуждение проходило на просторах Интернета в социальных сетях Фэйсбук и Твиттер. И летом 2011 г. проект новой конституции поступил на рассмотрение в местный парламент. В намеченные сроки был проведен референдум, на который вынесли шесть вопросов. Среди них: о поддержке новой конституции в целом, об объявлении не находящихся в частном владении недр национальной собст-

⁴ Brabham D. C. Crowdsourcing. A model for leveraging online communities. The Participatory Cultures Handbook. Routledge, 2012.

венностью, о сохранении государственной церкви и об упрощении порядка запуска процедуры референдумов⁵. По всем обозначенным вопросам граждане проголосовали «за». Так, Исландия стала первой страной, написавшей свой главный закон в Интернете, задав тем новый мировой стандарт прозрачности государственной политики и участия в ней граждан и показав всему миру, что можно и в сфере национальных интересов применять краудсорсинг⁶.

Спустя год эстафету переняла еще одна страна Северной Европы – Финляндия, разработав краудсорсинговый проект закона о защите авторских прав. С первого марта 2012 г. в Финляндии вступил в силу Акт о гражданской законодательной инициативе, согласно которому предложение общественности, набравшее не менее 50 000 подписей граждан с правом избирательного голоса, обязательно к рассмотрению депутатами парламента. Тем самым финские граждане получили широкие возможности для выдвижения своих инициатив.

Для осуществления этого была открыта специальная платформа – Открытое министерство, куда и должны подаваться законодательные инициативы для дальнейшего обсуждения и сбора подписей. При этом наиболее интересные идеи, отобранные волонтерами, направляются юристам для переработки в соответствующий для законодательной инициативы вид. Эта площадка должна быть абсолютно независима от политиков и государственных структур и призвана дополнить представительную демократию элементами прямой демократии. Благодаря широкой поддержке органов власти, и в частности Национального агентства по безопасности коммуникаций, граждане, желающие участвовать в работе

⁵ Бурмистров П. Краудсорсинг против «кухонной революции». URL: <http://rusrep.ru/article/2012/10/23/island/>

⁶ Дрожжинов В. Первая в мире конституция страны, подготовленная с помощью краудсорсинга. URL: <http://www.gosbook.ru/node/63504>

Открытого министерства, могут подписывать инициативы онлайн, используя авторизационные банковские коды или свои мобильные телефоны⁷. Таким образом, Финляндия стала отличным примером страны, в которой краудсорсинговая инициатива приближена к законотворчеству.

Еще одна инициатива использования краудсорсинга имела место в Канаде, но не в политике, а в журналистике. Местная ежедневная газета *Calgary Herald*, заинтересованная в различных источниках информации, создала проект под названием “Be a Source”⁸. Каждый человек из любой профессиональной сферы может зарегистрироваться на сайте и быть для этого издания потенциальным источником новостей и мнений. Таким образом, краудсорсинг превратился в популярный способ привлечь граждан в новостной процесс, а также помочь журналистам лучше выполнять свою работу. Например, репортер *Нью-Йорк Таймс* применил краудсорсинг, попросив читателей помочь распознать кассетные бомбы, найденные в одном из ливийских районов. А газета “*Вашингтон пост*” запустила механизм краудсорсинга для того, чтобы читатели могли комментировать или опровергать заявления, сделанные политиками. Несмотря на то, что это работа краудсорсинга в сфере журналистики, она тоже помогает отслеживать общественное мнение по различным вопросам, в том числе политическим.

Все вышеописанные примеры практики политического краудсорсинга представляют собой полезный опыт использования современных технологий в политической сфере.

Россия пока не является страной, которая повсеместно практикует технику краудсорсинга в политике, но обладает

⁷ Meyer D. Finland is about to start using crowdsourcing to create new laws. 2012. URL: <http://gigaom.com/2012/09/20/online-crowdsourcing-can-now-help-build-new-laws-in-finland/>

⁸ Be a source for the Herald. URL: <http://www.calgaryherald.com/news/be-a-source/index.html>

потенциалом и всеми необходимыми для этого инструментами. Сравнительно недавно у нас также была создана интернет-платформа для выдвижения гражданских инициатив.

Выступая на пленарном заседании 16-го Петербургского международного экономического форума в 2012 г., Президент России Владимир Путин дал обещание, что теперь все граждане нашей страны смогут участвовать в законотворческом процессе. «Так, любая общественная инициатива, которая соберет не менее 100 тысяч авторизованных подписей в Интернете, будет обязательно вноситься на рассмотрение федерального парламента», – сказал он⁹. Специально для этого был создан сайт Российской общественной инициативы (РОИ), на котором можно размещать подготовленные законопроекты, а граждане, пройдя процедуру авторизации, могут оставлять за них свои голоса¹⁰. Если инициатива федерального уровня, то ей необходимо набрать не менее ста тысяч голосов для того, чтобы она была рассмотрена экспертной группой соответствующего уровня. Идея законопроекта, разработанного сотрудниками «РосПила»¹¹, состоит в том, чтобы запретить чиновникам, а также сотрудникам госкорпораций закупать за счет бюджетных средств легкие автомобили дороже 1,5 миллиона рублей в целях экономии и повышения эффективности расходования бюджетных

⁹ Доклад на Петербургском международном экономическом форуме // URL: президент.рф/

¹⁰ РОИ – интернет-ресурс для размещения общественных инициатив граждан Российской Федерации. Интернет-ресурс создан во исполнение указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. N 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива».

¹¹ Проект «РосПил» – это общественный проект, направленный на контроль за расходованием бюджетных средств в сфере государственных и муниципальных закупок. Был создан в 2010 г. адвокатом Алексеем Навальным. Финансируется полностью за счет добровольных пожертвований граждан.

средств. В настоящее время на сайте РОИ размещено 1427 проектов, и эта инициатива стала первой, преодолевшей необходимый порог голосов.

Еще одна законодательная инициатива, имеющая место в современной российской практике, – предложенная «Общероссийским народным фронтом» (ОНФ) идея двухлетних налоговых каникул для мелких предпринимателей¹². В начале 2013 г. в России было введено двукратное повышение страховых взносов для всех индивидуальных предпринимателей, что привело к резкому уходу в тень начинающих бизнесменов. На данный момент их численность достигла полумиллиона человек, и с каждым днем продолжает расти, что приводит к сокращению рабочих мест и отчислений в бюджеты всех уровней. По прогнозам экспертов, если не будут приняты никакие меры, количество индивидуальных предпринимателей может значительно уменьшиться в ближайшие сроки. В связи с этим руководство ОНФ решило поддержать малый бизнес и организовать сбор ста тысяч подписей на своем официальном сайте.

Обе инициативы получили широкую поддержку населения и являются доказательством эффективности политического краудсорсинга. Проблема представительной демократии всегда была в том, что голоса людей не приводят непосредственно к политическим изменениям, а эпоха электронной демократии создает все предпосылки к существенным изменениям такого положения дел¹³.

Сравнительно недавно правительство Москвы прибегло к технологиям краудсорсинга, создав проект «Наш го-

¹² Обращение к гражданам России в поддержку «налоговых каникул» для малого бизнеса. URL: <http://onf.ru/obrashhenie-k-grazhdanam/>

¹³ Дзагиев М. Использование краудсорсинга в информационных технологиях при принятии политических решений. М.: Власть, 2013. № 2. С. 47–49.

род»¹⁴. За два месяца на портале зарегистрировалось почти десять тысяч человек, которые предложили множество идей для улучшения качества жизни в городе. Более 50 % участников проекта выказали желание и готовность участвовать в волонтерском движении по реализации уже предложенных инициатив. По итогам работы портала мэр Москвы Сергей Собянин распорядился создать постоянно действующую площадку для обсуждения городских проблем на основе краудсорсинга¹⁵.

Сейчас политический краудсорсинг – это мобилизация ресурсов людей посредством информационных технологий с целью решения задач, стоящих перед государством и обществом в целом¹⁶. По мнению основателя краудсорсинга, Джеффа Хау, лишь 1 % всей онлайнаудитории создает и предлагает что-то действительно полезное, 10 % – это те, кто голосует и оценивает существующие инициативы, а остальные 89 % – просто потребляют. Главная ставка всегда делается на 10 %, потому что, опираясь на их мнение, и предпринимаются последующие шаги.

Несмотря на свои преимущества, краудсорсинг неизбежно будет сталкиваться с различными проблемами. Сложность участия в написании законопроекта заключается в том, что каждый, кто желает внести свой вклад, должен иметь глубокое знание действующего законодательства и конкретных тем. Из-за природы Интернета многие из мнений являются анонимными и могут доходить до крайностей. Поэтому задача государства и контролирующих этот процесс орга-

¹⁴ Портал «наш город» – это инструмент конструктивного диалога жителей и органов исполнительной власти Москвы. URL: <http://gorod.mos.ru/>

¹⁵ Правительство Москвы подвело итоги Краудсорсингового проекта «Наш город». URL: http://crowdsourcing.ru/article/pravitelstvo_moskvy_podvelo_itogi_kraudsorsingovogo_proekta_nash_gorod_

¹⁶ Что такое краудсорсинг? Обращение к гражданам России в поддержку «налоговых каникул» для малого бизнеса. URL: http://crowdsourcing.ru/article/what_is_the_crowdsourcing

нов – найти способ, чтобы смягчить эти высказывания, а также гарантировать, что этот процесс не будет анонимным. Главное тут – сохранить прозрачность работы. Нельзя забывать, что краудсорсинг является инновационной идеей, которая позволит значительно повысить законодательный процесс, и Россия может сделать важный шаг на пути к политическим реформам¹⁷.

Онлайн сообщества – это главный фундамент краудсорсинга. За последние пять лет численность людей, участвующих в развитие краудсорсинговых проектов, превысила 10 миллионов человек¹⁸. Как говорилось выше, участники этих сообществ обладают разной степенью мотивации и вовлеченности в процесс, но все специализированные платформы – это «глобальная “игровая”, где каждый может привлечь внимание к своему проекту, отточить навыки, раскрыть творческий потенциал и получить прибыль»¹⁹. Таким образом, происходит рождение нового креативного класса.

В связи с тем, что краудсорсинг как новейший инструмент социальных медиа стал источником новейших идей во многих сообществах, теперь даже правительства могут привлекать к своей работе свой электорат и предпринимателей. По мнению исследователя Университета Южной Калифорнии Дарена Брэхэма, “в правительственной сфере Краудсорсинг используют, чтобы разбить проблему на несколько решаемых задач и вовлечь людей в обработку результатов

¹⁷ Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство в России: состояние и перспективы. М.: ПОЛИС, 2013. № 1. С. 86–99.

¹⁸ EyeKa's Francois Petavy: Five Predictions for Crowdsourcing in 2014. URL: <http://www.crowdsourcing.org/editorial/eyekas-francois-petavy-five-predictions-for-crowdsourcing-in-2014/30116>

¹⁹ Пять трендов развития Краудсорсинга в 2014 году. URL: http://crowdsourcing.ru/article/pyat_prognozov_razvitiya_kraudsorsinga_v_2014_godu

на добровольной основе»²⁰. Так, в своей работе Брэбхэм говорит, что главное преимущество краудсорсинга над другими схожими формами работы онлайн в том, что он сочетает привычный иерархический процесс, направленный сверху вниз, и открытое участие онлайн-сообщества, направленное снизу вверх²¹. В правительствах, министерствах и других ведомствах краудсорсинг, как правило, используется в качестве инструмента взаимодействия с общественностью. Общественные организации используют его для разработки новых идей и проектов, а некоммерческие организации – для влияния на правительство²².

По мнению Брэбхэма, краудсорсинг дает массу преимуществ и требует к себе стратегического подхода. Существует три вида проблем, с которыми краудсорсинг наиболее хорошо справляется.

- Сбор информации. Онлайн-активисты отлично справляются, когда нужно найти определенную информацию и разместить ее на каком-либо ресурсе. Самый удачный пример такого общественного проекта – сайт Википедия²³.

- Решение интеллектуальных задач. Существует масса вопросов, которые не под силу искусственному интеллекту и компьютерному анализу. Например, поиск и отцифровка исторических документов, или уже упомянутая выше конституция Исландии.

²⁰ Революция государственного Краудсорсинга. URL: http://crowdsourcing.ru/article/revolyuciya_gosudarstvennogo_kraudsorsinga

²¹ Brabham D.C. Using Crowdsourcing in Government, 2014. URL: <http://www.businessofgovernment.org/sites/default/files/Using%20Crowdsourcing%20In%20Government.pdf>

²² Kamensky J.M. Beyond the Suggestion Box: Government's Crowdsourcing Revolution, 2013. URL: <http://www.governing.com/blogs/bfc/col-crowdsourcing-four-approaches-ibm-center-business-government-report.html>

²³ Общедоступная мультязычная универсальная интернет-энциклопедия, реализованная на принципах Вики. URL: <http://www.wikipedia.org/>.

- Коллективный разум. Стандартной практикой становится объявление на официальном сайте правительственной организации конкурса на лучшее решение какой-либо проблемы. В рамках этого обозначаются условия и назначается награда за лучшие идеи. В Америке специализированный на этом ресурс Challenge.gov поддерживается федеральным правительством²⁴.

Говоря об этих методах, Брэбхэм подчеркивает, что краудсорсинг уже давно не просто набор инструментов и технологий, а стратегический процесс.

С интересным проектом выступила Организация Объединенных Наций: используя технологические разработки на основе политического краудсорсинга, был создан портал «Beyond 2015», нацеленный на написание первой в мире официальной декларации²⁵. Эта уникальная инициатива призвана привлечь в первую очередь внимание молодых людей к общественно-социальным проблемам. Разработкой платформы занимался Международный Телекоммуникационный Союз (ITU)²⁶, благодаря которому молодые люди более чем из 80 стран мира смогли принять участие в обсуждении самых важных проблем. За три месяца данный проект ООН собрал аудиторию в более чем 16 миллионов человек, которые предложили более 1 тысячи новых идей и оставили на порта-

²⁴ Challenge.gov – это официальная правительственная платформа, управляемая Администрацией общих служб США (U.S. General Services Administration – GSA) в партнерстве с компанией ChallengePost. Платформа позволяет Правительству США привлекать талантливых и креативных людей с целью решения важнейших задач государства. URL: Challenge.gov

²⁵ «Beyond 2015» – глобальная компания по развитию гражданского общества. URL: <http://www.beyond2015.org/>

²⁶ Международный Телекоммуникационный Союз (ITU), специализированное агентство ООН, отвечающее за информационные и коммуникационные технологии. URL: <http://www.itu.int/ru/Pages/default.aspx>

ле 27 тысяч отзывов и комментариев²⁷. Как видно из всех примеров, такой метод обсуждения важных вопросов повышает уровень прозрачности политики и процессов принятия решений. Пользователи видят весь путь инициативы, ее источники, что повышает уровень доверия и вовлеченности, что в свою очередь выгодно для политиков.

В качестве еще одного из достижений электронной демократии и новых медиа приведем в пример сайт для подачи онлайн-петиций Change.org. Авторы и создатели этого ресурса позиционируют себя как «глобальная платформа, предоставляющая людям во всем мире возможность начинать свои кампании и тем самым осуществлять в жизни те перемены, которые они считают необходимыми»²⁸.

Этот ресурс позволяет любому человеку, имеющему доступ в Интернет, создать свою петицию в формате онлайн и начать кампанию в ее поддержку. После набора необходимого количества голосов, порог которых устанавливается каждым создателем петиции индивидуально, петиция направляется адресату. Им может быть кто угодно – от местной администрации до президента страны и Совета безопасности ООН. Этот проект дает людям возможность влиять на решение как локальных, так и глобальных проблем. Благодаря этой платформе множество людей уже достигли своих целей. Так, благодаря петиции, подписанной тысячами человек, стало возможным повлиять на Министерство образования и науки РФ, которое согласилось сделать публичной процедуру оценки эффективности российских вузов. Также пользователям этого ресурса удалось повлиять на членов Международного олимпийского комитета и сохранить борьбу в про-

²⁷ Почему Краудсорсинг так выгодно применять в политике? URL: http://crowdsourcing.ru/article/pochemu_kraudsorsing_tak_vygodno_primenyat_v_politike/

²⁸ Официальная страница портала Change.org. URL: <http://www.change.org/ru/>

грамме летних Олимпийских игр. Еще одна петиция, которая имела высокий резонанс в обществе, собрав более 40 000 подписей, касалась, как ни странно, искусства: она не дала увезти из Эрмитажа коллекцию импрессионистов и нарушить тем самым его уникальность. Из этого следует, что сайт Change.org дает людям возможность повлиять на решение самых разных вопросов, пробуждая в них гражданское самосознание и уверенность в своих правах.

Но стоит отметить и минусы данного проекта. Они состоят в том, что, получив возможность выдвинуть на голосование любую идею, люди могут начать компанию по какой-либо незначительной проблеме, имеющей исключительно локальное значение, а иногда важной только для одного человека. Но механизм Change.org утроен таким образом, что автор петиции, имевшей успех и собравшей приличное количество подписей, обладает базой из контактов людей, которые ее поддержали, и может воспользоваться этим, разослав письмо с просьбой поддержать его новую инициативу. Как следствие, многие люди могут проголосовать за новый проект, не вдаваясь в детали, что в итоге открывает новые возможности для манипуляции общественным мнением.

Многие российские исследователи выступают против подобных механизмов проявления гражданской активности, утверждая, что такие петиции редко вырастают в обоснованные требования и не рассматриваются обществом как особо важные. Существует мнение, что «петиции и другие формы гражданской активности в сети по своей сути являются компонентами более широкой информационной кампании с использованием организационных ресурсов для влияния на инстанции, принимающие решения»²⁹. Этот факт зачастую не

²⁹ Восканян А.Г., Почта Ю.М. Значимость коммуникационных средств Интернета в современной политике // Вестник РУДН. Сер. Политология. М.: РУДН, 2013. № 3. С. 79–98.

учитывается онлайн-пользователями, вследствие чего такой вид активности постепенно вызывает недоверие и скепсис.

Западные аналитики также не в восторге от новых медиа и их влияния на политику и политические кампании. Среди рисков, которые могут нести New media, они отмечают уменьшение количества серьезных дискуссий, поощрение популистской риторики, бесплатное создание имиджа публичных политиков и снижение уровня ответственности за коллективные действия. Основной вопрос – смогут ли социальные медиа оказать положительный эффект в процессе мобилизации онлайн-активистов, чтобы те так же активно участвовали в общественной жизни оффлайн, то есть в реальной жизни, и тем самым сократить дефицит демократии³⁰.

Целый ряд экспертов по изучению демократии в ЕС настроены скептически. Некоторые из них указывают на то, что наиболее активные политические пользователи социальных медиа – это те, у кого уже есть политические мотивы. Другие полагают, что Интернет менее эффективен, чем традиционные СМИ, для увеличения охвата аудитории³¹.

Третьи характеризуют многих пользователей новых медиа термином «slacktivists»³², т.е. теми онлайн-активистами, кому не сложно написать комментарий или сделать ретвит политического сообщения, но которые не го-

³⁰ Kruikmeier S. Unravelling the effects of active and passive forms of political Internet use: does it affect citizens' political involvement? // *New media and society*, 11 July 2013.

³¹ Mascheroni G. Online participation: new forms of civic and political engagement or just new opportunities for networked individualism. // *Social Media and Democracy Innovations in Participatory Politics*, Routledge. 2012. P. 207–223.

³² Slacktivism (slacker-бездельник, activist-активист) – Вид политического или социального активизма, который осуществляется посредством Интернета, но требующий мало времени или участия. Например, подписание онлайн-петиций или присоединение к политической кампании в социальных сетях. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/slacktivism>

товы заниматься чем-либо более существенным. В общих чертах граждане ЕС пяти государств-членов, опрошенные в рамках исследования World Internet Project³³ в 2009 и 2012 г., были среди тех, кто наиболее скептически относится к положительному воздействию Интернета на политический процесс³⁴.

Необходимо некоторое время и еще несколько избирательных циклов, прежде сформируется более четкая картина. Влияние социальных медиа в избирательных кампаниях может отличаться в странах с разным числом жителей, а также различными политическими и избирательными системами. Тем не менее, даже мотивация небольшого процента населения может привести к (по крайней мере, при некоторых избирательных системах) значительной разнице в результатах партии или отдельного кандидата. Конечно, тенденция к росту участников избирательного процесса среди граждан благодаря медиа, неважно – традиционным или новым, будет принята многими как хороший знак³⁵.

Мы видим, что благодаря электронной демократии существенно расширились возможности по привлечению электората, сторонников и инвесторов к новым инициативам, законопроектам, политическим кампаниям. В то же время следует помнить, что современные интернет-технологии позволяют играть на повсеместной вовлеченности граждан в мир социальных сетей и всевозможных платформ, где возможно открыто выражать собственное мнение и влиять на

³³ The World Internet Project (WIP) – Крупнейший международный совместный проект, изучающий социальное, политическое и экономическое влияние сети Интернет и других всевозможных новейших технологий. URL: <http://www.worldinternetproject.net/#news>

³⁴ How is social media changing politics? URL: http://www.debatingeurope.eu/2013/01/22/how-is-social-media-changing-politics/#.U2aL0YF_u0M

³⁵ Brian D. Loader, Dan Mercea. Social media and democracy: innovations in participatory politics. London: Routledge, 2012.

его формирование. Так, влияние Интернета на мир политики может оцениваться по-разному, но участие населения в политической жизни страны на основе современных возможностей и технологий является неотъемлемой частью процесса по становлению электронной демократии и должно осуществляться для дальнейшего развития демократических институтов.

Л и т е р а т у р а

1. Brabham D.C. Crowdsourcing. A model for leveraging on-line communities. The Participatory Cultures Handbook. Routledge, 2012.
2. Brabham D.C. Using Crowdsourcing in Government, 2014. URL: <http://www.businessofgovernment.org/sites/default/files/Using%20Crowdsourcing%20In%20Government.pdf>
3. Brian D. Loader, Dan Mercea. Social media and democracy: innovations in participatory politics. London: Routledge, 2012.
4. Eskenazi M., Levow G.-A., Meng H., Parent G., Suendermann D. Crowdsourcing for Speech Processing. Hardcover, 2013.
5. Eyeka's Francois Petavy: Five Predictions for Crowdsourcing in 2014. URL: <http://www.crowdsourcing.org/editorial/eyekas-francois-petavy-five-predictions-for-crowdsourcing-in-2014/30116>
6. How is social media changing politics? URL: http://www.debatingeurope.eu/2013/01/22/how-is-social-media-changing-politics/#.U2aL0YF_u0M
7. Howe J. The Rise of Crowdsourcing. 2006. URL: <http://www.wired.com/wired/archive/14.06/crowds.html>
8. Kamensky J.M. Beyond the Suggestion Box: Government's Crowdsourcing Revolution, 2013. URL: <http://www.governing.com/blogs/bfc/col-crowdsourcing-four-approaches-ibm-center-business-government-report.html>
9. Kruikmeier S. Unravelling the effects of active and passive forms of political Internet use: does it affect citizens' political involvement? // New media and society, 11 July 2013.
10. Mascheroni G. Online participation: new forms of civic and political engagement or just new opportunities for networked individualism. // Social Media and Democracy Innovations in Participatory Politics, Routledge, 2012. P. 207–223.

11. Meyer D. Finland is about to start using crowdsourcing to create new laws. 2012. URL: <http://gigaom.com/2012/09/20/online-crowdsourcing-can-now-help-build-new-laws-in-finland/>
12. Бурмистров П. Краудсорсинг против “кухонной революции” // URL: <http://rusrep.ru/article/2012/10/23/island/>
13. Восканян А.Г., Почта Ю.М. Значимость коммуникационных средств Интернета в современной политике // Вестник РУДН. Сер. Политология. М.: РУДН, 2013. № 3.
14. Дзагиев М. Использование краудсорсинга в информационных технологиях при принятии политических решений. – М.: Власть, 2013. № 2. С. 47–49.
15. Доклад на Петербургском международном экономическом форуме // URL: президент.рф/
16. Дрожжинов В. Первая в мире конституция страны, подготовленная с помощью краудсорсинга. URL: <http://www.gosbook.ru/node/63504>
17. Обращение к гражданам России в поддержку «налоговых каникул» для малого бизнеса. URL: <http://onf.ru/obrashhenie-k-grazhdanam/>
18. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство в России: состояние и перспективы. М.: ПОЛИС, 2013. № 1. С. 86–99.
19. Почему Краудсорсинг так выгодно применять в политике? URL: http://crowdsourcing.ru/article/pochemu_kraudsorsing_tak_yugodno_primenyat_v_politike_/
20. Правительство Москвы подвело итоги Краудсорсингового проекта «Наш город». URL: http://crowdsourcing.ru/article/pravitelstvo_moskvy_podvelo_itogi_kraudsorsingovogo_proekta_nash_gorod_
21. Пять трендов развития Краудсорсинга в 2014 году. URL: http://crowdsourcing.ru/article/pyat_prognozov_razvitiya_kraudsorsinga_v_2014_godu
22. Революция государственного Краудсорсинга. URL: http://crowdsourcing.ru/article/revolyuciya_gosudarstvennogo_kraudso_rsinga
23. Славин Б. От краудсорсинга к ноосорсингу. Открытые системы // СУБД. 2012. № 1. С. 60–62.
24. Что такое краудсорсинг? Обращение к гражданам России в поддержку «налоговых каникул» для малого бизнеса. URL: http://crowdsourcing.ru/article/what_is_the_crowdsourcing

Н.С. Юханов

БЛЕСК И НИЩЕТА ИМИТАЦИОННОГО ПРАВЛЕНИЯ

Конец года – время подведения итогов. Различные аналитические центры готовят собственные панорамные обзоры уходящего 2014 г. и делают прогноз на 2015-й. При всем разбросе мнений очевиден общий вывод: с политической точки зрения власть сумела стабилизировать политическую систему.

Вначале предложим пять тезисов, которые постараемся доказать.

Во-первых, завершающийся год показал относительную устойчивость политической системы. Однако показал он и то, что устойчивость эту обеспечивает главным образом новый державный дискурс и вертикаль исполнительной власти на местах. Остальные государственные и общественные институты работают существенно ниже среднего.

Во-вторых, обращает на себя внимание, что в оценках эффективности исполнительной власти можно опираться на ее электоральные, а не управленческие успехи. С учетом всплеска протестной активности конца 2011 – середины 2012 г. власть, действительно, показала весьма значимые результаты на выборах.

При всем скептицизме в отношении составляющих этого успеха (административный ресурс, как всегда, превалировал), можно отметить такие факторы как определенная модернизация риторики (имперский стиль, агрессивные выпады в адрес Запада) и консолидация элит.

В-третьих, – и это вытекает из второго вывода, – у власти так и не получилось наладить коммуникацию со своим основным контрагентом – обществом. В 2012 г. она предприняла ряд попыток создать новые «валентности» для взаимодействия (упрощение регистрации и увеличение финансовой поддержки партий, прямые выборы губернаторов).

Однако – отчасти добросовестно заблуждаясь, отчасти попросту имитируя эти попытки, – власть так и не достигла заявленного эффекта.

В-четвертых, – и это один из самых тревожных выводов – по итогам года можно заявить, что городской класс противопоставил себя всему «политическому классу» в целом, всей политической повестке. Об этом говорит не только провал политреформы, но и сжатие протестной активности во второй половине года. Образованные горожане продемонстрировали усталость и разочарование, дистанцировавшись от любых политических ангажементов – что власти, что оппозиции.

Фактически они «проголосовали ногами» – и в отношении оппозиционных митингов, на которые перестали ходить, и в отношении новых партий, появление которых они проигнорировали *en masse*, и в отношении «более демократичных» региональных выборов, которые охарактеризовались достаточно низкой явкой.

Конечно, во многом отсутствие «спроса» было мотивировано плохо сформулированным «предложением». Но на самом деле взаимовлияние разных факторов значительно сложнее, и это уже вопрос более детального исследования проблемы.

В-пятых, в уходящем году гражданское общество в регионах доказало свое существование, пусть и не так явно и активно, как хотелось бы. Однако его развитие очевидным образом строилось вне сотрудничества с вертикализированным государством – по образу и подобию сети, в формах благотворительных, экологических и других добровольческих сообществ.

Более того, самой серьезной угрозой для себя этот общественный сегмент считает пристальное внимание государства – хотя, казалось бы, должно быть наоборот.

Общий вывод: за год так и не был выработан «интерфейс» взаимодействия между властью и обществом. Наобо-

рот, произошло окончательное взаимное «размежевание территорий», совместить системы координат и ценностей не получилось.

И, все-таки за счет чего система сохраняет устойчивость?

На этот вопрос помогает ответить обоснование следующего вывода. Во многом эффективность власти оценивается в контексте победы в осенней избирательной кампании, поскольку именно выборы, говоря формально, верифицируют результативность правящей элиты. Отметим и мы, что в отличие от ряда прежних избирательных кампаний, причем на фоне прошлых «протестных лет», власть в лице «Единой России» получила подавляющее большинство во всех региональных парламентах и представительных органах.

Судя по всему, именно безоговорочная победа на региональных выборах (при всех претензиях к ней), в первую очередь заставляет делать вывод об эффективности исполнительной власти (а вовсе не повышение уровня жизни или рост экономики региона). И это повод посмотреть на данный фактор более пристально.

В свою очередь, «бессодержательность протеста», скудность смыслопорождающих контекстов, умения договариваться друг с другом, нежелание практического участия в электоральных процессах со стороны оппозиции позволили партии власти в очередной раз использовать модернизированную «апологию стабильности» и привести свой «ядерный электорат» на выборы.

Но стоит отметить еще один важный момент при обсуждении низкой явки – сегодня региональные выборы неинтересны не только потому, что на них «не за кого голосовать», но еще и потому, что «они не имеют значения».

В условиях жесткой вертикали власти к местным выборам относятся соответствующе – все важные решения принимаются на федеральном уровне, а региональные и муниципальные власти не имеют возможности проводить само-

стоятельную политику. То есть местные выборы воспринимаются как такая же имитация, как и партийная реформа.

Выводы: итоги и перспективы

Усиливающийся диссонанс между предлагаемыми властью формами выражения политических предпочтений и содержанием реальных настроений населения в регионах может привести к серьезному политическому кризису, негативный эффект от которого может быть усилен нарастающими проблемами в экономике.

Эффективность власти обусловлена в наибольшей степени ее электоральным успехом. Однако оценка самого этого успеха повисает «в воздухе» – помимо административного ресурса, она опирается всего лишь на подкорректированную событиями на Украине патриотическую риторику (в публичном пространстве), образе врага и на консолидированные элиты.

Ей нечего предъявить в качестве реальных достижений, но в данном разрезе реальности это не так важно, поскольку в последние годы практически все институты заменились собственными суррогатами.

Гражданское общество, разочаровавшееся в субстратах власти и политики в целом, развивается по собственному пути. Этот путь параллелен, а, точнее, ортогонален власти.

Привычка к имитации институтов (выборов, партий и т.д.), и в том числе к имитации институционализации как процесса, не дает власти возможности увидеть реальных ростков создания институтов гражданского общества.

А.А. Кинякин

**СУВЕРЕННЫЕ ФОНДЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ
КАК ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АКТОРЫ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ**

Мировой политический процесс сложно себе представить без действий государств по отстаиванию своих национальных интересов с помощью различных инструментов. Условно их можно разделить на две группы – традиционные и нетрадиционные. К первым относятся прежде всего дипломатические методы, методы силового (ведение войн) и информационного воздействия (пропаганда). В числе нетрадиционных инструментов следует выделить прежде «мягкую силу», основанную на применении социо-культурных факторов как механизма воздействия¹.

Особым видом инструментов защиты национальных интересов являются экономические методы, которые можно отнести как к традиционным, так и нетрадиционным инструментам. Наряду с использованием таких мер, как протекционизм или экономические санкции, в последнее время многие государства стремятся усиливать свои позиции путем проведения активной экспансионистской политики за счет использования инвестиционных ресурсов.

Последнее выглядит особенно актуальным в условиях усиливающейся глобальной как политической, так и экономической взаимозависимости, требующих новых механизмов по продвижению национальных интересов³. Одним из таких механизмов являются суверенные фонды благосостояния.

¹ Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. М.: ВШУ (ГУ), 2010. С. 3.

² Почта Ю.М. Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2014. № 1. С. 5–19 (в соавт. с Т.В. Оберемко).

Суверенные фонды благосостояния (СФБ), называемые также иногда суверенными фондами накопления богатства суверенными инвестиционными фондами (СФНБ, СИФ) представляют собой инвестиционные фонды или схемы специального назначения, которые находятся в государственной собственности и занимаются управлением различного рода активами с целью выполнения финансовых задач путем инвестирования средств⁴.

СФБ, которые, как правило, формируются за счет внебюджетных средств (профицита платежного баланса, официальных операций с иностранной валютой, поступлений от приватизации, бюджетного профицита и/или поступлений от экспорта биржевых товаров), имеют самую разнообразную правовую, институциональную и управленческую структуру. Они могут существовать в виде бюджетных стабилизационных фондов, сберегательных фондов, корпораций по инвестированию резервов, фондов развития и пенсионных резервных фондов без прямых пенсионных обязательств⁶.

Тем не менее, несмотря на организационные и институциональные различия, в основе деятельности всех суверенных фондов благосостояния лежат общие принципы:

1) капитал (полученный в результате «чистого накопления богатства»);

2) аффилированность с государством (фонд управляется государством или окологосударственным органом, осуществляющими функции инвестиционного контроля);

3) инвестирование как основной вид деятельности (суверенный фонд благосостояния инвестирует в различные

³ Jen, S. The Definition of Sovereign Wealth Funds. Morgan Stanley Research Global. 2006. URL: <http://www.morganstanley.com/views/gef/archive/2007/20071026-Fri.html> (режим доступа – 20.08.2014).

⁴ Hammer C., Kunzel P., Petrova I. IMF: «Sovereign Wealth Funds: Current Institutional and Operational Practices». URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2008/wp08254.pdf> (режим доступа – 20.08.2014).

активы, стремясь получить отдачу, превышающую безрисковую норму доходности)⁷.

Спецификой суверенных фондов благосостояния по сравнению с государственными финансовыми структурами (в частности, министерством финансов или центральным банком) является то, что в своей деятельности они могут себе позволить идти на существенного больший риск при осуществлении вложений в различные группы активов. При этом, несмотря на аффилированность с государством, инвестирование со стороны СФБ формально не подпадает под разряд действий государства, что существенным образом повышает свободу действий.

В целом, о суверенных фондах благосостояния можно говорить как о структурах специального назначения (SPV), функционирующих подобно другим учреждениям, управляющим инвестициями и имеющим портфели, в которых представлены различные классы активов⁹.

Другими отличительными особенностями суверенных инвестиционных фондов являются:

1) длительный период функционирования и отсутствие четко обозначенных финансовых обязательств, что способствует принятию долгосрочной стратегии инвестирования средств;

2) извлечение доходности вложенных средств как основная цель, что способствует выбору более рискованной стратегии управления активами¹⁰.

⁵ Институт исследования быстроразвивающихся рынков Сколково – «Суверенные фонды Благосостояния и новая эра богатства БРИК», Июль 2010. С. 12.

⁶ Там же.

⁷ Barbary V., Bortolotti B. Sovereign Wealth Funds and Political Risk: New Challenges in the Regulation of Foreign Investment. Regulations Foreign Investments. 05.2012. URL: <http://www.bernardobortolotti.com/wp-content/uploads/2013/03/2012115123994SWFPolRisk.pdf> (режим доступа – 20.08.2014).

Создание СФБ для управления государственным капиталом – явление не новое. Первые фонды появились еще в середине прошлого века. Однако основной прирост их численности, как и объема средств, находящихся в управлении, пришелся на период начиная с 2000-х гг. По данным Института суверенных фондов благосостояния (SWF Institute), по состоянию на август 2014 г. общий объем средств, находящихся под управлением более чем 200 СВФ, превышал показатель в 6,7 трлн дол.¹¹

Экономисты и политологи отмечают, что анализ деятельности суверенных фондов необходим по ряду причин. Первые настаивают на том, что эти фонды помогут странам, зависящим от природных ресурсов, разносторонне развивать свои экономические системы, однако вторые обеспокоены угрозой злоупотребления властью и настаивают на большей прозрачности финансово-экономической активности суверенных фондов благосостояния.

В отчетах Министерства финансов США говорится, что суверенные фонды благосостояния являются правительственными инвестиционными фондами, финансируемыми запасами иностранной валюты (в том числе и экспортная прибыль), но управляемыми независимо от официальных валютных резервов и запасов¹². В основном фонды используют свой капитал на международном уровне для таких финансовых целей, как стабилизация и накопление сбережений для будущих поколений.

Однако зачастую, эти активы используются и для получения прибыли за счет инвестиций в иностранные компании. Например, в конце 2007 г. суверенный фонд Китая – Китайская инвестиционная корпорация (China Investment Corporation, CIC) купил долю в американских финансовых фирмах Морган Стэнли (Morgan Stanley) и Блэкстоун Групп

⁸ <http://www.swfinstitute.org/fund-rankings/>

⁹ <http://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/hp881.aspx>

(Blackstone Group). В 2008 г. суверенный фонд Дубая – Инвестиционная корпорация Дубая (Investment Corporation of Dubai) скупил акции нескольких азиатских компаний, включая Сони (Sony). В декабре 2010 г. между Департаментом инвестиций Кувейта (Kuwait Investment Authority, KIA) и правительством Франции было подписано инвестиционное соглашение, предполагающее осуществление вложений объемом 900 млн евро в развитие такой важной стратегической отрасли, как атомная энергетика, в форме инвестиций в акции французского атомного гиганта Areva. Франция также вела переговоры с суверенными фондами Катара и Японии (Mitsubishi Heavy Industries)¹³.

Активная инвестиционная деятельность ряда СВФ заставила в конце 2000-х гг. заставить многие государства озаботиться проблемой ограничения иностранных инвестиций в различные отрасли (особенно стратегически важные) экономики в целях отстаивания не только национальных интересов, но и суверенитета¹⁴. Результатом этого стал принятый в 2008 г. Свод общепринятых принципов и практики (ОПП), утвержденный Международной рабочей группой (МРГ) стран, куда вошли как страны, имеющие суверенные фонды, так и государства, куда направляются инвестиции СВФ. Данный свод опирается на следующие принципы деятельности суверенных фондов благосостояния:

1) содействовать поддержанию стабильности глобальной финансовой системы и свободного потока капитала и инвестиций;

2) соблюдать все применимые нормативные требования и требования по раскрытию информации, предъявляемые в тех странах, где они осуществляют инвестиции;

¹⁰ http://www.lemonde.fr/economie/article/2010/12/28/areva-boucle-son-augmentation-de-capital_1458628_3234.html

¹¹ Clark G., Dixon A., Monk, A. Sovereign Wealth Funds: Legitimacy, Governance and Power // Princeton University Press. 2013. С. 15.

3) инвестировать с учетом экономического и финансового риска, а также соображений доходности;

4) поддерживать прозрачную и прочную структуру управления, предполагающую надлежащие операционный контроль, управление риском и подотчетность¹⁶.

В первую очередь, принятие свода общепринятых принципов и практики было направлено на то, чтобы задать определенные рамки для деятельности крупнейших СФБ. В настоящее время большинство из них сосредоточены в странах, чья экономика базируется на производстве и экспорте энергоносителей. К числу таковых можно отнести ОАЭ, Норвегию, Саудовскую Аравию, Кувейт, Россию. За ними следуют азиатские страны (Китай, Сингапур), экспортирующие преимущественно сырьевые товары. Монетарные агентства этих стран накопили значительные золотовалютные резервы вследствие устойчивого положительного торгового сальдо. Поскольку объем резервов значительно превышает размеры, необходимые для целей монетарной политики, азиатские страны создают суверенные фонды с целью диверсификации портфеля вложений резервов.

Именно происхождение и характер активов в настоящее время являются основными критериями типологизации СФБ. По своему происхождению суверенные фонды благосостояния делятся на сырьевые (он формируется за счет накопления прибыли от экспорта природных ресурсов, чаще всего нефти и газа, например, Abu Dhabi Investment Authority (ADIA), Норвежский глобальный пенсионный фонд) и несырьевые (капитал пополняется за счет положительных сальдо госбюджета и счета текущих операций, которые первоначально проявляются в форме крупных валютных резервов например сингапурский Temasek или китайская CIC).

¹² Clark G., Dixon A., Monk, A. Sovereign Wealth Funds: Legitimacy, Governance and Power // Princeton University Press. 2013. С. 18.

Таблица 1

**Крупнейшие мировые суверенные фонды благосостояния
по объему активов***

№	Название	Страна происхождения	Объем (млрд дол.)	Тип	Дата основания	Индекс транспарентности (Linaburg-Maduell Transparency Index)
1.	Government Pension Fund – Global	Норвегия	818	Сырьевой**	1980	10
2.	Abu Dhabi Investment Authority	ОАЭ (Абу-Даби)	773	Сырьевой	1976	5
3.	SAMA Foreign Holdings	Саудовская Аравия	675,9	Сырьевой	н/а	4
4.	China Investment Corporation	Китай	572,5	Несырьевой	2007	7
5.	SAFE Investment Company	Китай	567,9	Несырьевой	1997	4
6.	Kuwait Investment Authority	Кувейт	410	Сырьевой	1953	6
7.	Hong Kong Monetary Authority Investment Portfolio	Китай (Гонг Конг)	326,7	Несырьевой	1993	8
8.	Government of Singapore Investment Authority	Сингапур	285	Несырьевой	1981	6
9.	Temasek Holdings	Сингапур	173,3	Несырьевой	1974	10
10.	Qatar Investment Authority	Катар	170	Сырьевой	2005	5
11.	National Social Security Fund	Китай	160,6	Несырьевой	2000	5
12.	Australian Future Fund	Австралия	88,7	Несырьевой	2006	10

№	Название	Страна происхождения	Объем (млрд дол.)	Тип	Дата основания	Индекс транспарентности (Linaburg-Maduell Transparency Index)
13.	Национальный фонд благосостояния	Россия	88	Сырьевой	2008	5
14.	Резервный фонд	Россия	86,4	Сырьевой	2008	5
15.	АО «Самрук Казына»	Казахстан	77,4	Несырьевой	2008	н/а

Примечания: * по состоянию на 04.2014, ** нефтегазовые активы
 Источник: <http://www.swfinstitute.org/fund-rankings/>

Сырьевые фонды вкладывают средства в производные финансовые инструменты (финансовые инструменты – это право на покупку или продажу определенного количества базового актива (товара) по фиксированной цене в определенный, указанный в договоре, срок), в основе которых лежит некоторый базовый актив – высоколиквидный товар: драгоценные металлы, нефть или газ (базовым активом в контракте может выступать любой товар, но для инвесторов наиболее интересными являются высоколиквидные активы – золото, серебро, нефть. В зависимости от колебания их цены стоимость контракта может как расти, так и падать). Сырьевой фонд – это фонд, портфель которого преимущественно состоит из фьючерсных и опционных контрактов на базовый актив¹⁷.

Сырьевые фонды могут быть использованы в нескольких целях, в том числе для стабилизации финансовых доходов страны и для предупреждения инфляции, спровоцированной валютными фондами (в последнем случае фонд

¹³ ПИФ info «Архив номеров» № 8(35) от 30 апреля 2008 г. Банковские фонды. URL: <http://www.pifinfo.ru/archive/n35/bankovskie-fondy.html> (режим доступа – 20.08.2014).

фактически предотвращает слишком большое единовременное вливание денег в экономику страны).

Роль несырьевых фондов заключается прежде всего в том, чтобы контролировать автономные инвестиции, особенно в тех случаях, когда страна накопила чрезмерные «избыточные» запасы иностранной валюты.

Помимо типологизации фондов в зависимости от происхождения и характера активов в настоящее время принято выделять ряд организационных моделей СФБ: суверенные фонды благосостояния, государственные резервные накопительные фонды, пенсионные фонды и государственные предприятия¹⁸.

Государственные резервные накопительные фонды – это фонды, используемые казначействами или министерствами финансов и центральными банками для внутренних целей.

В пенсионных фондах содержатся пенсионные накопления граждан (Киммит подчеркивает, что традиционно в этих фондах сохраняется низкий уровень иностранных активов). Как пишет Коновалова-Посель И. в своей работе «Суверенные фонды БРИК: инвестиционная экспансия или подъем благосостояния»: «Пенсионные фонды способствовали глобализации экономических форм управления, передвижкам в накопительных способностях и ускоренному развитию отдельных регионов мира. (...) Общественные (государственные) пенсионные резервные фонды тоже имели тенденцию роста между 2001 и 2007 гг. В странах ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) их активы представляли в 2007 г. 14,5 % ВВП. Эти фонды инвестировали по большей части в обычные акции, желая обеспечить доходы в долгосрочной перспективе и выдержать при

¹⁴ Kimmitt, R. Public Footprints In Private Markets. Foreign Affairs. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63053/robert-m-kimmitt/public-footprints-in-private-markets> (режим доступа – 20.08.2014).

краткосрочных скачках финансовой конъюнктуры. В 2006 г. 11 % государственных пенсионных фондов Китая были инвестированы в виде прямых инвестиций за рубежом»¹⁹.

Таблица 2

Виды суверенных фондов по целям их деятельности

№	Организационная форма	Основная цель
1.	Корпорации по инвестированию резервов	Извлечение дохода от инвестирования резервов
2.	Пенсионно-резервные фонды	Накопление активов для обеспечения устойчивого уровня социального обеспечения (главным образом пенсионного)
3.	Фонды фискальной стабилизации	Сглаживание волатильности бюджетных доходов, возникающих вследствие колебаний цен на экспорт (в первую очередь сырьевой)
4.	Фискальные фонды сбережения	Перераспределение внебюджетных средств, связанных со сверхдоходами от экспорта, между различными социальными группами населения
5.	Фонды развития	Накопление активов для финансирования приоритетных социально-экономических проектов (например, инфраструктурных)

Источник: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63053/robert-m-kimmitt/public-footprints-in-private-markets>

Государственные предприятия – компании, полностью или частично управляемые государством, у каждой из которых могут быть свои собственные активы и инвестиции.

В отличие от представленных выше форм, суверенные фонды, как правило, нацелены на более рискованные инвестиционные проекты и на более высокую прибыль, стремясь

¹⁵ Коновалова-Посель И. Суверенные фонды БРИК: инвестиционная экспансия или подъем благосостояния // Национальный Центр Научных Исследований Франции, Парижская Экономическая Школа. 2009. С. 12.

тем самым увеличить богатство государства, не выплачивая при этом определенный налог.

Также по типу основных целей, преследуемых при создании, суверенные фонды принято подразделять на:

- корпорации по инвестированию резервов;
- пенсионно-резервные фонды;
- фонды фискальной стабилизации;
- фискальные фонды сбережений;
- фонды развития²⁰.

При этом следует обратить внимание на то, что все суверенные фонды работают по разным схемам. Некоторые суверенные фонды торгуют, используя активы, полученные исключительно от экспортных доходов; другие используют золотовалютные резервы. Киммит отметил, что эти два типа фондов часто выполняют различные задачи, поставленные странами, управляющими ими.

Однако долгое время СВФ не стремились обнародовать информацию об объеме средств, находящихся в их управлении, характере активов, а также совершаемых операциях. Одним из первых фондов, решившихся приоткрыть завесу тайны, стал один из крупнейших суверенных фондов – Инвестиционное управление эмирата Абу-Даби (Abu Dhabi Investment Authority, ADIA). В 2007 г. он на официальном сайте обнародовал информацию об объеме средств, находящихся в управлении. Данный шаг был направлен прежде всего на то, чтобы укрепить положительный имидж фонда в глазах западных инвесторов. Впрочем, управляющие ADIA так и не предали гласности самое интересное – размер активов под управлением. По оценкам специалистов, объем фонда

¹⁶ Barbary V., Bortolotti B. Sovereign Wealth Funds and Political Risk: New Challenges in the Regulation of Foreign Investment. Regulations Foreign Investments. 05. 2012. URL: <http://www.bernardobortolotti.com/wp-content/uploads/2013/03/2012115123994SWFPolRisk.pdf> (режим доступа – 20.08.2014)

можно оценить в 900 млрд дол.²¹ При этом также не был предан гласности и порядок формирования СФБ.

При этом, по мнению специалистов, в настоящее время основными источниками формирования средств суверенных фондов являются следующие:

- профициты государственного бюджета в результате:
 - 1) высоких доходов от экспорта, изымаемых в бюджет в виде налогов на природные ресурсы;
 - 2) ограничения расходов бюджета;
 - 3) получения доходов от приватизации;
- избыточный объем золотовалютных резервов в результате:
 - 1) устойчивого положительного сальдо торгового баланса;
 - 2) операций с иностранной валютой для предотвращения укрепления курса национальной валюты.

В странах так называемой первой группы, где существуют крупнейшие по объему активов суверенные фонды, процесс формирования, как и докапитализации (увеличение объема активов под управлением), происходит путем перечисления дополнительных средств (например, в результате превышения цены экспортируемых природных ресурсов над ее пороговым значением). В частности, средства в Фонд социально-экономической стабилизации Чили поступают из излишков бюджетных доходов, возникающих при превышении реальной экспортной цены меди базовой. Базовую цену на медь устанавливает ежегодно Министерство финансов Чили.

Наполнение Стабилизационного фонда России, существовавшего в период с 2003 по 2008 гг. (в настоящее время он разделен на Фонд национального благосостояния и Резервный фонд) происходило путем перечисления государст-

²¹ Басманов Е., Павлов В. «Абу-Даби решил раскрыться», 16.03.2010. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2010/03/16/world/464687>

венных доходов от добычи и экспорта нефти (в части экспортных пошлин и налога на добычу полезных ископаемых) при превышении мировой цены на нефть специально определенной «цены отсечения».

Однако существуют и исключения. Например, в один из крупнейших в мире СФБ Инвестиционный фонд Кувейта перечисляются 10% госдоходов независимо от их происхождения и цены на нефть²².

В странах второй группы суверенные фонды возникают вследствие накопления «избыточного» количества золотовалютных резервов. Избыточный объем понимается как превышение над уровнем, необходимым непосредственно для целей макроэкономической стабилизации: для сглаживания колебаний курса национальной валюты, а также покрытия оттока краткосрочного капитала (объем резервов должен покрывать краткосрочный внешний долг). Как только правительство страны понимает, что накопленное количество избыточно, у него есть ряд возможных направлений использования избыточных резервов:

- выплата внешнего долга (Банк Мексики расплатился по долгам перед Межамериканским банком развития и Всемирным банком в 2004–2005 гг. из средств своего фонда, что было вызвано отрицательной доходностью владения фондом);
- разделение резервов монетарного агентства на несколько портфелей и использование инвестиционного портфеля для долгосрочных вложений;
- монетарное агентство Гонконга разделило международные резервы на два портфеля: ликвидный и инвестиционный;

¹⁸ Институт исследования быстроразвивающихся рынков Сколково – «Суверенные фонды Благополучия и новая эра богатства БРИК». Июль 2010 г. С. 12.

- создать суверенный фонд либо в активах монетарного агентства, либо в качестве отдельной институциональной структуры (отдельного юридического лица);
- в Сингапуре и в Корее суверенными фондами управляют специальные агентства;
- использовать избыточные резервы для решения внутренних проблем и развития национальных экономик²³.

Как уже отмечалось выше, особую популярность суверенные фонды благосостояния стали приобретать в начале 2000-х гг. Во многом это стало следствием значительного роста цен на энергоносители, что повлекло за собой создание большого числа преимущественно сырьевых фондов, которые за относительно короткий период времени достигли беспрецедентных размеров. Такие экспортеры нефти, как Россия, Норвегия и Кувейт, извлекли недурную выгоду из повышения цен на нефть, начавшегося в 2003 г. и закончившегося в 2008 г., когда цены достигли своего пика. К примеру, Норвежский глобальный пенсионный фонд вырос за этот период с 120 до более чем 390 млрд дол.

При этом, несмотря на активный рост, СФБ долгое время не заявляли о себе как экономических и тем более политических акторах. Впервые о суверенных фондах благосостояния по-настоящему заговорили в 2008 г. в разгар мирового финансово-экономического кризиса. Именно он позволил продемонстрировать суверенным фондам (особенно из региона Ближнего Востока) свое влияние на международную валютно-экономическую и политическую ситуацию²⁴.

Роль суверенных фондов, а именно многомиллиардные инвестиции в капитал финансовых учреждений (из объ-

¹⁹ Институт исследования быстроразвивающихся рынков Сколково – «Суверенные фонды Благосостояния и новая эра богатства БРИК», Июль 2010 г. С. 52.

²⁰ Truman, E. Sovereign Wealth Funds: Threat or Salvation? Peterson Institute for International Economics, September 2010. P. 109.

ем по разным оценкам составил от 80 до 600 млрд дол.), была решающей в спасении международной финансовой системы. Эти меры, наряду с решительными действиями правительств стран Организации экономического сотрудничества и развития, позволили не только провести рекапитализацию и сохранить некоторые главные финансовые учреждения, избежав тем самым системного кризиса, но и поддержать мировую резервную валюту – доллар США²⁵.

Высоко оценив роль суверенных фондов, которые предоставили капитал во время финансовых потрясений 2008 г. на рынках стран с развитой экономикой, первый заместитель директора-распорядителя Международного валютного фонда Джон Липски сказал, что «она отразила долгосрочные инвестиционные горизонты фондов, их ограниченные потребности в ликвидности и то, что их позиции, в основном, не имеют леввереджа».²² Кроме того, он отметил, что фонды четко понимают «свою долгосрочную заинтересованность в сохранении хорошо работающих, открытых, ликвидных рынков»²⁶.

При этом страны – получатели инвестиций выразили беспокойство по поводу потенциальных некоммерческих мотивов инвестиций суверенных фондов. Липски сказал, что такое отрицательное восприятие может нанести ущерб всем сторонам, а также ослабить стабильность мировой финансо-

²¹ Clark G., Dixon A., Monk, A. *Sovereign Wealth Funds: Legitimacy, Governance and Power*. Princeton University Press, 2013. P. 23.

²² Пять стандартных определения «леввереджа»: 1) показатель использования заемных средств; 2) отношение заемного капитала к собственному капиталу; 3) показатель интенсивности использования заемных средств; 4) использование долговых обязательств (заемных средств) с целью увеличения ожидаемой прибыли на капитал, в первую очередь акционерный; 5) увеличение дохода или стоимости без увеличения капиталовложений. Например, в срочной сделке для получения определенной прибыли нужно иметь меньше средств, чем в наличной.

²³ URL: <http://www.imf.org/imf/survey>.

вой и валютной системы, мешая эффективному потоку мирового капитала.

В этом контексте и страны-спонсоры суверенных фондов, и страны-получатели выиграют при «повышении степени ясности» благодаря добровольным принципам и практике. Первый заместитель директора-распорядителя указал, что комплекс общепринятых принципов и практик (ОПП) позволят лучше понять суверенные фонды и предоставят новым фондам возможность воспользоваться опытом других.

Признавая значительную роль суверенных фондов благосостояния в преодолении кризиса лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц делал особый акцент на деятельности СФБ, отмечая, что «недавний финансовый кризис, как последний и самый разрушительный из нескольких параллельных кризисов – продовольствия, воды, энергии и стабильности – которые тесно взаимосвязаны»²⁷.

За последние годы роль суверенных фондов благосостояния в мировой экономике сильно изменилась, как раз во многом благодаря мировому финансово-экономическому кризису. В настоящее время они не только занимаются инвестированием средств в различные группы активов, но и выполняют роль своеобразных стабилизаторов, в частности, контролируют инфляцию. Если избыточный капитал, полученный за счет экспорта, реинвестируется за границей, то тенденция к удорожанию валюты ослабевает²⁸.

Важно отметить, что в составе стран, создающих суверенные фонды, сегодня преобладают развивающиеся. Среди основных причин можно выделить узкий профиль внут-

²⁴ Stiglitz, J. «The Stiglitz Report: Reforming the International Monetary and Financial Systems in the Wake of the Global Crisis», 2010. URL: <http://thenewpress.com/index.php?>

²⁵ Институт исследования быстроразвивающихся рынков Сколково – «Суверенные фонды Благосостояния и новая эра богатства БРИК». Июль 2010. С. 57.

ренного финансового рынка (не позволяет им накапливать поступления от экспорта без ускорения инфляции или колебаний валютного курса). Развитые страны в основном создают суверенные фонды с целью поддержания устойчивости пенсионной системы (Норвегия, Австралия, Ирландия).

Однако стоит отметить, что масштаб деятельности суверенных фондов как в сфере экономики, так и в сфере политики пока несопоставим с крупнейшими финансовыми посредниками – банками, пенсионными фондами, взаимными фондами и страховыми компаниями, а также ведущими мировыми экономическими акторами – государствами, транснациональными корпорациями, а также международными финансовыми организациями. Впрочем, учитывая направленность современных политических и экономических процессов, а также ресурсы, находящиеся в распоряжении СФБ, можно с уверенностью говорить о том, что в дальнейшем суверенные фонды имеют все шансы стать одними ведущих глобальных политико-экономических акторов.

Л и т е р а т у р а

1. Басманов Е., Павлов В. «Абу-Даби решил раскрыться», 16.03.2010. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2010/03/16/world/464687> (режим доступа – 20.08.2014).
2. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. М.: ВШУ (ГУ), 2010.
3. Институт исследования быстроразвивающихся рынков Сколково – «Суверенные фонды Благополучия и новая эра богатства БРИК», Июль 2010.
4. Коновалова-Посель И. Суверенные фонды БРИК: инвестиционная экспансия или подъем благополучия // Национальный Центр Научных Исследований Франции, Парижская Экономическая Школа. 2009.
5. ПИФ info «Архив номеров » № 8(35) от 30 апреля 2008. Банковские фонды. URL: <http://www.pifinfo.ru/archive/n35/bankovskie-fondy.html> (режим доступа – 20.08.2014).

6. Почта Ю.М. Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2014. № 1. С. 5–19 (в соавт. с Т.В. Оберемко).

7. Barbary, V., Bortolotti, B. Sovereign Wealth Funds and Political Risk: New Challenges in the Regulation of Foreign Investment. Regulations Foreign Investments. 05. 2012. URL: <http://www.bernardobortolotti.com/wp-content/uploads/2013/03/2012115123994SWFPolRisk.pdf> (режим доступа – 20.08.2014).

8. Clark G., Dixon A., Monk, A. Sovereign Wealth Funds: Legitimacy, Governance and Power. Princeton University Press, 2013.

9. Jen S. The Definition of Sovereign Wealth Funds. Morgan Stanley Research Global. 2006. URL: <http://www.morganstanley.com/views/gef/archive/2007/20071026-Fri.html> (режим доступа – 20.08.2014).

10. Hammer C., Kunzel P., Petrova I. IMF: «Sovereign Wealth Funds: Current Institutional and Operational Practices». URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2008/wp08254.pdf> (режим доступа – 20.08.2014).

11. Kimmitt R. Public Footprints In Private Markets. Foreign Affairs URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63053/robert-m-kimmitt/public-footprints-in-private-markets> (режим доступа – 20.08.2014).

12. Stiglitz, J. «The Stiglitz Report: Reforming the International Monetary and Financial Systems in the Wake of the Global Crisis». URL: 2010. http://thenewpress.com/index.php?option=com_title&task=view_title&metaproductid=1799 (режим доступа – 20.08.2014).

13. Truman E. Sovereign Wealth Funds: Threat or Salvation? Peterson Institute for International Economics, September 2010.

14. URL: <http://www.imf.org/imf/survey>

15. URL: <http://www.swfinstitute.org/fund-rankings/>

16. URL: <http://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/hp881.aspx>

17. URL: http://www.lemonde.fr/economie/article/2010/12/28/areva-boucle-son-augmentation-de-capital_1458628_3234.html



РАЗДЕЛ 3
РОССИЯ-ЗАПАД-ВОСТОК:
ГУМАНИТАРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СТРАТЕГИИ



Д.Б. Казаринова

ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Сегодня общества в Европе сталкиваются со множеством разнообразных вызовов. С одной стороны, несмотря на кризис и нарастание евроскептических настроений продолжается интеграционный процесс, который не может быть остановлен или повернут вспять в силу слишком больших издержек. Тяжелейший кризис вокруг Украины, приведший к новым геополитическим реалиям, которые до некоторой степени возвращают мир в состояние [олодной войны, является важнейшим вызовом, на который Европейский Союз должен дать ответ. С большой долей вероятности для ЕС Россия может выступить как общий Другой, подобно тому, как СССР и Варшавский блок были значимым стимулом для процесса евроинтеграции в 1950-х и 1970-х гг. Наднациональная экономика общего рынка в условиях глобальной экономической турбулентности также все больше нуждается в общеевропейском регулировании, что с неизбежностью ведет к усилению брюссельской еврократии и доминирующей роли Германии как локомотива экономики Европы.

Опросы общественного мнения¹ показывают, что среди немцев существует социальный запрос на ведущую роль Германии в делах ЕС, а значит, этот тренд со временем будет приобретать все большее значение. Углубление политической интеграции (когда все больше национального суверенитета уходит в Брюссель) с необходимостью требует консолидации социального пространства, чувства сообщества, по

¹ Special Eurobarometer 413 / Wave EB81.1 – TNS Opinion & Social “Future of Europe” Fieldwork: January 2014, Publication: March 2014. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_413_en.pdf

Р. Далю, или же становления европейского макрорегиона в качестве «большого сообщества»².

Углубление политической интеграции ставит вопрос о легитимности институтов ЕС, страдающих демократическим дефицитом, а проблемы легитимности напрямую связаны с макрорегиональной идентичностью³. Маркером его развития является отношение жителей ЕС к национальной и наднациональной идентичности и европейскому гражданству.

С другой стороны, все большее влияние на социальную и политическую жизнь Европы оказывает нарастающая активность инокультурных анклавов, создающая напряженность. Эта напряженность периодически выплескивается в открытые формы протестов и столкновений, что дало возможность европейским лидерам заявить о провале политики мультикультурализма. Современные политические практики не справляются с решением этих проблем. Необходим поиск новых социальных и политических стратегий на основе межкультурного диалога, которые бы способствовали инклюзии инокультурных анклавов в европейскую политическую жизнь.

По мнению специалистов Центра Шумана во Флоренции⁴, главный теоретический вопрос – это как культурное многообразие может быть вписано в либеральную демократию и секулярное общество. Как пишет Ю.М. Почта, «необходимо учитывать возможность сосуществования ряда досе-

² Бусыгина И. Региональная интеграция в современном мире и динамика макрополитической идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2012. С. 366.

³ Бусыгина, 2012.

⁴ Dobbernack J., Modood T. Tolerance and cultural diversity in Europe. Theoretical perspectives and contemporary developments. Robert Shuman Centre for Advanced Studies Working paper, Florence.

кулярных культур (исламской, конфуцианской) и либеральной демократии как постсекулярного явления»⁵.

Европейская секулярность означает не антирелигиозность, но индивидуализированные формы религиозности в противовес общинным формам религиозности, традиционным для мигрантских сообществ. Сегодня европейская секулярность и постсекулярность понимается так: «социальная идентификация утратила религиозный характер и стала преимущественно светской (гражданской). Религиозная идентичность превратилась в одну из множества идентичностей человека. Произошла десакрализация человека, государства экономики и культуры»⁶.

При этом речь не идет о необходимости создания некоего культурно-однородного социума. В условиях общества, сталкивающегося со значительными вызовами со стороны миграционных процессов, социально-политический идеал «национального единства» становится все менее достижимым, на смену ему пришел концепт социальной сплоченности (*social cohesion*)⁷. Тем не менее, базовые ценности и выстраиваемые на их основе идентичности не должны вступать друг с другом в конфликт.

Вопрос об интеграции этнических меньшинств сложен и противоречив ввиду особенностей процесса евроинтеграции. Культурное многообразие в Евросоюзе имеет три измерения: с одной стороны, это «внутриевропейское»

⁵ Почта Ю.М. Гражданское общество в мусульманском мире и становление российской государственности // Российская государственность: истоки, современность и перспективы развития. Владимир, 2011. С. 312–319.

⁶ Почта Ю. Постсекулярное общество // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009. С. 286–302.

⁷ Степень интеграции группы, сообщества или общества в целом, включающая уровень единства ценностных ориентаций, уровень прочности межличностных взаимоотношений и уровень согласованности поведения членов группы, сообщества или общества в целом.

культурное многообразие, сложившееся в результате вхождения в единое наднациональное образование 28 государств, общества которых весьма различны по своим историческим, культурным, религиозным, хозяйственным и другим традициям. В результате реализации одной из ключевых свобод ЕС – свободы на передвижение в рамках Евросоюза – поток мигрантов из стран «новых членов» в страны ядра евроинтеграции существенно изменил социальную ткань последних. В свою очередь, значительное число стран – членов ЕС населены не только представителями титульных наций, но и испокон проживающими там этническими и религиозными меньшинствами. С третьей стороны, поток мигрантов извне, из неевропейских обществ, создает дополнительные самые серьезные вызовы. Сегодня до 20 % жителей самых развитых стран Европы имеют иммигрантское происхождение⁸.

Важно заметить, что уважение культурного разнообразия заявлено в качестве одной из целей ЕС в Лиссабонском договоре.

Уместно было бы разделить культурное разнообразие и культурную разнородность. Если первое выступает целью развития ЕС, то второе отражает современное состояние европейского общества.

Культурное разнообразие – «признание существования различных культур как относительно автономных образований, отличающихся специфическим набором способов социальной практики (способы накопления, творческого преобразования и транслирования социального опыта коллективной жизни), набором методов осуществления познавательной деятельности, формами представлений, верований и идей, суммой используемых языков культуры для символического обозначения предметов, явлений и процессов окружающего мира. Культурное разнообразие проявляется в су-

⁸ Triandafyllidou A. Handbook on Tolerance and Cultural Diversity in Europe. Florence, 2012. P. 9.

ществовании таких культур, как этнические, национальные, региональные (складывающиеся в определенном географическом ареале), субкультуры, надэтнические или метакультуры (христианская, европейская, советская) и т. п.»⁹.

В то же время культурная разнородность – вызов национальному государству в эпоху глобализации, связанный с процессами усиления миграционных потоков, когда «в теле политической нации появляются инокультурные группы – носители культурных, социальных, религиозных и правовых практик, непривычных и порой несовместимых с нормами большинства»¹⁰. Г.Вайнштейн называет это «определенным дезинтеграционным потенциалом, заключенном в сегодняшнем культурном ландшафте Европы» и «культурной несовместимостью»¹¹.

Важно заметить, что политика в ЕС в направлении названных измерений культурного разнообразия в Европе была различной: если на протяжении последних десятилетий в сознании граждан стран – членов ЕС активно продвигалась мысль о наднациональной идентичности, то политика адаптации мигрантов проводилась исключительно в рамках вписывания их в национальный контекст. То есть в то время как французам внушали, что они европейцы, мигрантам из стран Магриба – что они французы. Причем в первом случае процесс шел несколько более успешно. Год от года растет процент респондентов, ощущающих преимущественную европейскую идентичность над национальной и региональной.

Однако национальная идентичность в среднем по Европе ощущается как преимущественная во многом в связи с тем, что понятия «европейский» и «европеец» крайне размы-

⁹ Овинникова Ю. Культурология: краткий тематический словарь / под ред. Г.В. Драч, Т.П. Матяш. 2001.

¹⁰ Семененко И. Мультикультурализм // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2012. С. 176.

¹¹ Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/4/9.pdf>

ты, сущность их просматривается лишь приблизительно. В связи с этим «явная невозможность определить сущность европейской общности с помощью формальных (будь то политических, или географических) критериев ставит во главу угла критерии культурно-цивилизационного и ценностного характера, побуждая акцентировать внимание на религиозных, культурных, политических традициях Европы и ее приверженности гуманистическим и демократическим ценностям»¹².

Идея возможности европейской идентичности, которая бы доминировала над национальной, активно дебатруется не только в среде интеллектуалов, но среди широкой общественности. Так в рамках проекта *Debating Europe* пользователи предлагают целый набор ценностей, которые могут лежать в основе доминирующей европейской идентичности. Помимо «классических» общеевропейских ценностей – свободы, демократии и прав человека, респонденты предлагают и другие варианты: культурный плюрализм, творчество в искусстве, технологический подъем, основанный на философии и гуманизме, склонность к объективности и логическому мышлению, характерные для европейской культуры вообще, общность исторического опыта и памяти, общность культурных кодов (выраженных в фольклоре), экологичность, способность к устойчивому развитию¹³.

Участники обсуждения вопроса о том, как возможна европейская идентичность, указывают также на необходимость внедрения европейского образования, которое бы вносило в массовое сознание европейские ценности, а не воспроизводило бы национальные мифы. Европейское образование необходимо для становления европейской идентично-

¹² Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/4/9.pdf>

¹³ URL: <http://www.debatingeurope.eu/2011/12/19/is-a-european-identity-possible/#.U9A9aLEQP5k>

сти по аналогии с тем, как шел процесс формирования национальных идентичностей благодаря повсеместному распространению всеобщего начального и среднего образования в странах Европы. Обращают внимание также на важность создания и общественного финансирования с той же целью общеевропейских СМИ, выходящих за рамки новостных. То есть звучат призывы к Брюсселю интенсифицировать реализацию политики идентичности.

Проблемы языкового многообразия в контексте конструирования европейской идентичности также активно дебатировалась. Сторонники одного подхода придерживаются того мнения, что единство в многообразии – одна из главных ценностей ЕС, и как ценность она важнее для европейской идентичности, чем языковая общность. Другие признают необходимость лингва франка, в качестве которой в первую очередь рассматривается английский (сейчас им владеет почти половина населения ЕС, и со сменой поколений эта доля будет все увеличиваться), однако активные дискуссии ведутся и вокруг эсперанто.

Исходя из опросов общественного мнения¹⁴, европейские ценности так распределяются по значимости:

- 1) экономическая, промышленная и торговая мощь ЕС,
- 2) приверженность ЕС ценностям демократии, правам человека и верховенства закона,
- 3) добрососедские отношения между странами-членами,
- 4) высокие стандарты жизни граждан ЕС,
- 5) возможность продвижения Европейским Союзом мира и демократии за пределами своих границ,

¹⁴Special Eurobarometer 413 / Wave EB81.1 – TNS Opinion & Social “Future of Europe” Fieldwork: January 2014, Publication: March 2014. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_413_en.pdf

б) возможности Евросоюза развивать исследовательскую и инновационную деятельность, европейскую экологическую ответственность.

Таким образом, общеевропейский консенсус по поводу базовых ценностей достигнут.

С точки зрения внутриевропейских (то есть не затрагивающих проблем мигрантских анклавов из неевропейских стран) ситуация тоже крайне неоднородна: если часть обществ, прошедшая долгий многовековой путь нациестроительства, идет по пути постепенного отказа от национальной идентичности, другая часть европейской семьи народов активно переосмысляет свою национальную историю и находится едва ли не в начале этого пути.

Идея о том, что Евросоюз есть панацея от националистических угроз, еще полтора десятка лет назад казалась абсолютно логичной и внушала оптимизм. Исходя из этой идеи, культурное многообразие делает невозможным национальное единство и национальную идентичность, ЕС с его европейской идентичностью выступает как ответ на национальные вызовы (Тэвдой-Бурмули, 1998). И действительно, когда речь шла о ирландцах и каталонцах, эта логика работала. Но сегодня главные вызовы – со стороны инокультурных сообществ. Именно эти вызовы самым серьезным образом влияют на политический ландшафт в Европе. И пока ЕС работает с мигрантами через национальные правительства, для них европейская идентичность будет значить еще меньше, чем национальная.

Европейское гражданство – концепт, введенный Маастрихтским договором более 20 лет назад и постепенно закрепляющийся в сознании европейцев. Регулярно проводимые опросы Евробарометра выявляют стабильную динамику повышения информированности жителей Союза и спроса на те возможности, которые предоставляет гражданство ЕС.

В свое время важнейшей предпосылкой введения европейского гражданства была идея привязки элитарного про-

екта брюссельской бюрократии к жизни европейских обывателей, сопряжение европейского выбора с кругом их прав и обязанностей, их идентичности. По прошествии двух десятков лет результаты воплощения этой идеи выглядят пока неоднозначно.

Сама формулировка понятия европейского гражданства в основополагающих договорах многим представляется невнятной и бессодержательной, что было результатом, с одной стороны, спешки составителей, а с другой – компромиссного решения. По давлением евроскептиков Великобритании и Дании в Маастрихтский договор были включены положения о том, что европейское гражданство никоим образом не заменяет национального гражданства, и Европейский Союз уважает национальную идентичность государств-членов. Эти существенные оговорки предопределили амбивалентность и размытость формулировки. В результате европейское гражданство стало во многом «пустым» понятием, рекламным трюком для продвижения европейского проекта. Оставаясь политическим и юридическим концептом, европейское гражданство корреспондирует с понятием национального гражданства по букве, но не по духу. Как высказался Ф. Фукуяма относительно близкого понятия европейской идентичности, оно «идет от разума, а не от сердца»¹⁵.

Главным «повсеместно используемым» правом, которое гарантирует европейское гражданство, является право на свободу передвижения, проживания, работы в других странах – членах ЕС. Однако Шенгенские соглашения об открытых границах являются практикой продвинутого сотрудничества, они подразумевают возможность закрытия границ той или иной страной в случае возможной угрозы безопасности. Такие предложения иногда раздаются в пылу политических дискуссий. А значит, фундаментальное право, гаранти-

¹⁵ Fukuyama F. Identity and Migration. – Prospect Magazine, 2007. No 131, February. URL: <http://www.prospect-magazine.co.uk/printarticle.php?id=8239>

руемое европейским гражданством, может быть существенным образом ограничено, что подрывает в определенной степени авторитет самого института.

Интересно, что по последним данным¹⁶, новые граждане ЕС (жители 12 стран – «новых» членов) ориентируются в этом понятии несколько лучше, чем старожилы.

Лучше всего европейцы знают о своих правах как граждан ЕС на свободу передвижения и права обращаться в институты ЕС. В результате опроса выявлено, что гражданами ЕС подразумевается даже больше прав, чем они обладают на самом деле. Так, около половины респондентов считают, что можно напрямую, минуя посольство своей страны, обращаться в органы власти других стран за документами. Большинство также считает, что необходимо расширить спектр консульской поддержки граждан ЕС независимо от национального гражданства. Это демонстрирует социальный запрос на расширение практики применения европейского гражданства в его прикладном измерении.

Налицо также и запрос на более расширительное толкование европейского гражданства. В самом понятии гражданства содержится исключительность определенных прав для определенных групп. Сегодня из европейского гражданства исключены слишком многие: граждане стран Европы, не пожелавших войти в ЕС, а также проживающие в Европе мигранты без гражданства. Отмена границ внутри ЕС сделала внешние границы ЕС менее проницаемыми для выходцев из соседних стран, исторически имеющих тесные связи и служащими источником трудовых ресурсов. Правило приобретения европейского гражданства по всему ЕС едино – для этого необходимо иметь гражданство одной из стран-членов, но вот правила приобретения национального гражданства от

¹⁶ Flash Eurobarometer 365 “European Union Citizenship”. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_365_sum_en.pdf

страны к стране разнятся. В результате можно констатировать неравенство доступа к европейскому гражданству.

Кроме того, в политическом плане европейское гражданство предполагает пока только участие в выборах в единственный и далеко не самый влиятельный политический институт единой Европы – Европарламент. Демократический дефицит не показывает никакой тенденции к снижению, уровень доверия к европейским институтам остается невысоким, а евроскепсис нарастает, что в особенности показали последние выборы в Европарламент.

Все названные факторы в совокупности делают концепт европейского гражданства ограниченным в своей способности развиваться вместе с единой Европой и стать социально-политическим базисом дальнейшего процесса политической интеграции.

Очевидно, что взаимное сопряжение культурного разнообразия с проблемами построения европейской (антинациональной¹⁷? пост-национальной¹⁸? наднациональной?) идентичности и окончательного оформления института европейского гражданства гораздо более сложно и многоаспектно, чем удалось осветить в настоящей статье. Ю. Хабермас решает проблему соотношения культурного многообразия, идентичности и гражданства таким образом, что в либеральной демократии граждане идентифицируют себя как таковые не благодаря принадлежности к некоей культурной общности, а будучи уверенными в фундаментальных конституционных принципах, которые гарантируют соблюдение их прав и свобод. Если смотреть на европейское гражданство с этой точки зрения, то пока Лиссабонский договор не стал той

¹⁷ Антинациональная идентичность в том смысле, что узконациональные эгоистические интересы в Европе, которые привели к «трагедии Европы», должны были быть преодолены.

¹⁸ Постнациональная идентичность, вероятно, связана с завершением цикла развития нациестроительства в развитых обществах и перехода к постнациональному этапу.

твердыней конституционных принципов, на которых может вырасти гражданская идентичность европейцев и подлинное европейское гражданство.

Представляется важным, что и европейская идентичность, и европейское гражданство, и культурное разнообразие являются не некой наличной данностью, но социальными конструктами, объектами социального проектирования и целенаправленной политики. Хабермас и Деррида в Манифесте европейской идентичности 2003 г. заявили, что европейская идентичность есть нечто изначально конструируемое¹⁹. Но субъекты этого конструирования многообразны и нетранспарентны.

Таким образом, сегодня мы наблюдаем уникальную за последнее время ситуацию, когда противоречивые вызовы, стоящие перед ЕС, ставят евроскептическую и еврооптимистическую чаши весов в примерно равное положение. С одной стороны, взаимосвязанные демократический дефицит, культурная разнородность, отсутствие полноценного чувства сообщества и неразвитость института европейского гражданства не дают полноценно развиваться политической интеграции и формироваться наднациональной идентичности. С другой – стихийно и молниеносно изменяющийся глобальный мир с его экономической и геополитической турбулентностью предопределяет европейское единство, структурирует систему его ценностей и вычленяет основания европейской идентичности.

Л и т е р а т у р а

1. Special Eurobarometer 413 / Wave EB81.1 – TNS Opinion & Social “Future of Europe” Fieldwork: January 2014, Publication: March 2014. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_413_en.pdf

¹⁹ Деррида, Ж. Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение после Европы // Отечественные записки. 2003. № 6. С. 6–25.

2. Бусыгина И. Региональная интеграция в современном мире и динамика макрополитической идентичности / Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2012.
3. Dobbernack J., Modood T. Tolerance and cultural diversity in Europe. Theoretical perspectives and contemporary developments. Robert Shuman Centre for Advanced Studies Working paper, Florence.
4. Почта Ю.М. Гражданское общество в мусульманском мире и становление российской государственности // Российская государственность: истоки, современность и перспективы развития. Владимир, 2011.
5. Почта Ю. Постсекулярное общество / Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009.
6. Triandafyllidou A. Handbook on Tolerance and Cultural Diversity in Europe. Florence, 2012.
7. Овинникова Ю. Культурология: краткий тематический словарь / под ред. Г.В. Драч, Т.П. Матяш. 2001.
8. Семененко И. Мультикультурализм // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2012.
9. Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/4/9.pdf>
10. URL: <http://www.debatingeurope.eu/2011/12/19/is-a-european-identity-possible/#.U9A9aLEQP5k>
11. Special Eurobarometer 413 / Wave EB81.1 – TNS Opinion & Social “Future of Europe” Fieldwork: January 2014, Publication: March 2014.
12. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_413_en.pdf
13. Fukuyama F. Identity and Migration. – Prospect Magazine, 2007. No 131, February. URL: <http://www.prospect-magazine.co.uk/printarticle.php?id=8239>
14. Flash Eurobarometer 365 “European Union Citizenship”. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_365_sum_en.pdf
15. Деррида, Ж. Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение после Европы // Отечественные записки. 2003. № 6.

Д.А. Дживанян

МЯГКАЯ СИЛА ЗАПАДА: НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА ЕС

Понятие «мягкая сила» в первую очередь предполагает воздействие на идеи и поведение широкой аудитории, это способность государства или союза привлечь других на свою сторону. Еще в XX в. доминировала тенденция решения подобных вопросов с помощью «жесткой силы», которая была основана на военную и экономическую мощь страны. История показала, что использование исключительно «жесткой силы» не дает желаемых результатов, часто приводя к противоположным результатам.

В современном мире все большее значение придается так называемой «мягкой силе», эффективность которой определяет место и влияние государств на международной арене. Иными словами, наличие эффективной политики «мягкой силы» является одной из важнейших механизмов усиления влияния конкретного государства не только в конкретном регионе, но и в мире целом.

Термин «мягкая сила» был введен в оборот известным американским политологом Джозефом Наем. Под мягкой силой понимается способность страны привлекать своими общественно-политическими ценностями, своей культурой. В этом смысле политику мягкой силы часто сравнивают с политикой демократизации. Известно, что именно демократизация является основой политической доктрины США. Западное понимание демократизации предусматривает содействие распространению демократических режимов. В данном случае речь идет об установлении так называемыми недемократическими странами западных ценностей, так как Запад представляет собой высшую форму развития, а незападные страны далеки от этого идеала. В своей статье «Мусульманский мир: роль института гражданского общества в процессе

принудительной демократизации» профессор Ю.М. Почта пишет: «После событий 11 сентября 2001 г. в США продвижение демократии в мусульманских странах стало связываться с мировой борьбой с терроризмом. В частности, для реализации этой цели в 2002 г. в США начала свою деятельность программа “Инициатива по партнерству на Ближнем Востоке” (The Middle East Partnership Initiative – MEPI) – программа партнерства между США, с одной стороны, частным сектором и неправительственными организациями Ближнего Востока и Северной Африки – с другой»¹.

Важно также заметить, что интенсивная демократизация не всегда приводит к утешительным результатам, особенно когда такая политика ведется средствами не мягкой силы, с которой демократизацию принято связывать, а средствами жесткой силы. Ярким примером сказанного является «арабская весна» заразившая как арабский мир, так и страны за его пределом.

Неоспоримо, что достижение реальной демократии должно быть важнейшим приоритетом каждой страны, но и методы достижения демократии должны быть демократическими. Говоря о стандартах демократии, Почта Ю.М. подчеркивает; «Вместе с тем эти стандарты не должны быть двойными для того, чтобы все государства могли их выполнять без опасений, что они будут использованы для ограничения суверенитета и вмешательства в их внутренние дела. Для этого необходимо правовое воплощение гуманистических ценностей и идеалов, придание этим ценностям практической силы международного права»².

Что касается Европейского Союза, то последний, будучи одним из влиятельных игроков мировой политики, од-

¹ Почта Ю.М. Мусульманский мир: роль института гражданского общества в процессе принудительной демократизации // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2012. С. 7.

² Там же. С. 9.

новременно не является военно-политической державой, как, например, США или Россия. Иными словами, ЕС изначально представляющая из себя экономический союз, сегодня является политико-экономической организацией, которая в свою очередь не несет военный характер. Как часто заявляют европейские чиновники, военные способности стран ЕС направлены не на территориальную защиту, а на антикризисное управление.

Принято считать, что главным инструментом «мягкой силы» ЕС является Общая внешняя политика союза. Образование Общей внешней политики и политики безопасности, конечно же, большое достижение для ЕС. Несмотря на то, что в последние годы ЕС переживает непростые времена в связи с экономическим кризисом, наблюдается активизация Общей внешней политики ЕС. Как отмечается в официальной странице ЕС, «у Европейского Союза своя собственная внешняя политика и политика безопасности, которая развивалась в течении многих лет и которая позволяет ему говорить и действовать как единое целое на международной арене»³. Тем не менее, практика показывает, что при решении важнейших вопросов касающихся как внутренней так и, в особенности, внешней политики ЕС, право на последнее слово всегда принадлежит сильнейшим странам Союза. Сегодня, так же как и во всей истории ЕС, содержание политики Союза определяет франко-германская ось. Не последнюю роль в союзе, конечно, играет и Великобритания. Следует отметить, что в вопросах внешней политики страны ЕС не всегда едины: часто доминируют национальные приоритеты, к чему прибавляются и несогласия между главными органами ЕС. Но все подобные разногласия уходят на второй план, когда сталкиваются интересы ЕС и России. За последнее десятилетие отношения между ЕС и Россией характеризуются амбивалентными процессами, которые могут быть обобщены

³ Официальная страница ЕС. URL: http://europa.eu/pol/cfsp/index_en.htm

следующим образом: в связи с растущей взаимозависимостью партнерство становится более необходимым, но вместе с этим еще более сложное в связи с тем, что стороны все больше отличаются друг от друга⁴.

На постсоветском пространстве «мягкая сила» ЕС отражается в нескольких программах, в числе которых особую актуальность на нынешний день имеет инициатива «Восточное партнерство», главная цель которого состоит в обеспечении интеграционных связей ЕС со своими «новыми соседями». В рамках «Восточного партнерства» ЕС сотрудничает с такими странами постсоветского пространства, как Армения, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Украина, Молдова, у которых разные подходы и стремления к углублению отношений, с ЕС. Наличие противоречивых подходов вышеперечисленных стран особо ярко выразилось в ходе последних событий связанных с ратификацией Соглашений об ассоциации с Евросоюзом.

События, которые произошли в ходе саммита Восточного партнерства 29-го ноября 2013 г., дали толчок новым сценариям развития отношений и баланса сил на евразийском континенте. Достижением для ЕС стало то, что Грузия и Молдавия подписали Соглашения об ассоциации с ЕС. Но это долгожданное событие завершилось не только достижениями, но и большим провалом для ЕС. Подобным провалом стало неподписание Соглашения об ассоциации с Евросоюзом Украиной. Именно это событие и определило ход последующих событий.

Так почему же неподписание Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС вызвало особую недовольство со стороны официальных лиц ЕС, ведь Армения, Азербайджан и Белоруссия также отказались от углубления отношений с ЕС в рамках Соглашения об ассоциации? Отсюда становится ясно,

⁴ Delcour L. Shaping the Post-Soviet Space? EU Policies and Approaches to Region-Building. 2011. P. 53.

что Украина имеет «особое значение» как для ЕС, так и для Соединенных Штатов Америки, которые также не равнодушны к «судьбе» Украины. Известный американский политолог, социолог и государственный деятель Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» пишет: «Евразия является крупнейшим континентом на земном шаре и занимает осевое положение в геополитическом отношении. Государство, которое господствует в Евразии, контролировало бы два из трех наиболее развитых и экономически продуктивных мировых регионов. Один взгляд на карту позволяет предположить, что контроль над Евразией почти автоматически повлечет за собой подчинение Африки, превратив Западное полушарие и Океанию в геополитическую периферию центрального континента мира»⁵. Бжезинский также подчеркивает, что на огромной евразийской шахматной доске, простирающейся от Лиссабона до Владивостока, располагаются фигуры для «игры»⁶.

Сегодня Украина, занимающая центральное положение в Евразии, стала главной фигурой подобной геополитической «игры». Массовые акции протеста на Украине, получившие название «Евромайдан», которые начались с несогласия решения властей Украины не подписать соглашение об Ассоциации с ЕС, вскоре переросли в революцию. Представители Европейского Союза раскритиковали решение украинской власти во главе с президентом Виктором Януковичем не подписывать Соглашение об ассоциации с ЕС, также выразили свою солидарность участникам протестов. 21 ноября 2013 г. Верховный представитель ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности Кэтрин Эштон выступила с заявлением, в котором выразила разочарование

⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. 1997. URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt_with-big-pictures.html

⁶ Там же.

по поводу неподписания Украиной Соглашения об ассоциации, а также подчеркнула, что подписание самого амбициозного соглашения, которую ЕС когда-либо предлагал стране-партнеру, способствовало бы дальнейшему улучшению курса реформ Украины⁷.

Считаем важным особо подчеркнуть о заявлениях представителей ЕС о необходимости освобождения экс-премьера Украины Юлии Тимошенко, а также о запрете въезда в Европу некоторых представителей власти Украины, чему последовало замораживание банковских счетов украинских чиновников. Перечисленные действия со стороны ЕС ни что иное, как проявление «жесткой силы». Конечно, подобная «жесткая сила» не предполагает вовлечение военных сил, но и «мягкой силой» подобные действия не назовешь. После последних событий связанных с Украиной еще более очевидными стали противоречивые интересы ЕС и России. Иными словами, произошло столкновение интересов без какого либо возможности достижения компромисса. Хватит лишь вспомнить, что после того, как Украина отказалась подписать Соглашение об ассоциации, президент Янукович предложил создать трехстороннюю комиссию (Россия–Украина–ЕС) для обсуждения торгово-экономического сотрудничества. Тут уже стало ясно, что если Украина вступит в зону свободной торговли с ЕС, то она уже не сможет присоединиться к Таможенному союзу. Евросоюз оказался довольно требовательным не только по отношению к Украине, но и к другим государствам – участникам «Восточного партнерства». Например, Армения также по началу вела политику поддержания баланса между ЕС и Таможенным союзом,

⁷ Эштон К. Заявление Верховного Представителя ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности. 21.11.2013. URL: http://eeas.europa.eu/statements/docs/2013/131121_04_en.pdf

но после 3-го сентября 2013 г. стало ясно, что Армения намерена присоединиться к Таможенному союзу⁸.

Тем не менее, говоря об остальных странах «Восточного партнерства», которые не подписали Соглашение об ассоциации с ЕС, считаем, что в ближайшем будущем им не грозит украинский сценарий, поскольку сегодня самая актуальная задача ЕС – оторвать Украину от России с целью не допустить образование нового сильного политико-экономического союза на евразийском континенте. Образование подобного союза в будущем может стать противовесом Евросоюзу, у которого и без этого немало проблем. Именно поэтому Запад направляет свою так называемую «мягкую силу» на достижение вышеупомянутой цели. И в заключение можно упомянуть высказывание Ото фон Бисмарка о том, что Россию можно подавить только отделением от нее Украины, превращением братьев во врагов.

Л и т е р а т у р а

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. 1997. URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt_with-big-pictures.html
2. Почта Ю.М. Мусульманский мир: роль института гражданского общества в процессе принудительной демократизации // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2012. С. 7–9.
3. Эштон К. Заявление Верховного Представителя ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности. 21.11.2013.
4. URL: http://eeas.europa.eu/statements/docs/2013/131121_04_en.pdf

⁸ Речь Президента Сержа Саргсяна в Парламентской Ассамблее Совета Европы, 02.10.2013. Президент РА С. Саргсян заявил о решении Республики Армения вступить в Таможенный союз и предпринять в этих целях необходимые практические шаги, а в последующем – участвовать в формировании Евразийского экономического союза. Официальный сайт президента РА <http://www.president.am/>

5. Официальная страница ЕС. URL: http://europa.eu/pol/cfsp/index_en.htm

6. Речь Президента Сержа Саргсяна в Парламентской Ассамблее Совета Европы, 02.10.2013. Президент РА С. Саргсян заявил о решении Республики Армения вступить в Таможенный союз и предпринять в этих целях необходимые практические шаги, а в последующем – участвовать в формировании Евразийского экономического союза. Официальный сайт президента РА. URL: <http://www.president.am/>

7. Delcour L., *Shaping the Post-Soviet Space? EU Policies and Approaches to Region-Building*, 2011. P. 53.

8. Mkrtchyan T., Huseynov T. and Gogolashvili K. *The European Union and the South Caucasus. Three Perspectives on the Future of the European Project from the Caucasus*. URL: http://www.bertelsmannstiftung.de/bst/en/media/xcms_bst_dms_28297_28302_2.pdf

9. Tuomioja E. *The Role of Soft Power in EU Common Foreign Policy*.

10. *International Symposium on Cultural Diplomacy Berlin* 30.07. 2009.

А.И. Чихринова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ РОССИИ В АФГАНИСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Основной системообразующий признак национальных интересов состоит в строгой иерархии, предполагающей достижение главной цели. На ее основе строятся все остальные элементы системы национальных интересов¹. Следует признать, что на сегодняшний день в нашем обществе, и в частности – в политико-академическом сообществе страны, все еще не достигнуто единого понимания того, в чем же заключается эта главная цель.

Во многом это связано с тем, что в современном российском обществе продолжает действовать «афганский синдром», являющийся результатом трагического участия советских войск в боевых действиях в Афганистане с декабря 1979 г. по февраль 1989 г. на стороне правительства Афганистана. В период резкого ослабления и развала СССР советское военное присутствие в этой стране получило главным образом негативные оценки, связанные с распространившимися представлениями о ненужности и вредности для «национальных интересов» российского присутствия в этом регионе.

Следует отметить, что не только у России, но и у других развитых стран и мирового сообщества в целом отсутствует четкая стратегия и отработанные методы восстановления и укрепления раздробленного и охваченного военными конфликтами государства, в котором процветают теневая экономика и наркобизнес, оказывающие дестабилизирующее влияние на ситуацию в обширном регионе.

¹ Проскурин С.А. Национальные интересы и внешнеполитические приоритеты России // Власть. 1996. № 8. С. 52.

Среди существующих в России позиций по проблеме Афганистана сохраняет определенное количество сторонников, прежде всего среди широкой общественности, позиция невмешательства. Она состоит в том, что Россия должна по-прежнему не вмешиваться в ситуацию в Афганистане и ограничиваться отдельными акциями гуманитарной помощи и небольшими самокупаемыми проектами скорее символического значения. Исходя из этого, России следует и далее признавать необходимость дальнейшего присутствия иностранных войск США, НАТО и международной коалиции на территории Афганистана, поддерживая т.н. войну США и их союзников против терроризма. Такая позиция способствует фактическому поощрению США и НАТО на организацию военного плацдарма в самом сердце Азии, что означает поддержание и наращивание постоянной нестабильности, провоцирование регулярных военных действий для оправдания нахождения и увеличения числа своих баз в регионе.

В существенной мере такие представления способствовали тому, что на сегодня Россия активно не участвует ни в политических процессах, происходящих в Афганистане (не поддерживая ни одну крупную политическую силу), ни в региональных экономических проектах, связанных с Афганистаном, так как США до сих пор блокировали любые возможные проекты с участием российских компаний, да и сама Россия пока не очень охотно идет на афганский рынок.

Другая позиция основывается на том, что нынешний уровень этнического противостояния в Афганистане делает почти невозможным сохранение единого Афганистана, в связи с чем необходимо ограничиться тесными отношениями с северными провинциями Афганистана и создавать на их территории буферную зону. В случае же дальнейшего ослабления власти в Афганистане следует поддержать раздел страны на два государства – северное и южное – по границам преимущественного проживания различных этнических сообществ.

Нельзя не признать, что реализация такого подхода может спровоцировать распад существующих в регионе государств, приведет к дестабилизации обстановки, ослаблению местной власти и силовых структур в постсоветских государствах Центральной Азии. Следствием этого станет усиление транстаджикских и трансузбекских криминальных сетей и увеличение наркопотока через эти территории. Тем самым вместо создания «буферной зоны», призванной отгородить Центральную Азию от нестабильного юга Афганистана, при активном вмешательстве внешних сил на севере Афганистана начнутся беспорядки и локальные конфликты, и тем самым очаг нестабильности придвинется еще ближе к постсоветскому пространству.

Сторонники такой позиции полагают, что в настоящее время политическая структура Афганистана представляет конгломерат слабо связанных в политическом отношении провинций, поэтому задачей центрального правительства должно быть осуществление взаимодействия между провинциальными элитами при сохранении их значительной самостоятельности, что всегда являлось естественным состоянием афганского общества. Больше того, за время борьбы с талибами этнические меньшинства получили импульс к самоопределению и смогли нарастить свою военную силу, хорошо вооружиться и подготовиться к возможному развалу Афганистана на несколько частей по этническому признаку. По крайней мере, они вряд ли будут готовы вновь поделиться своими правами и свободами с новой властью и тем более с поборниками идеи «Великого Пуштунистана».

В сложившейся в Афганистане политической ситуации, по их мнению, интересам России и самого Афганистана отвечает реформирование существующей политической системы, позволяющее обеспечить широкую автономию провинций страны при сохранении за центральным правительством таких ключевых функций, как контроль силовых структур, финансовой сферы, реализация экономических программ раз-

вития страны, распределение внешней экономической помощи, осуществление внешней и оборонной политики.

Наконец, существуют и сторонники единого, независимого и сильного Афганистана. Они исходят из заинтересованности России в сильном афганском государстве в его современных границах, с отложенным на неопределенное время решением о признании «линии Дюранда» государственной границей Афганистана. По их мнению, только мощное единое афганское государство в состоянии ликвидировать наркоэкономику и терроризм и тем самым условия для существования транснациональных преступных групп, а также не допустить функционирования иностранных военных баз на своей территории. Только единый и независимый Афганистан сможет обеспечить мир как внутри себя, так и для своих соседей².

Авторы проектно-аналитического доклада «Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия» полагают, что «указанные выше три позиции серьезно раскалывают российское политическое и экспертное сообщество, не позволяя России целенаправленно выработать и проводить единую афганскую политику, сводя ее на уровень частных реакций и отдельных разрозненных, а нередко и неадекватных мер»³. Проведенный ими анализ показывает, что «доктринальной позицией России должна стать линия на создание единого независимого Афганистана, а две другие представленные позиции, с учётом существующих реалий, представляются ошибочными»⁴.

На фоне предстоящего вывода сил НАТО из Афганистана происходит вбрасывание идеи федерализации страны,

² Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. М.: АНО Институт демографии, миграции и регионального развития, 2008. С. 11.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 12.

что отвечает интересам прежде всего Пакистана. По мнению С.Б. Дружиловского, «федерализм, прежде всего, пойдет не по линии талибов и неталибов, а пуштунов и непуштунов. Это был бы не федерализм, а сепаратизм. Появятся квазигосударства – таджикское, узбекское, хазарейское – абсолютно нежизнеспособные, что приведет к еще большему хаосу. Федерализм – это когда все согласны жить в одном государстве, но иметь возможности для самоуправления. В Афганистане этого быть не может, пуштуны никогда на это не пойдут. Разделить провинции по линиям талибы и неталибы – утопия»⁵.

Реализация сценария федерализации и даже конфедерализации представляется весьма затруднительным также как в силу отсутствия в Афганистане четких границ проживания каждой конкретной народности, так и политически. Это может спровоцировать новый виток гражданской войны и подтолкнуть дезинтеграционные процессы в более широком геополитическом пространстве, что привело бы к еще более резкой дестабилизации в регионе.

При этом следует учитывать, что конфедеративное государственное устройство Афганистана вполне может соответствовать интересам США, у которых в таком случае появится возможность оказывать влияние через предоставление экономической, военной и гуманитарной помощи каждой из региональных элит в отдельности при управляемом из Вашингтона центральном правительстве в Кабуле, которое номинально будет символом единого государства. Тогда США смогут сохранить свои базы и военную группировку в стране на неопределенный срок под предлогом необходимости сохранения целостности страны по просьбе центрального правительства и при молчаливом согласии региональных элит.

⁵ Возможно ли превратить Афганистан в федерацию? URL: http://rus.ruvr.ru/2013_07_03/Vozmozhno-li-prevratit-Afganistan-v-federaciju-1001/

Таким образом, Вашингтон сохранит плацдарм для военно-политического влияния на Иран, Китай, Россию, Пакистан и центрально-азиатские государства. А «Талибан» будет вытеснен в зону проживания пуштунских племен, угрозу со стороны которых американцы смогут нейтрализовать точечными ударами беспилотников.

Альтернативная позиция исходит из того, что «необходимы новые подходы и методы развития, которые бы в совокупности позволили Афганистану обрести независимость, построить и укрепить свою государственность, осуществить интенсивный переход из состояния разрушенного социума и хозяйства, разрастающейся наркоэкономики, составляющей более половины ВВП страны, в состояние процветающего стабильного и консолидированного общества, обеспечивающего достойную жизнь для каждого без исключения народа и жителя Афганистана»⁶.

Не вмешиваясь во внутренние дела Афганистана, Россия в своих действиях стремится к оказанию любого возможного содействия Афганистану в налаживании мирной жизни. При этом интересам России отвечает, чтобы после того, как на территории Афганистана будут сняты террористическая и наркотическая угрозы, эта страна стала мирной, дружественной и нейтральной.

По мнению Г.В. Григорьяна, «на данный момент приоритетной задачей для России на афганском направлении является обеспечение нейтрального статуса Афганистана, что требует поиска решений сохранения регионального баланса и ограничения влияния иностранных государств на внутреннюю политику Афганистана, недопущение полной зависимости страны от США».

⁶ Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. М.: АНО Институт демографии, миграции и регионального развития, 2008.

Учитывая, что «гигантский ресурс стабилизации в Афганистане и организации его развития лежит в проведении единой согласованной политики соседей Афганистана во имя его развития», государства-соседи Афганистана – Пакистан, Иран, Китай, Индия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Киргизия, а также Россия должны гарантировать ему нейтральный статус прежде всего для того, чтобы помочь в восстановлении себя в качестве единого, суверенного и экономически эффективного государства, которое прекратит экспорт нестабильности, наркотиков и терроризма. Это позволит обеспечить прочную кооперативную безопасность и стабильность в регионе.

Что касается взгляда на ситуацию в Афганистане в связи с выводом войск западной коалиции, то в связи с этой проблемой в России обозначилось наличие двух противоположных точек зрения. Согласно первой это создаст очень серьезные проблемы для безопасности самой России, так как западная коалиция играла определенную роль в противодействии угрозам нашей стране на афганско-центральноазиатском направлении. В результате потребуются серьезные усилия и затраты по противодействию разного рода новым вызовам и угрозам, прежде всего терроризму и наркоторговле. Эта точка зрения характерна для Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Она была также подтверждена Владимиром Путиным летом 2012 г. в Ульяновске и еще раньше – в 2010 г. обозначена в статье Д. Рогозина и Б. Громова в «Нью-Йорк таймс». Эта позиция обосновывается тем, что Россия несет ответственность за безопасность центральноазиатских государств, а стабильность в них тесно связана со стабильностью внутри Российской Федерации.

Вторая точка зрения сводится к тому, что пребывание войск НАТО и США в Афганистане не снижает производства наркотиков. В качестве обоснования приводятся статистические данные о спаде изготовления опиатов в Афганистане

в последний период пребывания талибов у власти и о резком повышении после ввода коалиционных сил и воинского контингента США в Афганистан. Также Россию не может устроить вариант реформирования МССБ в долгосрочное иностранное военное присутствие в Афганистане под иной вывеской, да еще и без соответствующего мандата ООН. Ясно, что такой шаг не принесет Афганистану стабильности и лишь усилит напряженность в регионе. Кроме того, в России есть устойчивая точка зрения, что присутствие западных войск в Афганистане и Центральной Азии опасно с точки зрения стратегических интересов нашей страны, так как может привести к понижению уровня сотрудничества центральноазиатских государств с Россией.

Представляется в связи с этим, что наиболее оптимальным вариантом для нашей страны было бы временное сохранение присутствия иностранного военного контингента на ограниченный срок (до пяти лет) и на более жестких условиях, позволяющих контролировать его действия. За это время необходимо способствовать большей интеграции Афганистана в региональные механизмы экономического сотрудничества и политического диалога.

Как полагает Г.В. Григорьян, «с учетом большого количества региональных игроков и учитывая значимые экономические ресурсы Ирана, Индии и Китая, для российской внешней политики крайне важным является процесс вовлечения региональных держав в процесс совместного сотрудничества в афганском вопросе, выработка общих стратегий и механизмов подобного сотрудничества»⁷.

Для реализации своих интересов Россия нуждается в достаточно широкой базе политической поддержки внутри Афганистана. Собственно, нельзя не согласиться со словами

⁷ Григорьян Г.В. Перспективы развития ситуации в Афганистане и интересы России. URL: <http://rusinarm.com/перспективы-развития-ситуации-в-афга/>

Г.В. Григорьяна о том, что «главным препятствием продвижения российских интересов в Афганистане является отсутствие и несформированность пророссийски ориентированных сил. В связи с этим выглядят своевременно попытки России наладить нейтральные и дружественные контакты с представителями афганских элит и бизнеса»⁸.

Для решения этой проблемы России необходимо более четко определиться со своим отношением к проблеме состоятельности афганской государственности и ее перспективам. Независимо от подхода к определению понятия «несостоятельное государство», это государство, которое не выполняет своих базовых функций, ограничено поставляет населению «политические товары», потеряло монополию на насилие и средства принуждения, не контролирует или слабо контролирует свою территорию и границы. Сам процесс государственного краха представляет собой сложный, противоречивый и длительный процесс политической фрагментации, приобретая при этом различные формы. Но коллапс государства не может продолжаться вечно. Коллапсирующее государство рано или поздно должно или окончательно исчезнуть, или распасться на ряд стран и территорий, или должна появиться сила, которая будет способна, как правило, силовыми методами восстановить государственность. К настоящему времени в политическом классе России все же формируется понимание заинтересованности скорее в независимом, сильном и едином многонациональном Афганистане, нежели в его окончательной фрагментации.

По мнению И. В. Задорожного, «процесс консолидации афганского общества в политической истории Афганистана был возможен на основе двух основных механизмов – этнического и исламского. Из-за скрытой конфликтогеннос-

⁸ Григорьян Г.В. Перспективы развития ситуации в Афганистане и интересы России. URL: <http://rusinarm.com/перспективы-развития-ситуации-в-афга/>

ти и противоречий они использовались внешними и внутренними силами в качестве консолидирующего и одновременно разъединяющего механизмов». В связи с этим он говорит о необходимости создания новой модели политической общности афганского народа, основанной на этнополитическом равновесии и его поддержке внешними силами в новых, отвечающих современным условиям политико-правовых формах⁹.

Очевидно, что «создание единого, независимого и сильного государства Афганистан требует межэтнического, межплеменного и межтерриториального мира и согласия в афганском обществе. Это невозможно без включения всех народов и политических сил, в том числе находящихся ныне в оппозиции, в переговорный процесс по поводу будущего Афганистана и всего Среднего Востока»¹⁰.

Препятствием на пути мирного урегулирования является сложившаяся за годы иностранного военного присутствия в Афганистане практика рассмотрения в качестве террористов практически всех оппозиционных сил, которые ведут борьбу с официальным правительством Афганистана и войсками США и НАТО, размещенными на территории этой страны и являющимися в глазах ее населения оккупантами. Больше того, в террористы записали чуть ли не всех пуштунов, которые являются самым большим и государствообразующим народом Афганистана. Для установления мира в Афганистане необходимо перестать отождествлять пуштунов, талибов и международных террористов, нейтрализовать «черных» талибов, прекратить диверсионно-террористическую деятельность спецслужб ряда стран, в том

⁹ Задорожный И.В. Влияние внешнеполитических факторов на процесс консолидации афганского общества. Бишкек, 2007.

¹⁰ Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. М.: АНО Институт демографии, миграции и регионального развития, 2008. С. 12.

числе соседних, а также создать экономические и политические условия для мирной жизни, которые позволят «серым» и «белым» талибам прекратить войну.

В этом контексте Россия должна учитывать пуштуноцентризм афганского общества. По словам М.В. Ханеева, «создание государства афганскими племенами, сохранению которых способствует географическая изолированность, предопределило его пуштуноцентризм, который выражается в опоре центральной власти на определенные кланы, в роли племен в государстве и племенных институтов в обществе. Пуштуноцентризм проявляется прежде всего в том, что Центр полагался на узкую клановую базу – группу племен абдали (дуррани), ханы которой закрепили за своими семьями важнейшие государственные посты, законсервировав тем самым племенное деление»¹¹. Он обращает внимание, что такая ситуация обусловила сохранение государством противоположных его природе черт союза племен вплоть до Саурской революции 1978 г., когда власть по сути перешла к гильзаям. В дальнейшем слабость позиций руководства страны перед лицом высокого этнического разнообразия толкала его к опоре на свой собственный клан, и очередные кризисы заканчивались лишь переходом власти от одного племени к другому. Именно враждебность отношений между титульным этносом и другими народностями, которая уходит корнями вглубь истории страны стала основным фоном обострения этно-региональной борьбы в 90-х гг. XX в.

Пуштунский национализм столкнулся с растущим национальным самосознанием этнических меньшинств Северного Афганистана, которое способствовало их консолидации и укреплению северной группировки афганской элиты в ходе гражданской войны, а это, в свою очередь, позволило ей претендовать на власть в общенациональном масштабе.

¹¹ Ханеев М.В. Этнический фактор в политическом строительстве афганской государственности. М., 2010.

По мнению М.В. Ханеева, «отсутствие государства, способного выступать с надэтнических позиций, пресекая эгоизм этносов, ведет к тому, что в условиях усиления этнических элит борьба будет идти до тех пор, пока не установится и не будет принят большинством участников конфликта новый баланс сил»¹². Возможно, победа на президентских выборах А. Абдуллы, наполовину – таджика, наполовину – пуштуна, будет способствовать достижению нового политического равновесия в Афганистане, отражающего новые социально-демографические и этнопсихологические реалии.

Каким образом Россия может способствовать достижению такого равновесия? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости духовного смысла исторической миссии России в мире. Сегодня он выражается в том, что «реализация доктрины России как мировой державы требует, в противовес доминирующему сегодня в мире экспорту демократии, осуществлять экспорт развития – то есть передачу методов и технологий комплексного развития стран, регионов и сфер деятельности. Только осуществляя экспорт развития в другие страны, Россия сможет бороться с цивилизационными, политическими и экономическими вызовами, развиваясь при этом сама». Исходя из этого авторы доклада «Путь к миру и согласию в Афганистане...» призывают «не только восстановить историческую справедливость, но и довести эту нашу родовую черту до принципа совместного развития, сотрудничества, и, соответственно, экспорта развития как целенаправленного переноса в страны-партнеры всей полноты средств развития, позволяющей странам совершать качественные прорывы»¹³. Миссию России в Афганистане они ви-

¹² Ханеев М.В. Этнический фактор в политическом строительстве афганской государственности. М., 2010.

¹³ Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. М.: АНО Институт демографии, миграции и регионального развития, 2008. С. 28.

дят именно в создании полномасштабных производительных сил, составляющими которых являются три элемента: развивающееся образование, фундаментальная практико-ориентированная наука и инновационная промышленность.

Действительно, «России нужен сильный, безопасный и дружественный Афганистан, поэтому российская доктрина экспорта развития может стать основой решения нынешних проблем этого государства. Экспорт развития в Афганистан принесет мир и процветание всей Средней Азии, укрепит экономические и политические связи между среднеазиатскими государствами и Россией, а также станет образцом действия для других крупных держав»¹⁴.

Вместе с тем едва ли можно согласиться с тем, что в нынешней ситуации «Россия, как страна, чьи войска не принимали участия в продолжающейся семилетней войне в Афганистане, может выступить независимым арбитром между противоборствующими сторонами»¹⁵. Несмотря на значительные позитивные сдвиги в восприятии нашей страны в афганском обществе, позитивного консенсуса по данному вопросу еще не достигнуто, поэтому России необходимо действовать сообща с такими крупными континентальными державами, как Китай, Индия, Иран.

В первую очередь речь идет о необходимости противодействия планам реализации американского проекта «Большой Центральной Азии». В противовес ему России необходимо превратить территорию Средней Азии и Среднего Востока, от Казахстана до северной Индии и Персидского залива, в принципиально новый макрорегион – Новый Средний Восток, отличающийся стабильностью и промышленным подъемом. По мнению авторов идеи такого проекта, только

¹⁴ Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. М.: АНО Институт демографии, миграции и регионального развития, 2008. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 13.

Новый Средний Восток в состоянии решать следующие критические для России и соседних стран задачи:

- восстановить Афганистан в качестве единого, суверенного и экономически эффективного государства, которое не только прекращает экспорт нестабильности, наркотиков и терроризма, но и становится модельным государством ускоренной индустриализации и развития;

- обеспечить прочную кооперативную безопасность и стабильность;

- провести демилитаризацию присутствия «дальних» иностранных государств на территории стран региона;

- организовать единое экономическое и транспортно-логистическое пространство, соединяющее российскую Сибирь с «южными морями» (Аравийским морем и Персидским заливом), а со временем – сухопутный «мост» между Северным Ледовитым и Индийским океанами;

- создать единую инфраструктуру водного обеспечения южных стран региона для решения критической водной проблемы;

- не допустить создания в Афганистане и Средней Азии плацдарма США и НАТО по контролю Китая, Ирана и России;

- организовать фундаментальную географическую конструкцию, которая бы принципиально не допускала разлома России по Уралу и отщепления от Европейской части России Восточной Сибири и Дальнего Востока;

- не допустить войны США и НАТО против Ирана как участника строительства Нового Среднего Востока¹⁶.

Основным партнером в этом стратегическом проекте по созданию единого целостного геоэкономического и геокультурного пространства, избавленного от каких-либо гео-

¹⁶ Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. М.: АНО Институт демографии, миграции и регионального развития, 2008. С. 25.

политических переделов и эгоистических амбиций отдельных стран, может и должен стать Иран.

Реализация этого проекта требует культивирования новой системы ценностей, основанной на принципе диалога цивилизаций и народов во имя совместного развития, а также создания «общего рынка» как единого экономического пространства, в котором осуществляются программы множественной индустриализации и вырабатываются новые стандарты качества жизни. Это в полной мере отвечает и потребностям внутреннего развития самой России. В связи с этим нельзя не согласиться с тем, что «только ускоренная индустриализация Афганистана и развитие других стран НСВ на основе достижений российской науки и промышленности открывает перспективу для реализации миссии Сибири и расположенных на ее территории научно-промышленных и образовательных центров. Промышленной Сибири нужен выход к теплым южным морям и обширные рынки. Сибирь имеет перспективу, помимо организации развития российского Дальнего Востока, только действуя в направлении стран Средней Азии и Среднего Востока – организуя их индустриализацию, образовательное, научное и промышленное развитие»¹⁷.

Очевидно, что неурегулированность афганского кризиса, нестабильность в этой стране и связанные с этим угрозы являются одной из главных преград в реализации проекта «Нового Среднего Востока», и напротив – именно они служат необходимым условием для проекта «Большой Центральной Азии».

В значительной мере это проявляется в контексте проблемы производства и контрабанды наркотиков – проблемы, решение которой жизненно важно как для Афгани-

¹⁷ Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. М.: АНО Институт демографии, миграции и регионального развития, 2008. С. 25.

стана, так и для России. Задача противодействия наркобизнесу приобретает особый характер с учетом того, что ежегодно в мире около ста тысяч молодых людей умирают от афганских наркотиков, из них около трети – это граждане Российской Федерации.

Общеизвестно, что с момента ввода войск Международных сил содействия безопасности в Афганистан во много десятков раз увеличилось наркопроизводство. США в меньшей степени страдают от афганского героина, европейцы находятся в более уязвимом положении, но, тем не менее, они ничего не делают в Афганистане для реальной борьбы с наркотиками. В наибольшей степени эта проблема затрагивает Россию и ее центральноазиатских партнеров. Задачи по ее решению являются важным аспектом деятельности ОДКБ, которая работает на периметре, на перехвате афганского наркопотока и наркотрафика. Так, ОДКБ регулярно проводит операции по перехвату наркотических караванов из Афганистана (операция «Канал»). Если бы можно было сопрягать усилия и возможности НАТО внутри Афганистана и ОДКБ на перехвате наркопотока из страны, борьба с афганскими наркотиками была бы успешна. Однако страны Запада не хотят сотрудничать с ОДКБ в этом вопросе, прежде всего по идеологическим, а не практическим соображениям.

Россия обеспечивает надежный, бесперебойный транзит для стран, направляющих контингенты в состав МССБ, включая пролеты с персоналом, вооружением и техникой. У нас создана правовая база для комбинированной схемы транзита через Ульяновск. Стоимостные параметры транспортировки по данному маршруту зависят от объемов перевозок, и российские компании готовы продолжать переговоры по тарифам. Также у нас накоплен солидный опыт взаимодействия в рамках Совета Россия – НАТО по подготовке кадров для антинаркотических структур Афганистана, Пакистана и стран Центральной Азии, в том числе на базе учебно-тренировочных центров МВД России в Домодедово, ФСКН

под Санкт-Петербургом. Переподготовку в этих центрах прошли почти 3000 сотрудников стран региона. Россия выражает готовность к продолжению взаимодействия с НАТО по Афганистану и после 2014 г. при условии того, что у новой миссии в Афганистане будет должная международно-правовая основа в виде новой резолюции СБ ООН.

Н. Мендкович справедливо обращает внимание на то, что «сотрудничество с НАТО в вопросах транзита имеет для России множество очевидных выгод: финансовые прибыли, получение политических рычагов влияния на США и Афганистан, поддержка борьбы против террористических группировок, угрожающих региональным интересам России. Этот курс позволил добиться радикальных изменений политики МССБ в борьбе с наркоторговлей, что является одним из наиболее значительных дипломатических успехов России на этом направлении за последние десять лет»¹⁸. Однако нельзя не согласиться с тем, что эта политика сама по себе не ведет к решению всех российских задач в регионе. Главная стратегическая проблема заключается в том, что продолжение военного присутствия в Афганистане позволяет США закрепить свое влияние на Среднем Востоке, что в перспективе может привести к региональному противостоянию с Россией.

При этом следует учитывать, что использование российской территории для транзита грузов МССБ в Афганистане дает нашей стране значительные возможности оказания давления на правительства США и других стран Запада с целью добиться от них определенных политических уступок.

Россия как объект большого афганского наркопотока заинтересована в укреплении антинаркотических структур Афганистана. В целом, Россия вскоре после установления первого постталибского правительства в Афганистане стала

¹⁸ Мендкович Н.А. Политика России в Афганистане в 2001–2011 гг. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm

помогать становлению и укреплению афганской армии и правоохранительных органов. Между министерствами обороны двух стран был заключен протокол о сотрудничестве, в рамках которого в Афганистан было поставлено значительное количество оборудования, военного грузового транспорта, средства связи. В 2002–2005 гг. мы предоставили безвозмездную военно-техническую помощь афганской армии на сумму порядка 200 млн дол. США. В последующие годы по просьбе афганского правительства Россия осуществила три поставки стрелкового оружия для укрепления, прежде всего, министерства внутренних дел Афганистана и антинаркотических структур. В 2009 г. совместно с германскими партнерами передали в дар афганской стороне два вертолета в медико-эвакуационной комплектации. В конце 2010 г. была осуществлена безвозмездная поставка для нужд МВД ИРА российского стрелкового оружия – 20 тыс. автоматов Калашникова и 2,5 млн патронов к ним. Президент России Владимир Путин одобрил линию на оказание Афганистану всякой возможной помощи в укреплении афганских силовых структур.

Россия заинтересована в том, чтобы афганцы обрели возможность самостоятельно и ответственно распоряжаться ресурсами, предоставленными международным сообществом, так как ограничение власти и полномочий вырабатывает менталитет зависимости.

Л и т е р а т у р а

1. Проскурин С.А. Национальные интересы и внешнеполитические приоритеты России // Власть. 1996. № 8.

2. Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. М.: АНО Институт демографии, миграции и регионального развития, 2008.

3. Возможно ли превратить Афганистан в федерацию?
URL: http://rus.ruvr.ru/2013_07_03/Vozmozhno-li-prevratit-Afganistan-v-federaciju-1001/

4. Григорьян Г.В. Перспективы развития ситуации в Афганистане и интересы России. URL: <http://rusinarm.com/перспективы-развития-ситуации-в-афга/>
5. Задорожный И.В. Влияние внешнеполитических факторов на процесс консолидации афганского. Бишкек, 2007.
6. Ханеев М.В. Этнический фактор в политическом строительстве афганской государственности. М., 2010.
7. Мендкович Н.А. Политика России в Афганистане в 2001–2011 гг. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm

Н.Н. Ягодка

РАЗВИТИЕ ДИАЛОГА ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ И ЕС

В современной России процессы становления и развития институтов гражданского общества приобретают все большую актуальность. Это связано в первую очередь с проведением демократических реформ и развитием демократических институтов власти на федеральном, региональном и муниципальных уровнях государства. Конечно, формирующиеся в Российской Федерации институты гражданского общества обладают определенной спецификой и не всегда соответствуют стандартам западноевропейских аналогов. Но, тем не менее, несмотря на определенные противоречия и различия между характером и природой гражданских институтов в России и в Европейском Союзе, накопился полезный опыт сотрудничества и сложились предпосылки для дальнейшего развития гражданского диалога.

Проблема самоидентификации всегда была актуальной как для Российской империи, так и для СССР и современной России. Выбор вектора развития: европейский, азиатский, евразийский, – несомненно, накладывает свой отпечаток на внутреннюю и на внешнюю политику государства. Данный факт совершенно справедливо подчеркнул Ю.М. Почта: «Задача формирования гражданского общества не сможет найти своего решения до тех пор, пока новая Россия не осуществит свою самоидентификацию – является ли она восточной азиатской, евразийской или принадлежит к западной цивилизации; пока она не определится, что она из себя представляет в национальном плане – славянское с инородцами или же многонациональное общество; в религиозном плане – православное или светское поликонфессиональное государство с равноправием отделенных от государства конфессий; в аспекте государственного устройства – унитарное

государство, состоящее из губерний, или квазифедерация, состоящая из стремящихся к суверенности национальных образований»¹.

Весьма интересной выглядит также точка зрения А.Г. Дугина относительно перспектив развития либерально-демократического гражданского общества в России. А.Г. Дугин считает, что насаждение европейского образца гражданского общества повлечет в будущем за собой утрату идентичности, деисторизацию и денационализацию России с последующим распадом федеративного строя. Полной противоположностью «гражданского общества», по его мнению, является «евразийский федерализм», объединяющий политически и юридически народы и этносы евразийских цивилизаций и культурно-религиозных групп².

Создание, функционирование и развитие неправительственных (НПО) и некоммерческих (НКО) организаций в России наблюдается во всех субъектах федерации. Государство старается создавать условия для налаживания диалога с представителями ассоциаций, фондов, организаций, разнообразных движений с целью осуществления диалога «власть–общество», решения острых общественных проблем. Необходимость существования такого диалога постоянно подчеркивается высшими политическими руководителями РФ³.

Российские НПО и НКО имеют опыт сотрудничества с институтами гражданского общества по всему миру. В силу соседства с Европейским Союзом гражданский диалог между Россией и ЕС является весьма интенсивным и способствует

¹ Почта Ю.М., Оберемко Т.В. Проблема становления гражданского общества в России // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2011. № 3 (в соавторстве с Т.В. Оберемко). С. 8–9.

² Обзор деятельности ЕС в сфере прав человека. URL: <http://europa.eu/pol/rights>. С. 80–100.

³ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825>

усилению как социальных, так и экономических, политических и культурных связей.

Сотрудничество России и Европейского Союза является важным фактором всестороннего развития европейского континента. Российская внешняя политика исторически была ориентирована на выстраивание и поддержание отношений стратегического партнерства с европейскими соседями. То же самое можно сказать и о европейских государствах: Россия является важным экономическим партнером для Европейского Союза. С учетом участвовавших мировых кризисов и периодов нестабильности в экономическом, финансовом, политическом и социокультурном секторах Россия и ЕС заинтересованы в выстраивании партнерства, основанного на взаимопонимании и доверии.

Российско-европейский диалог опирается на экономическое, политическое, культурное и социальное взаимодействие. Взаимодействие между европейскими и российскими институтами гражданского общества является достаточно новым феноменом и находится на стадии становления и институционализации. Действительно, после распада Советского Союза Россия пошла по пути демократического развития, формирования правового государства, развития гражданского общества. Российский путь демократического развития отличается своими особенностями и характерными чертами, которые не всегда соответствуют представлениям западных стран о демократии. Тем не менее, определенный прогресс в сфере формирования демократического поля в России достигнут: принята Конституция РФ, которая закрепила фундаментальные права человека и гражданина, государством гарантируются и охраняются основные гражданские права и свободы: свобода слова, свобода совести, свобода собраний и др. Значительное влияние на соблюдение

прав человека и развитие институтов гражданского общества в РФ оказывал и продолжает оказывать Европейский Союз⁴⁵.

Сотрудничество институтов гражданского общества России и ЕС является важным условием формирования атмосферы взаимопонимания и стабильности на европейском континенте. Помимо реализации официальной политики России и Евросоюза сегодня все большее внимание уделяется взаимодействию неполитических организаций: некоммерческих организаций (НКО), общественных движений, гражданских движений и инициатив. Данные организации играют важную роль не только на национальном, но и на международном уровне. Проанализируем основные аспекты взаимодействия России и ЕС в области развития гражданского общества.

В 2002–2011 гг. представительство Европейского Союза в России осуществляло программу партнерства в области институционального развития «Гражданское общество и местные инициативы».

За период 2002–2011 гг. Евросоюз профинансировал более 190 проектов в России на сумму в 41 миллион евро⁶.

В рамках программы поддержки российского гражданского общества уделялось особое внимание организациям, работающим по следующим направлениям:

- повышение осведомленности об общественных проблемах и лоббирование в органах власти;
- осуществление общественного контроля над процессами принятия решений и политического планирования;

⁴ Официальный сайт Представительства Европейского Союза в России. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/index_ru.htm

⁵ Официальный сайт Гражданского форума Россия-ЕС. URL: <http://www.eu-russia-csf.org/index.php?id=2&L=1>

⁶ Официальный сайт Представительства Европейского Союза в России. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/index_ru.htm

- налаживание связей между негосударственными и государственными структурами, а также между организациями гражданского общества ЕС и России;

- создание сетей между организациями схожей направленности для усиления их лоббистского потенциала⁷.

Необходимым условием получения европейской финансовой помощи являлось сотрудничество российских и европейских гражданских организаций.

На данный момент европейское финансирование российских НКО возможно в рамках тематических программ «Неправительственные организации в развитии» и «Европейский инструмент содействия демократии и правам человека (ЕИДПЧ)».

Значительная поддержка Евросоюза оказывается социальным НКО, которые занимаются проблемами молодежи, прав женщин и детей, охраны здоровья детей и инвалидности и т.п.

Европейский инструмент содействия демократии и правам человека (ЕИДПЧ) сегодня оказывает активное содействие развитию российских гражданских инициатив и проектов. Данный орган был создан по инициативе Европейского парламента в 1994 г. Его цель – поддержка деятельности институтов гражданского общества в сфере защиты прав человека и развития демократических институтов.

С начала своей работы в России в 1997 г. ЕИДПЧ предоставил поддержку примерно 330 проектам⁸.

Представительство Европейского Союза в России ежегодно проводит национальные конкурсы заявок, размещая всю необходимую информацию на своем сайте.

⁷ Официальный сайт Представительства Европейского Союза в России. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/index_ru.htm

⁸ Обзор деятельности ЕС в сфере прав человека. URL: <http://europa.eu/pol/rights/>

Значительная часть гражданских проектов занималась вопросами управления на местном уровне. Данные проекты способствовали выстраиванию доверительных и взаимовыгодных отношений с местными органами власти.

В рамках многих совместно реализуемых проектов удается достигать значительных результатов на местном уровне, используя инновационные подходы при решении актуальных проблем. Гражданские инициативы помогают сосредоточить внимание местных властей на вопросах, которые не всегда находятся в поле зрения компетентных органов (например, введение удостоверения личности для бездомных людей, помощь жертвам домашнего насилия, обеспечение доступа к образованию для детей с ограниченными возможностями и т.д.)¹⁰.

Реализация гражданских проектов на местном уровне содействует улучшению качества диалога между властью и различными слоями населения, проживающего на определенной территории. Действительно, одних усилий властных структур зачастую бывает недостаточно для оптимального и эффективного решения многочисленных социально-экономических вопросов. В данной связи гражданские инициативы должны выступать не в качестве противопоставления власти и ее политике, а в качестве партнера и союзника.

Стоит особо отметить, что гражданские проекты, которые получают финансовую поддержку Евросоюза, являются главным образом инициативой, направленной именно от граждан к властям (снизу-вверх), что в полной мере соответствует основному подходу к определению феномена гражданского общества. Именно гражданская инициатива, а не политическая, является ключевым элементом в развитии диалога «власть–общество». Чем больше будет существовать каналов связи для осуществления данного диалога, тем

¹⁰ Страница Европейской Службы Внешних Связей о правах человека.
URL: http://eeas.europa.eu/human_rights/

больше политика властей будет носить социально-направленный характер¹¹.

Помимо финансирования российских гражданских проектов ЕС также поддерживает своих российских партнеров, организуя тематические мероприятия (конференции, круглые столы) и проводя тренинги по повышению потенциала совместного сотрудничества. В 2009–2011 гг. представительство Европейского Союза в России поддержало следующие мероприятия: Круглые столы: «Бизнес и инвалидность: лучшие практики», «Совершенствование российского законодательства и изменение политики государственных органов в связи с подписанием Конвенции ООН о правах инвалидов и ее предстоящей ратификацией», конференция «В фокусе права детей и инвалидов: вклад гражданского общества в модернизацию российской системы социального обслуживания»¹².

Конструктивный диалог является для ЕС основным направлением в сотрудничестве с российскими властями по поводу развития институтов гражданского общества. Еще одной площадкой для обсуждения актуальных вопросов о правах человека и их соблюдении являются «Консультации по вопросам соблюдения прав человека». Они впервые прошли в марте 2005 г. и с тех пор проводятся дважды в год.

На консультациях между Россией и ЕС обсуждаются вопросы, связанные с соблюдением прав человека в России и ЕС, обеспечением верховенства закона и осуществлением реформ правовой системы; борьбе против расизма, ксенофобии и дискриминации, в том числе половой дискриминации и

¹¹ Рябев В.В. Гражданское общество современной России: проблемы и перспективы становления // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13. № 2.

¹² Обзор деятельности ЕС в сфере прав человека. URL: <http://europa.eu/pol/rights/>

дискриминации на основании сексуальной ориентации, а также соблюдению прав детей и женщин¹⁴.

Консультации по правам человека способствуют повышению уровня взаимного доверия и взаимопонимания между Россией и ЕС. Конечно, между Россией и ЕС существуют определенные противоречия в подходах к правам человека и их соблюдению, но, тем не менее, Консультации позволяют находить больше точек соприкосновения по данным вопросам.

Деятельность ЕС в России не ограничивается одними лишь Консультациями по вопросам соблюдения прав человека. Наряду со встречами представителями законодательной, исполнительной и судебной власти с представителями ЕС встречаются и с членами некоммерческих организаций с целью формирования объективной картины о ситуации с правами человека в России.

Развитие диалога с гражданским обществом также значится в официальном плане сотрудничества России и Евросоюза в рамках совместной программы «Партнерство для модернизации». Участники программы (Россия и страны – члены ЕС) уверены, что выстраивание сотрудничества между российским и европейским обществом является гарантом более полного взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества на многие годы.

Еще одной площадкой для диалога между представителями российского и европейского гражданского общества является «Гражданский форум ЕС–Россия».

Учредительное собрание Гражданского форума ЕС–Россия было проведено в марте 2011 г. в Праге. В нем приняли участие 58 представителей НПО с российской и европейской сторон. Среди участников с российской стороны были такие известные организации, как Московская Хель-

¹⁴ Страница Европейской Службы Внешних Связей о правах человека. URL: http://eeas.europa.eu/human_rights/

синкская группа, «Мемориал», ассоциация «Голос», Агентство социальной информации, Центр развития некоммерческих организаций, фонд «Общественный вердикт», Центр развития демократии и прав человека, «Гринпис России» и другие. С европейской стороны – Финско-российский гражданский форум (Финляндия), «Немецко-русский обмен» (Германия), Центр ЕС – Россия (Бельгия), «Человек в беде» (Чехия), Хельсинкский фонд по правам человека (Польша), «Друзья Земли» (Чехия), Глобальный фонд природы (Германия) и другие¹⁵.

Президент Центра развития демократии и прав человека, один из членов координационного совета форума Юрий Джибладзе заявил: «Мы хотим, чтобы интеграция Европы и России происходила не только на уровне политико-правовых решений и стирания границ между государствами, но и через прямое взаимодействие обществ на основе ценностей свободы, демократии, прав человека, социальной справедливости, устойчивого экологического развития»¹⁶.

Основными направлениями деятельности Форума являются: права человека, окружающая среда, социальные проблемы и демократические институты. По мнению участников Форума, правительственный уровень России и Евросоюза не уделяет достаточного внимания развитию данных направлений, хотя без взаимопонимания и формирования общих позиций по данным направлениям сложно осуществлять интеграционные процессы на экономическом, социальном и культурном уровнях.

Специальные рабочие группы Форума ведут работу по разработке конструктивных предложений по развитию институтов гражданского общества в России и ЕС, а также по улучшению качества российско-европейского сотрудни-

¹⁵ Официальный сайт Гражданского форума Россия-ЕС. URL: <http://www.eu-russia-csf.org/index.php?id=2&L=1>

¹⁶ Там же.

чества. Данная работа ведется в постоянном режиме. Разработанные документы и конструктивные предложения рассылаются в государственные органы с целью донесения до представителей власти мнения гражданских активистов по тем или иным актуальным вопросам.

На сегодняшний день участниками Форума являются 55 российских НПО, 37 НПО из стран ЕС и 11 международных организаций. Ежегодно проходит общее собрание участников Форума, на котором принимаются резолюции и позиционные документы. Исполнительным органом Форума является Координационный совет, состоящий из десяти представителей, избираемых сроком на два года (пять представителей со стороны России и пять со стороны ЕС)¹⁷.

Говоря о специфике развития гражданского общества в России и в Западной Европе, важно отчетливо понимать различия в базисных принципах функционирования различных институтов гражданского общества. На современном этапе своего развития европейские институты гражданского общества во многом независимы от государственной власти и функционируют в большей степени автономно.

Достижению данного состояния предшествовала долгая и не всегда гладкая история становления и развития гражданского общества в западноевропейских городах и странах. В России же ситуация обстоит значительно иначе: с учетом многонациональной и многоконфессиональной структуры нашего государства, наличия исторического, культурного и социального разнообразия, становление и эффективное функционирование институтов гражданского общества представляется весьма затруднительным без государственной поддержки. Данный факт не является удивительным, ведь на протяжении многовековой истории развития российского общества государство оказывало значительное влияние и

¹⁷ Официальный сайт Гражданского форума Россия-ЕС. URL: <http://www.eu-russia-csf.org/index.php?id=2&L=1>

осуществляло контроль за многими сферами общественной жизни. Тем не менее, порой излишнее желание государства контролировать общественную жизнь, а именно институты гражданского общества, создает трудности для полноценного диалога между властью и народом. Так, Ю.М. Почта отмечает, что успех развития гражданского общества в современной России иногда напрямую связан со степенью участия государства в данном процессе. Государство само чувствует себя несущим основную ответственность за реализацию этой задачи и с подозрением относится к тем институтам гражданского общества, которые были созданы без его участия. При этом в стороне остается главная единица гражданского общества – индивид, отстаивающий свои права и добивающийся определенных целей¹⁸.

Отдельного внимания заслуживает анализ влияния гражданского общества на формирование позитивного внутреннего и внешнего общественного отношения к государственной власти и к государству в целом. В данном контексте имеется в виду имидж России в мире в целом, а также в конкретных странах – членах Евросоюза. Согласно опросам, проведенным рядом западных общественных организаций в 2012–2013 гг., отношение к России в мире остается весьма негативным. Так, например, американский исследовательский центр Pew Research опросил 37,5 тысяч человек в 39 странах мира, включая Россию. Результаты получились следующие: 39 % опрошенных относятся к России скорее негативно, 36 % – положительно¹⁹. Для сравнения, США имеют положительный имидж среди 63 % населения других стран, а Китай – среди 50 %. Среди европейских стран наи-

¹⁸ Почта Ю.М., Оберемко Т.В. Проблема становления гражданского общества в России // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2011. № 3. (в соавторстве с Т.В. Оберемко). С. 11.

¹⁹ Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в 19 – начале 20 века // Общественные науки и современность. 2009. № 1.

большую негативную оценку Россия получила во Франции (64 %), Германии (60 %) и Италии (56 %) ²⁰. Данная статистика, конечно, не является основным критерием оценки качества развития российского правового государства и национальной политики, но заставляет задуматься о модернизации национальной политики, направленной на формирование благоприятного имиджа России на международной арене.

Формированию негативного имиджа России за рубежом способствует целый комплекс факторов: активизировавшаяся в последние годы оппозиция, активно использующая Интернет-пространство с целью пропаганды негативного образа России (акцентируется внимание мировой общественности на проблемах соблюдения прав человека в России, раздуваются скандалы, приводятся неоднозначные примеры и информационные материалы), неоднозначные судебные процессы и приговоры, вызвавшие волну осуждения среди западного сообщества, предоставление политического убежища отдельным иностранным гражданам (например, бурную волну негодования в Европе и в США вызвал известный судебный процесс и вынесенный приговор участницам группы Pussy Riot (август 2012 г.), а также предоставление в августе 2013 г. временного убежища американскому гражданину Эдварду Сноудену и др.).

Кризисные события конца 2013 г. и первой половины 2014 г. на Украине, переросшие в открытый военный конфликт, также оказали огромное влияние на развитие российско-европейского диалога. В связи с присоединением Крыма к Российской Федерации, а также в связи с российской правовой, политической, дипломатической и моральной оценкой происходящих чудовищных событий на юго-востоке Украины большинство стран Европейского Союза, вслед за

²⁰ Pew research global attitudes project: Global Opinion of Russia Mixed, Survey Report. URL: <http://www.pewglobal.org/2013/09/03/global-opinion-of-russia-mixed/>

США и их союзниками, стали оказывать колоссальное давление на Россию с целью максимальной ее изоляции из международной общественно-политической жизни. Многие позитивные тенденции, накопленные в сфере гражданского взаимодействия России и ЕС, были перечеркнуты несмотря на то, что институты гражданского общества по своей природе должны быть за пределами политики. Приходится констатировать тот факт, что даже такой развитый институт, как европейское гражданское общество, может действовать по указанию государственных структур и присоединяться к «языку санкций» и разговорам с позиции силы, вместо попыток налаживания диалога и поиска консенсуса по сложным и неотложным вопросам и проблемам. Так, например, 21.05.2014 секретарь Общественной палаты РФ Е. Велихов заявил об односторонней отмене европейской стороной Ежегодного гражданского форума России и Евросоюза, намеченного на конец мая, по политическим соображениям. Он подчеркнул, что главным приоритетом Общественной палаты при сотрудничестве с Евросоюзом всегда являлось гуманитарное сотрудничество и контакты между представителями гражданского общества, которые призваны быть гибче, мудрее и дальновиднее, чем государственная машина²¹.

Наряду с негативными тенденциями, наметившимися в 2014 г. в гражданском диалоге между Россией и ЕС, имеют место и положительные контакты: взаимодействие общественных организаций, объединений и представителей неполитизированной общественности, ставящей на первое место основные гуманистические ценности, такие как мир, свобода, справедливость, и последовательно отстаивающие их. Например, 23.05.2014 в Берлине прошло заседание контактной группы гражданского общества России, Украины и ЕС, в ходе которого представители неправительственных организа-

²¹ Пресс-служба Общественной палаты РФ. URL: <http://oprfr.ru/press/news/2014/newsitem/24966>

ций подчеркнули необходимость внести вклад в деэскалацию украинского кризиса. В заседании приняли участие 25 представителей НКО и фондов Украины, России и Евросоюза. В ходе проведенных дискуссий была подчеркнута важность формирования общего гуманитарного пространства и распространения непропагандистской информации в условиях конфликта.

Необходимо отметить, что сегодня перед Россией стоит важная задача по развитию российско-европейского гражданского диалога, основанного на доверии, взаимном уважении и взаимопонимании. Именно от качества развития этого диалога напрямую зависит успех сотрудничества российских и европейских институтов гражданского общества, а также, что немаловажно, формирование позитивного имиджа России в глазах мирового сообщества.

В данной связи стоит сказать о том, что усилий одних лишь политиков и дипломатов для достижения поставленных целей будет недостаточно. Необходима активная поддержка российских и европейских институтов гражданского общества, в особенности институтов, осуществляющих международную деятельность. В данном контексте плодотворное сотрудничество России и ЕС, основанное на взаимном уважении традиций и культурных особенностей партнеров, является важнейшим фактором позитивного развития двусторонних политических, экономических, социальных и культурных связей.

Л и т е р а т у р а

1. Дорожкин Ю.Н. Актуальные проблемы модернизации политической системы России // Власть. 2012. № 10.
2. Дугин А.Г. Проект «гражданское общество» как угроза российской самобытности (по материалам интервью «Русскому журналу», ноябрь 2001 г. URL: http://esmn.ru/library/dugin/basics_evrazizm/46.htm)

3. Информационное агентство Росбалт. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/05/23/1271702.html>
4. Кока Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/koka.html>
5. Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в 19 – начале 20 века // Общественные науки и современность. 2009. № 1.
6. Нижников С.А. Мораль и политика в контексте духовных и интеллектуальных традиций: монография. М.: «ИНФРА-М», 2014.
7. Обзор деятельности ЕС в сфере прав человека. URL: <http://europa.eu/pol/rights/>
8. Официальный сайт Представительства Европейского Союза в России. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/index_ru.htm
9. Официальный сайт Гражданского форума Россия-ЕС. URL: <http://www.eu-russia-csf.org/index.php?id=2&L=1>
10. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825>
11. Почта Ю.М., Оберемко Т.В. Проблема становления гражданского общества в России // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2011. № 3 (в соавторстве с Т.В. Оберемко).
12. Пресс-служба Общественной палаты РФ. URL: <http://oprfr.ru/press/news/2014/newsitem/24966>
13. Рябев В.В. Гражданское общество современной России: проблемы и перспективы становления // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13. № 2.
14. Страница Европейской службы внешних связей о правах человека. URL: http://eeas.europa.eu/human_rights/
15. Сунгуров А. Ю. Гражданское общество и его развитие в России: учебное пособие. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf
16. Pew research global attitudes project: Global Opinion of Russia Mixed, Survey Report. URL: <http://www.pewglobal.org/2013/09/03/global-opinion-of-russia-mixed/>

О.А. Фролова

**КАНАЛЫ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕКРУТИРОВАНИИ США
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

По исторически сложившейся в США традиции в Америке всегда существовали своего рода «фильтрационные» институты для рекрутирования элит, в том числе и политической. Прежде всего, это родовые кланы (например, Кеннеди, Рокфеллеры, Гейтсы, Клинтонь, Буши и т.д.), которые широко известны не только в США, но и во всем мире, так как активно заняты не только политикой или бизнесом, но и благотворительной, экологической, образовательной или исследовательской деятельностью.

Следующий значимый канал рекрутирования – религиозные институты, которые играют очень важную роль в жизни американского общества. Своеобразная взаимосвязь политики и религии в США – одна из самых устойчивых исторически сформировавшихся характеристик американского общества. Практически двести лет назад Алексис де Токвиль так описывал данную характеристику, которая актуальна и сегодня: «...религию, которая в Соединенных Штатах никогда не вмешивалась непосредственно в управление обществом, следует считать первым политическим институтом этой страны. Я не могу сказать, все ли американцы действительно веруют, но я убежден, что, по их мнению, религия необходима для укрепления республиканских институтов. И это мнение принадлежит не какому-либо одному классу или партии, его придерживаются все слои населения»¹.

По мнению экс-госсекретаря администрации Билла Клинтона Мадлен Олбрайт, в современном мире происходит возрастание роли религии и в США уделяется недостаточно

¹ Токвиль А. // Демократия в Америке. М., 1994. С. 223–224.

внимания использованию религии в качестве политического инструмента, в частности во внешней политике². В то же время эксперт Центра за американский прогресс Сюзанн Брукс полностью поддерживает данное высказывание и заявляет о том, что «религия становится растущей индустрией по всему миру»³.

Третий важный канал рекрутирования – образовательные учреждения.

Не меньшее значение имеет и партийная принадлежность, так как работа госинститутов в немалой степени поделена на лагеря республиканцев и демократов, а отсутствие принадлежности к обозначенным партиям – довольно редкое явление.

Всего за рассматриваемый период (2001–2014 гг.) в Кабинеты обеих президентов в разное время входили 61 представитель: 34 – при Джордже Буше-младшем и 27 – при Бараке Обаме (см. Приложение I). По гендерному признаку преобладающее большинство сохраняется за мужчинами, только 12 женщин (6 – при Бараке Обаме и 6 – при Джордже Буше-младшем) смогли в разное время возглавить министерства.

Средний возраст должностного лица на момент вступления в должность составляет 59 лет, примечательно, что данный возрастной показатель идентичен для администраций Барака Обамы и Джорджа Буша-младшего.

В сравнении с Кабинетом администрации Клинтона, средний возраст приближенного круга Барака Обамы и Джорджа Буша-младшего увеличился на пять лет, или на три

² Олбрайт М. Религия и мировая политика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007 // Albright M. *The Mighty and the Almighty. Reflections on America, God, and World Affairs*. Harper Collins Publishers: 2006.

³ Brooks S. Religion: the smartest power of all // *The Washington Post*. 2010. February 22. URL: http://newsweek.washingtonpost.com/onfaith/panelists/susan_brooks_thistlethwaite/2010/02/get_religion_or_go_home.html.

года в сравнении с администрацией Рейгана и на год – в сравнении с Кабинетом Буша-старшего⁴.

В данном контексте стоит отметить, что за прошедшие 50 лет «старение» ближайшего круга президента составило почти 15 лет – в сравнении с временем президентства Джона Кеннеди, средний возраст команды которого составлял 45⁵ лет и с которым первое время часто сравнивали Барака Обаму.

В правительственных структурах США традиционно сложилась наиболее влиятельная, с точки зрения выработки внешнеполитических решений, так называемая «большая четверка» министров – госсекретарь, министры обороны, финансов и юстиции, также по степени влиятельности приближается созданный в 2003 г. пост министра национальной безопасности⁶.

Американский историк Энтони Берген в своем исследовании «In The Cabinet» описывает наиболее узкий круг самых влиятельных представителей Кабинетов президентов, начиная с администрации Томаса Джефферсона. Согласно приведенным в исследовании данным, четыре обозначенные позиции – госсекретарь, министры обороны, финансов и юстиции – традиционно замещались наиболее доверенными людьми, а также оказывали ключевую роль в разработке и реализации американской политики⁷.

Далее рассмотрим биографии персоналий, которые занимали вышеобозначенные позиции при обеих администрациях. На пяти позициях (госсекретарь, министр обороны,

⁴ Орлов А. // Ковбой в столице // Итоги, 23.01.2001. URL: www.itogi.ru/archive/2001/3/119580.html

⁵ Гарбузов В. // Сорок лет без Джона Кеннеди // Российская газета, 21.11.2003. URL: www.rg.ru/2003/11/21/kennedi.html

⁶ Артемьев М. Как работает Америка. М.: Фонд «Либеральная миссия»; «Новое литературное обозрение», 2010. С. 35.

⁷ Bergen Anthony. In The Cabinet // Dead Presidents // Dec 22, 2010. URL: <http://deadpresidents.tumblr.com/post/2417413687/in-the-cabinet>

министр финансов, министр национальной безопасности, генеральный прокурор) Кабинета, рассматриваемых в рамках исследования – 21 человек, из них 10 относятся к периоду президентства Барака Обамы и 12 – к президентству Джорджа Буша-младшего. Роберт Гейтс возглавлял Министерство обороны у Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы, став единственным представителем Кабинета, который сохранил свою должность в течение двух сроков и перешел из республиканской в демократическую администрацию, при этом сохраняя приверженность республиканской партии.

Биографические данные рассматриваемой группы взяты из открытых источников, в частности интернет-ресурсов государственных органов власти США (Государственный департамент, Министерство финансов, Министерство обороны, Министерство внутренней безопасности, Министерство юстиции) и зарубежных СМИ.

Как упоминалось ранее, образование является одним из трех основных «фильтров» в рекрутировании американской политической элиты. Еще в конце 50-х годов XX в. американский социолог Чарльз Райт Миллс выделял четыре наиболее престижных ВУЗа – Гарвард, Йель, Принстон и Дармутский колледж⁸.

В начале XXI в. ситуация несколько меняется – диплом об окончании университета, входящего в «Лигу Плюща», более не является панацеей, тем не менее большинство – 13 представителей исследуемой группы – обучались в разное время в университетах «Лиги Плюща». «Пьедестал первенства» делят два вуза – Йельский университет и Гарвард⁹.

⁸ Миллс Р. Властвующая элита / перевод с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рощаль, В.Л. Кон. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 41–42.

⁹ Багдасарян В. Военное обозрение. О рекрутинге политических элит, 13.08.2013. URL: [http://topwar.ru/31739-vardan-bagdasaryan-o-rekrutinge-politicheskikh-elit.html](http://topwar.ru/31739-varдан-bagdasaryan-o-rekrutinge-politicheskikh-elit.html)

В целом, в рассматриваемой группе большинство имеет докторскую степень – 13 человек (7 – при Демократической администрации, 5 – при республиканской), из них 12 – в области юриспруденции.

Ведущие эксперты продолжают констатировать, что роль религиозного фактора в политической жизни США не перестает играть важную роль, особенно в период предвыборных кампаний разного уровня. Согласно данным исследования, проведенного в 2006 г. центром Pew Research, 51 % американцев считают, что все религиозные общины – христианские, мусульманские, иудейские или буддийские – обязаны выражать политические взгляды своих членов¹⁰.

В рассматриваемой группе 11 из 21 представителя являются протестантами различного толка: преобладает методизм (4 представителя, по 2 при каждом президенте) и Епископальная церковь (3 человека: 2 – при Бараке Обаме, 1 – при Джордже Буше-младшем). На втором месте – представители Римской католической церкви (5 человек, 2 – при Бараке Обаме, 3 – при Джордже Буше-младшем) и на третьем месте – иудеи (4 человека, по 2 при каждом Президенте).

В данном случае интересным является тот факт, что несмотря на различную партийную и религиозную принадлежность президентов (Джордж Буш-младший – приверженец методизма, а Барак Обама – прихожанин Объединенной церкви Христа), соотношение наиболее влиятельных представителей Кабинетов в данном контексте сохраняет паритет (см. Приложение II) и относительно пропорционально религиозным предпочтениям населения США.

Принадлежность к влиятельной семье – один из трех «фильтров» рекрутирования американской политической элиты, но применительно к рассматриваемой группе не основной – только 2 из 21 представителя имеют принадлеж-

¹⁰Иванов В. Как поделить власть по-христиански // Независимая газета, 04.07.2007. URL: www.ng.ru/politic/2007-07-04/5_vlast.html

ность к таковой, в процентном соотношении – не более 10 %. Действующий госсекретарь и экс-министр финансов демократической администрации попадают в данную категорию.

Джон Керри принадлежит к известной семье Форбсов, чьи потомки также имеют определенное влияние в политической жизни Франции и Филиппин¹¹. Тимоти Гайтнер вырос в семье директора азиатских программ Фонда Форда в Нью-Йорке – Питера Ф. Гайтнера, а его дед по линии матери – Чарльз В. Мур – был советником Президента Дуайта Эйзенхауэра и работал вице-президентом компании «Форд Мотор Компани»¹².

Рассматривая партийную принадлежность наиболее влиятельной «пятерки», необходимо акцентировать внимание, что отличительной особенностью Кабинетов Барака Обамы является наличие в ближайшем кругу представителей не только демократической, но и республиканской партии – сразу двое министров обороны, Роберт Гейтс (при первой Администрации) и Чак Хейгел (при второй Администрации) являлись представителями «Великой старой партии», а третий министр обороны Леон Панетта до 1971 г. также относился к сторонникам республиканской партии.

За исключением вышеуказанных представителей, представители исследуемой группы принадлежат к той же партии, что и президент, при котором они занимали ключевые должностные позиции. Стоит выделить тех представителей рассматриваемой группы, которые играют или играли наиболее активную роль в жизни демократической и республиканской партий.

¹¹ A Brief History of The Forbes of Boston and China // Rumormillnews.com // 23-Oct-2004. URL: www.rumormillnews.com/cgi-bin/archive.cgi?read=57813

¹² Stephen Labaton. The New Team – Timothy F. Geithner // The New York Times, 07.11.2008. URL: www.nytimes.com/2008/11/07/us/politics/07geithner.html?_r=0

Бывший министр по внутренней безопасности Майкл Чертофф (2005–2009) в 2000 г. принимал активное участие в сборе спонсорских средств для президентской кампании Джорджа Буша-младшего, данное обстоятельство, по мнению большинства, позволило Чертоффу занять должность заместителя генерального прокурора при первой администрации Джорджа Буша и стать министром по делам внутренней безопасности при второй¹³.

Среди сторонников Обамы, которые активно участвовали в жизни демократической партии в период президентской кампании, стоит выделить действующих представителей Кабинета – госсекретаря Джона Керри и министра по делам внутренней безопасности Джей Джонсона.

Действующий министр по делам внутренней безопасности Джей Джонсон занимался сбором средств и являлся внешнеполитическим советником президентской кампании Барака Обамы в 2009 г., а также являлся специальным советником Джона Керри во время предвыборной президентской кампании 2004 г.¹⁴

В 2006 г. Госсекретарь Джон Керри выступил учредителем комитета «Keeping America's Promise»¹⁵, цель которого – сбор средств и поддержка кандидатов от Демократической партии на предвыборных кампаниях на федеральном и штатном уровне¹⁶. В 2008 г. Керри направил собранные де-

¹³ Майкл Чертофф и государственные интересы // Сеть Вольтер, 20 марта 2005. URL: www.voltairenet.org/article128444.html

¹⁴ Внутренняя безопасность Америки в ненадежных руках // Forum Daily, 26 декабря 2013. URL: www.forumdaily.com/vnutrennyaya-bezopasnost-ameriki-v-nenadezhnyh-rukax/

¹⁵ The Center for Responsive Politics and the Sunlight Foundation/ / Keeping America's Promise 2008 PAC Summary Data / URL: <http://www.opensecrets.org/pacs/lookup2.php?strID=C00409508&cycle=2008>

¹⁶ Johnson, Glen // Kerry creates PAC to back candidates // The Boston Globe (5 December 2004). URL: www.boston.com/news/nation/articles/2004/12/05/kerry_creates_pac_to_back_candidates/

нежные средства (согласно опубликованным данным это свыше 700 тысяч долларов) на поддержку различных партийных комитетов, кандидатов на выборы в Конгресс, Сенат, местные выборы.¹⁷

В случае с продвижением по карьерной лестнице действующего министра по делам внутренней безопасности Джей Джонсона и бывшим республиканским министром по делам внутренней безопасности Майклом Чертоффом очевидно сходство – оба получили назначения на «вторые» позиции (при первых Администрациях) сразу после инаугурации: Чертофф стал заместителем генерального прокурора США, а Джонсон возглавил юридический департамент Министерства обороны США, и только при вторых Администрациях возглавили ведомство по делам внутренней безопасности.

Несмотря на различия в заявленном политическом курсе республиканской и демократической партий, биографический анализ Кабинетов обеих администраций Барака Обамы и Джорджа Буша-младшего демонстрирует обратную тенденцию – в сравниваемых группах есть определенное сходства.

Для представителей республиканской партии в большей степени характерны такие каналы, как бизнес-среда, военная служба и религия. Приведенные данные свидетельствуют о главенствующей роли образования, при явном уменьшении роли других «традиционных» каналов – семьи и религии.

Гендерный состав Кабинетов обоих Президентов идентичен, преобладающее большинство сохраняется за мужчинами, всего 12 женщин (6 – при Бараке Обаме и 6 –

¹⁷ Mooney, Brian C // Kerry's barnstorming sparks talk of a run // The Boston Globe (9 October 2006). URL: www.boston.com/news/nation/articles/2006/10/09/kerrys_barnstorming_sparks_talk_of_a_run/

при Джордже Буше-младшем) возглавили ведомства в рассматриваемый период.

При обоих президентах средний возраст должностного лица (в рассматриваемой группе наиболее приближенных представителей) на момент вступления в должность составляет 59 лет. Эти данные говорят о «старении» политической элиты, за прошедшие полвека разница – почти 15 лет.

Каждый третий в рассматриваемой группе проходил военную службу (4 – в администрации Барака Обамы и 5 – в администрации Джорджа Буша-младшего), из них четверо являлись министрами обороны, и только двое являются демократами.

Государственная служба превалирует в карьерной «карте», все представители рассматриваемой группы до своего назначения в Кабинет в то или иное время имели таковой опыт работы, при этом ранее представители республиканского крыла в большей степени были представлены в Пентагоне, а каждый третий из наиболее приближенных представителей Кабинета Дж. Буша-младшего ранее входил в пул президентских советников.

Учитывая количественное преимущество представителей республиканской партии в исследуемой группе, карьерная карта в процентном соотношении демонстрирует значительное преобладание опыта последних в федеральных органах власти и бизнесе и сохраняет относительное равенство по остальным позициям: в региональных институтах, научной и военной среде, филантропических и международных организациях.

По результатам проведенного эмпирического исследования также обозначилась следующая тенденция: после сложения полномочий бывшие представители республиканской Администрации уходят в бизнес – характерно, что в деловую среду уходят те, кто ранее не занимался коммерческой деятельностью и работали в деловой сфере менее 10 лет. Сфера деятельности преимущественно консультационная и в

отдельных случаях затрагивает госструктуры, что свидетельствует о том, что определенные персоналии косвенно сохраняют свое влияние в последующих Администрациях и после ухода из Кабинета.

Данное обстоятельство позволяет спрогнозировать, что в дальнейшем внешнеполитический вектор будет мало отличаться от того, который обозначился в середине 2000-х («интервенционистский») и в качестве основных приоритетов сохранит такие основные идеи, как распространение демократических свобод и борьбу с терроризмом по всему миру, а также продолжит усиление собственного военного присутствия во всех регионах.

Приложение I

**Персональный состав Кабинета президентов Дж. Буша и Б. Обамы
(2001–2014 гг.)**

		B. Obama (2009-present)	G. Bush (2001-2009)
	Cabinet		
1	Secretary of State	· Hillary Clinton (2009–2013) · John Kerry (2013–present)	Gen. Colin L. Powell, 2001–2005 Condoleezza Rice, 2005–
2	Secretary of the Treasury	· Timothy Geithner (2009–2013) · Jack Lew (2013–present)	Paul H. O'Neill, 2001–2002 John Snow, 2003–2006 Henry Paulson, 2006–
3	Secretary of Defense	· Robert Gates (2009–2011) · Leon Panetta (2011–2013) · Chuck Hagel (2013–present)	Donald H. Rumsfeld, 2001–2006 Robert Gates, 2006–
4	Secretary of Homeland Security	· Janet Napolitano (2009–2013) · Jeh Johnson (2013–present)	Tom Ridge, 2003–2005 Michael Chertoff, 2005–
5	Attorney General	· Eric Holder (2009 - present)	John Ashcroft, 2001–2005 Alberto Gonzales, 2005 Michael Mukasey, 2007–
6	Secretary of Energy	· Steven Chu (2009–2013) · Ernest Moniz (2013–present)	Spencer Abraham, 2001–2005 Samuel Bodman, 2005–
7	Secretary of the Interior	· Ken Salazar (2009–2013) · Sally Jewell (2013–present)	Gale A. Norton, 2001–2006 Dirk Kempthorne, 2006–
8	Secretary of Agriculture	· Tom Vilsack (2009–present)	Ann M. Veneman, 2001–2005 Mike Johanns, 2005–2007 Edward T. Schafer, 2008–
9	Secretary of Commerce	· Gary Locke (2009–2011) · John Bryson (2011–2012) · Penny Pritzker (2013–present)	Donald L. Evans, 2001–2005 Carlos Gutierrez, 2005–
10	Secretary of Labor	· Hilda Solis (2009–2013) · Thomas Perez (2013–present)	Elaine L. Chao, 2001–
11	Secretary of Health and Human Services	· Kathleen Sebelius (2009–present)	Tommy G. Thompson, 2001–2005 Mike Leavitt, 2005–
12	Secretary of Housing and Urban Development	· Shaun Donovan (2009–present)	Melquiades R. Martinez, 2001 Alphonso Jackson, 2003–2008 Steven C. Preston, 2008–
13	Secretary of Transportation	· Ray LaHood (2009–2013) · Anthony Foxx (2013–present)	Norman Y. Mineta, 2001–2006 Mary E. Peters, 2006–
14	Secretary of Education	· Arne Duncan (2009–present)	Roderick R. Paige, 2001–2005 Margaret Spellings, 2005–
15	Secretary of Veterans Affairs	· Eric Shinseki (2009–present)	Anthony Principi, 2001–2005 Jim Nicholson, 2005–2007 James Peake, 2007–

Приложение II

Религиозная идентификация персонального состава
Кабинета президентов Дж. Буша и Б. Обамы (2001–2014 гг.).

	Roman Catholicism	Jewish	Protestant	Protestant (methodist)	Protestant Episcopal Church	Protestant (Assemblies of God USA)	Protestant (United Church of Christ minister)	Protestant (Christian Science)
B. Obama (2009-present)	2	2		2	2		1	
Secretary of State								
1 John Kerry (2013–present)	1							
2 Hillary Clinton (2009–2013)				1				
Secretary of the Treasury								
3 Timothy Geithner (2009–2013)							1	
4 Jack Lew (2013–present)		1						
Secretary of Defense								
5 Robert Gates (2009–2011)								
6 Leon Panetta (2011–2013)	1							
7 Chuck Hagel (2013–present)					1			
Secretary of Homeland Security								
8 Janet Napolitano (2009–2013)				1				
9 Jeh Johnson (2013–present)		1						
Attorney General								
10 Eric Holder (2009 - present)					1			
G. Bush (2001-2009)	2	2	1	2	1	1		1
Secretary of State								
11 Gen. Colin L. Powell, 2001–2005					1			
12 Condoleezza Rice, 2005–	1							
Secretary of the Treasury								
13 Paul H. O'Neill, 2001–2002				1				
14 John Snow, 2003–2006				1				
15 Henry Paulson, 2006–								1
Secretary of Defense								
16 Donald H. Rumsfeld, 2001–2006			1					
Robert Gates, 2006–								
Secretary of Homeland Security								
17 Tom Ridge, 2003–2005	1							
18 Michael Chertoff, 2005–		1						
Attorney General								
19 John Ashcroft, 2001–2005						1		
20 Alberto Gonzales, 2005	1							
21 Michael Mukasey, 2007–		1						
	5	4	1	4	3	1	1	1

А.И. Зубкова

МЯГКАЯ СИЛА КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Важные изменения, произошедшие во внешней политике Турции, связаны, прежде всего, с распадом Советского Союза, вызвавшем всплеск интереса Турции к регионам Кавказа, Средней Азии, что определило начало переосмысления роли Турции в мировой политике и международных отношениях. Так, в 1990-е гг. в турецких научных и политических кругах возобновилась дискуссия о целесообразности включения пантюркистского идеологического компонента во внешнюю политику, проводимую республикой. В реальном выражении идея создания Турана – единого тюркского сообщества, простирающегося от Западного Китая до Восточного Средиземноморья – вылилась в создание в 1992 г. в Стамбуле международной организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ), странами-учредителями и постоянными членами которой стали Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Турция и Узбекистан. В перспективе планировалось создание единого политико-экономического союза тюркских государств, ввиду чего Турция начала проводить регулярные саммиты тюркоязычных государств.

Однако ограниченность возможностей Турции, различия во внешнеполитических приоритетах тюркских государств, а также географическая разобщенность тюркских народов Кавказа и Центральной Азии не позволили Анкаре реализовать свои планы. Однако полностью тюркская интеграция не была снята с повестки дня, о чем говорят, например, результаты саммита, проведенного ТЮРКСОЙ в Нахичевани в 2009 г., по итогам которого было принято решение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных госу-

дарств, целью деятельности которого было объявлено укрепление экономических и культурно-гуманитарных связей.

Приход к власти Партии справедливости и развития ознаменовал новую веху во внешней политике Турции. Так, интерес Анкары к постсоветскому пространству остался неизменно высоким, однако изменилось его идеологическое обоснование, заключающееся в апелляции к «глубоким историческим и культурным корням Турции на Балканах, Ближнем Востоке, на Кавказе и в Центральной Азии»¹. Данный тезис наглядно демонстрирует определенную степень диверсификации турецкой внешней политики, векторы которой теперь устремляются к развитию отношений и усилению влияния, как минимум, не только в этнически близких, тюркских государствах. Помимо этого, очевидно стремление Турции к изменению своей роли в мировой политике с государства – хранителя южных рубежей НАТО, проводящего, в целом, прозападный внешнеполитический курс, в сторону большей независимости с претензией на роль регионального лидера.

Идеологически свои внешнеполитические притязания Турция аргументирует отсылкой к временам Османской империи, преподносящейся в качестве эпохи подлинного величия, «золотого века». В целом, использование идеи цивилизационного единства как основы культурной идентификации является лейтмотивом общественно-политического развития государств и народов в эпоху глобализации².

Показателен, в этой связи всплеск интереса к истории Османской империи, вхождение в моду османского стиля во всевозможных проявлениях: от возвращения к элементам

¹ Глазова А.В. Внешнеполитические инициативы Турции на Южном Кавказе: успех или неудача? // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1 (6). С. 67.

² Почта Ю.М. Политический ислам в контексте глобализации и роста фундаменталистских движений религиозного и светского характера в начале XXI века // PAX ISLAMICA. 2009. № 2 (3). С. 159.

османского языка в противовес тюркистскому новоязу до появления широкого ряда художественных и документальных фильмов, научно-популярных телепередач на османскую тематику. Османизм проник даже в молодежную субкультуру, появилась мода на футболки с соответствующей символикой и надписями вроде «Империя наносит ответный удар»³. Показательной в этом смысле является церемония похорон наследника османского престола Эртугрула Османоглу в 2009 г., получившая статус официального мероприятия, чем объясняется присутствие на ней первых лиц государства⁴.

Монографию главного архитектора современной внешней политики Турции, министра иностранных дел Республики Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина», увидевшую свет в 2001 г. и с тех пор неоднократно переиздававшуюся, принято считать изложением основ теории неоосманизма. Основным постулатом данного труда является утверждение о несбалансированности внешней политики Турции, выражающейся в крене в сторону отношений с Западной Европой и США в ущерб интересам Турции в других регионах мира, особенно на Ближнем Востоке. В этой связи, учитывая почти полное отсутствие – начиная с 1923 г. – внимания Турции к странам, являвшимся некогда провинциями Османской империи, А. Давутоглу указывает на необходимость определения для Турции принципиально новой роли.

Таким образом, для неоосманизма характерно позиционирование Турции как региональной (а впоследствии – и глобальной) супердержавы, наследницы – как в географическом, так и в культурном смысле – Византийской и Османской империй, что сопровождается акцентированием внима-

³ Бахревский Е. Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство. URL: <http://pda.regnum.ru/news/1467970.html>

⁴ Самедоглу Н. Стратегическая глубина и образец нового порядка. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/8435>

ния на чувстве величия и уверенности на внешнеполитической арене.

При этом наименование современной внешней политики Турции неосманизмом также принадлежит самому Ахмету Давутоглу, заявившему во время выступления перед членами ПСР в 2009 г.: «Есть наследие, которое оставила нам Османская империя. Нас называют “новыми османами”. Да, мы “новые османы”! Мы вынуждены заниматься соседними странами, и идем даже в Африку»⁵.

Говоря о концепции внешней политики, предложенной А. Давутоглу в работе «Стратегическая глубина», следует остановиться на шести ее основных принципах. Первый из них заключается в необходимости определения баланса между свободой и безопасностью, в том смысле, что обеспечение первого не следует проводить в ущерб второму, а равно и наоборот.

Иными словами, диктуется необходимость определения верного соотношения между свободой и безопасностью, что, следует отметить, весьма актуально для современной Турции. Второй принцип предполагает включение всех региональных сил в мирный переговорный процесс путем реализации политики «ноль проблем с соседями». Третий принцип, вытекающий из предыдущего, диктует необходимость проведения эффективной дипломатической работы в отношении соседних стран и регионов, интенсификации сотрудничества с соседними государствами, с обеспечением безопасности, политического диалога, экономической взаимозависимости, культурной гармонии и взаимоуважения. Четвертый принцип заключается в координации действий с основными глобальными политическими акторами. Пятый – в эффективном использовании международных форумов и иных

⁵ Неосманизм – новый внешнеполитический курс Турции. URL: <http://meast.ru/news/neoosmanizm-%E2%80%94-novyi-vneshnepoliticheski-kurs-turtsii>

переговорных площадок и форматов. Приведение данного принципа в жизнь иллюстрируется нарастающим стремлением Турции к усилению своего влияния в таких организациях, как ООН, НАТО, ОИК, повышением внимания Анкары к ШОС и иным организациям и структурам. Наконец, шестой принцип представляет собой конечную цель данных действий, как создание нового образа Турции⁶.

Таким образом, данные принципы, воплощающие в себе суть внешнеполитической доктрины современной Турции, направлены на наиболее полное использование географического положения и историко-культурного наследия Турции, с целью обеспечения ее становления в качестве регионального лидера. Иными словами, неоосманизм как основа внешней политики может быть охарактеризован как некая попытка возврата к прошлому, с учетом современных политико-экономических реалий.

Особое место в этой связи уделяется решению проблем с соседними государствами, урегулированию конфликтов и укреплению стабильности в регионе, ввиду чего Турция претендует на роль посредника в решении данных проблем. Это стремление Анкары, впрочем, продиктовано не только желанием решения того или иного конфликта, но и попытками обретения нового статуса доминирующей политической силы в регионе, в первую очередь – на Кавказе и Ближнем Востоке. Так, Анкара активно участвовала в налаживании отношений между Израилем, Сирией и Палестиной, пыталась выступить примиряющей силой во время конфликта в Южной Осетии в 2008 г. В 2010 и 2011 гг. прошли две

⁶ Стародубцев И.И. Некоторые теоретические подходы к формированию турецкой внешней политики в Центральной Азии в монографии А. Давутоглу «Стратегическая глубина». Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/07-06-12a.htm>

трехсторонние балканские встречи в верхах с участием президентов Турции, Сербии и Боснии и Герцеговины⁷.

Продолжается также историческое сотрудничество с гагаузами и крымскими татарами. Так, Турция развивает тесное экономическое и гуманитарное сотрудничество с Гагаузией, где имеется широкая сеть турецких учебных заведений, действуют программы по обучению гагаузских студентов в Турции. Через Гагаузию в 2010 г. Анкара предложила Молдавии свои услуги в качестве посредника в урегулировании приднестровского конфликта.

При этом следует отметить, что православное вероисповедание гагаузов не являлось проблемой ни для пантюркистов, мысливших в категориях этнического родства, ни для неоосманов, для которых наличие связей с православным тюркским народом представляет особую важность, ярко демонстрируя надконфессиональный, цивилизационный характер всей турецкой внешней политики. Данный подход позволяет Турции позиционировать себя в качестве политически современного демократического государства, осознающего необходимость преодоления локальных нарративов путем развития толерантности как одного из основных слагаемых успешного существования современного общества⁸.

С целью решения вышеизложенных внешнеполитических задач Правительство Турции ведет активную политику по поддержанию связей со своими соотечественниками, проживающими за рубежом. Начиная с 1970-х гг. Анкара реализует ряд проектов в культурной и образовательной сферах, финансирует строительство мечетей, открытие школ, где преподавание ведется на турецком языке.

⁷ Турецкая политика неоосманизма на Балканах. Режим доступа: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=14027>

⁸ Почта Ю.М. Постсекулярное общество // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 291.

Турция пошла навстречу своим соотечественникам, внося поправки в закон о гражданстве. Турецкий закон о гражданстве предусматривает в случае запрета двойного гражданства в принимающей стране возможность выдачи «голубой карты», позволяющей турецким мигрантам иметь равные права с гражданами Турции (ограничения касаются лишь приема на государственную службу). С 2010 г. при аппарате премьер-министра Турции работает специальное агентство по работе с турецкой диаспорой – Управление по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных народов.

ПСР делает успехи в налаживании связей со своими соотечественниками через различные объединения и ассоциации, культурно-образовательные центры, в которых туркам предоставляется возможность выучить турецкий язык, историю Турции и основы религии. Так, культурный центр Юнуса Эмре является частью более широкой сети культурных центров – проводников турецкой мягкой силы – а имеет представительства в таких странах, как Албания, Иран, Иордания, Бельгия, Грузия, Великобритания, Япония, Казахстан, Северный Кипр, Косово, Ливан, Македония, Египет, Румыния, Сирия. После получения образования в указанных учреждениях выходцы из Турции осознают свою прочную связь с родиной, однако не с Турцией – наследницей принципов Ататюрка, а с новой, умеренно-исламистской республикой.

Стратегия мягкой силы проводится Турцией в тесном сотрудничестве с тарикатами – исламскими религиозными сектами, построенными по принципу пирамиды – путем создания школ и университетов, которые уже не раз закрывались в России и других странах, часто – в связи с обвинениями в пропаганде экстремизма. На самом же деле эти учебные организации – мягкая сила Турции, стремящейся к привлечению сильных кадров и последующему воздействию на формирование лоббистских групп, как в государственных орга-

нах, так и в крупных частных компаниях. Наиболее влиятельными в этой сфере являются турецкая религиозная секта «Нурджулар», активность которой, в основном, распространяется на постсоветское пространство, и организация «Милли Гёрюш» («Национальный взгляд»), зарегистрированная в Германии и работающая на европейском пространстве⁹.

Помимо «Милли Гёрюш» и движения Фетуллаха Гюлена большое количество благотворительных и бизнес-организаций Турции осуществляет свою деятельность по проведению турецкой мягкой силы и упрочения связей Турции со странами Африки, Юго-Восточной Азии, Балканских государств.

Таким образом, современная внешнеполитическая концепция Турции, не отвергающая полностью, но частично интегрирующая пантюркистские принципы в доктрину неосманизма, рассматривающего Турцию и ее роль в регионе и мире с цивилизационно-исторической точки зрения, реализующаяся, в первую очередь путем применения мягкой силы, обладает серьезным потенциалом в смысле становления Турции как регионального лидера.

Л и т е р а т у р а

1. Глазова А.В. Внешнеполитические инициативы Турции на Южном Кавказе: успех или неудача? // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1 (6). С. 67.

2. Почта Ю.М. Политический ислам в контексте глобализации и роста фундаменталистских движений религиозного и светского характера в начале XXI века // PAX ISLAMICA. 2009. № 2(3). С. 159.

3. Бахревский Е. Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство. URL: <http://pda.regnum.ru/news/1467970.html>

⁹ Аватков В., Чулковская Е. «Мягкая сила» Турции в Германии и евразийская концепция Путина. URL: <http://www.regnum.ru/news/1535777.html>

4. Самедоглу Н. Стратегическая глубина и образец нового порядка. Режим доступа: <http://www.ru.journal-neo.com/node/8435>
5. Неоосманизм – новый внешнеполитический курс Турции. URL: <http://meast.ru/news/neoosmanizm-%E2%80%94-novyivneshnepoliticheskii-kurs-turtsii>
6. Стародубцев И.И. Некоторые теоретические подходы к формированию турецкой внешней политики в Центральной Азии в монографии А. Давутоглу «Стратегическая глубина». URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/07-06-12a.htm>
7. Турецкая политика неоосманизма на Балканах. URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=14027>
8. Почта Ю.М. Постсекулярное общество // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 291.
9. Аватков В., Чулковская Е. «Мягкая сила» Турции в Германии и евразийская концепция Путина. URL: <http://www.regnum.ru/news/1535777.html>

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В.А. Цвык*

Уважаемые читатели!

Данная книга увидела свет не случайно, и не случайно она носит название «Школа сравнений». В ней заключены два основных посыла – школа как научная преемственность поколений и сравнение как научное кредо. Вместе они как нельзя более точно характеризуют профессора Юрия Михайловича Почту, к 65-летию которого выпущена книга.

Профессор Ю.М. Почта более 30 лет проработал в стенах Российского университета дружбы народов. Его творческая биография широка и многогранна: и как преподавателя, и как ученого, и как руководителя, и как организатора научной работы, и как руководителя магистерских и аспирантских научных программ, и как председателя диссертационного совета, и как главного редактора журнала «Вестник РУДН. Серия “Политология”». Ключевой чертой Ю.М. Почты является многосторонность его интересов и способностей, что позволяет ему быть успешным во многих, порой очень разных направлениях. Многоаспектность и многогранность деятельности и интересов профессора Почты Ю.М. отразилась в структуре и содержании юбилейного сборника.

Профессор Ю.М. Почта ведет активную международную деятельность. Принимая участие в совместных научных исследованиях, во многих научных конференциях, в России и за рубежом, читая лекции в европейских и американских ВУЗах, он не только поднимает престиж университета и фа-

* **Цвык Владимир Анатольевич** – декан факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, заведующий кафедрой этики, доктор философских наук, профессор.

культета на международном уровне, но и создает новые перспективы, точки роста, открывает горизонты развития.

Особо следует отметить деятельность Юрия Михайловича по управлению совместными магистерскими международными программами, представляющим собой инновационную форму высшего образования, совмещающую образование и постижение культуры. Под управлением Юрия Михайловича, при поддержке руководства университета и факультета, кафедры сравнительной политологии не только стала флагом университета по количеству и развитию совместных международных магистерских программ, но вышла на новый уровень организации научной школы совместных постдокторальных исследований.

Последнее направление является предметом особых забот юбиляра, требуя огромных организационных, научных, исследовательских, дипломатических усилий. География этой деятельности простирается от Португалии до Китая. Не случайно в данном сборнике преобладают статьи по международной проблематике в сравнительных методологических координатах, являющихся лейт-мотивом исследований Юрия Михайловича. Отрадно, что наряду с маститыми учеными в сборник вошло много статей молодых коллег и аспирантов Юрия Михайловича и возглавляемой им кафедры, объединенных тематикой научных интересов профессора Почты.

Тематика диалога цивилизаций, предложенная проректором по науке профессором Н.С. Кирабаевым, создателем и первым деканом факультета гуманитарных и социальных наук, стала парадигмальной для всего факультета, выступает лейтмотивом основных научных исследований. В этом есть особая заслуга и Ю.М. Почты, который в течение ряда лет занимался организацией науки на факультете гуманитарных и социальных наук, активно принимал участие в организации международных научных конференций «Диалог цивилизаций: Восток–Запад», был неоднократным участником Мирового форума «Диалог цивилизаций» на Родосе. Его

авторская ниша в этой проблематике – сравнительный анализ политических культур, в результате чего был разработан его курс «Политическая культура: Россия–Запад–Восток», который прослушал каждый выпускник РУДН по политологии. Это нашло отражение и в проекции статей, посвященных гуманитарному измерению взаимодействия цивилизаций, межкультурному диалогу, признанию культурного плюрализма как ценности мирового развития.

В еще большей степени, чем сравнительное изучение политических культур, его научный интерес сосредоточен на исламской цивилизации. Знание арабского языка (наряду с английским и французским) позволяет ему черпать информацию для оригинального анализа политических процессов и дальнейшего сопоставления выводов с идеями ведущих западных и российских ученых – исламо- и востоковедов.

Профессор Ю.М. Почта признан как исламовед не только в научной среде. Он регулярно выступает в качестве независимого эксперта в эфире РИА Новости с комментариями на русском и английском языках по актуальным вопросам современной политики региона Арабского Востока, является участником информационно-аналитических программ редакции «Russia today» на английском и арабском языках. В настоящем сборнике представлена замечательная статья юбиляра, посвященная роли и статусу ислама в качественно новых условиях современности, а также работы молодых исследователей – магистров и аспирантов по данной тематике.

Ю.М. Почта, являясь признанным специалистом в своей области исследований, открыт и новым направлениям научных исследований. Для себя и своего коллектива он воспринимает их как вызовы и стимул к дальнейшему развитию. Так, получив приглашение в 2007 г. от НИУ ВШЭ участвовать в гранте в рамках Национального проекта «Образование», коллектив кафедры подготовил раздел монографии «Проблемы эффективности и реформы системы междуна-

родных многосторонних институтов», посвященной анализу деятельности России в международных организациях. Без сомнения, это дало бесценный опыт для новых разработок при подготовке магистров по специальностям «Политические проблемы глобализирующегося мира» и «Политические проблемы европейской интеграции», а также аспирантов по специальности «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Тогда же кафедра сравнительной политологии, участвуя в конкурсе, получила грант совместно с давним коллегой и другом нашего факультета, профессором Йельского университета Б.Г. Капустиным, по Аналитической ведомственной целевой программе «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях», что способствовало выходу серии статей в научных журналах, были разработаны спецкурсы, а тематика гражданского общества получила дальнейшее продолжение в исследованиях кафедры и стала одним из научных направлений. В настоящий сборник включен ряд статей по данной проблематике.

Как специалист по профессиональной этике должен отметить, что в этом вопросе Ю.М. Почта безупречен. Благодаря своей репутации Ю.М. Почта в течение ряда лет остается бессменным председателем Научно-технического совета РУДН, является экспертом ряда научных организаций. В научной работе его теоретические обобщения никогда не делаются в угоду сиюминутным идеологическим и политическим запросам и целям, его труды отличает безоценочность суждений и объективный научный анализ. Он поддерживает на кафедре, среди преподавателей и студентов тот высокий университетский дух, который характерен для «старой школы» профессоров *Alma Mater*. Его осторожность мудрого руководителя, умение разбираться в людях позволяют ему с успехом приумножать человеческий капитал кафедры. Не случайно многие ученики кафедры и Юрия Михайловича остаются верными учителю.

Дорогой Юрий Михайлович, впереди у Вас еще много свершений.

Пользуясь случаем, от лица всего факультета, его преподавателей и сотрудников, студентов и аспирантов и от себя лично я хочу поздравить Вас с юбилеем и пожелать Вам крепкого здоровья, счастья, успехов и благополучия.



СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

Известному специалисту по социальной философии, политологии, религиоведению, профессору, моему старому другу Юрию Михайловичу Почте 65 лет!

Юрий Михайлович принадлежит к той плеяде ярких и талантливых людей, которые накопили большой жизненный опыт еще до прихода на работу в РУДН, но окончательно сформировались в гражданском и профессиональном плане в стенах РУДН. Юрий Михайлович – один из выдающихся выпускников РУДН. Говоря словами классика, он – один из большого «гнезда птенцов станисовых».

Мы познакомились с Юрием Михайловичем еще в конце 1970-х гг., когда он поступил в аспирантуру кафедры философии. Он сразу выделялся (скажем откровенно, не в пример нынешним аспирантам) как зрелая, целеустремленная, сложившаяся, трезво, рационально мыслящая, умудренная жизненным опытом личность, имевшая за спиной служебную, про сути военную, командировку в не простых для жизни и работы странах Северной Африки. Полученное в РУДН фундаментальное юридическое образование способствовало формированию прочно устоявшегося круга научных и профессиональных интересов. Юрий Михайлович легко и быстро вписался в наш молодой тогда преподавательский философский коллектив.

История этого коллектива интересна сама по себе. По решению вышестоящей «инстанции», для качественного повышения уровня философско-гуманитарного образования в Университете дружбы народов (тогда еще имени Патриса Лумумбы) его собрал из молодых кандидатов наук, выпускников философских аспирантур разных вузов Союза легенда университета – ректор Владимир Францевич Станис. Владимир Францевич хорошо разбирался в людях, понимал значимость управленческого принципа «кадры решают все», умел работать с молодежью и направлять ее активность в

нужное русло. Мы все тогда были молодыми, принадлежали к одному поколению, общались на равных, были объединены стремлением стать профессионалами высокого уровня и любовью к философии, духом творческого поиска. Это, конечно же, передавалось студентам.

Со временем эта группа молодых преподавателей и аспирантов организовалась (что было нередко в «эпоху застоя») в интересный неформальный коллектив гуманитариев-профессионалов. Здесь в свободной обстановке (в «кухонной» в буквальном смысле этого слова) разгорались жаркие споры по животрепещущим проблемам политики, искусства, духовной культуры, театра, кино, книжных новинок и др. В творческой атмосфере рождались или выкристаллизовывались новые идеи, оттачивались философские позиции, точки зрения, концепции, которые впоследствии становились основой статей, диссертаций, монографий. Каждый приносил свое, а в результате – «институт повышения квалификации» (по нынешним меркам – «высшей пробы»), где была представлена широкая панорама мировой и отечественной философской мысли. Для многих этот коллектив стал местом, где они, по сути, продолжили свое образование.

Активным участником почти всех заседаний нашего «клуба» был Юрий Михайлович. Здесь, я думаю, окончательно и выкристаллизовались его научные интересы. Цивилизация как проблема философии истории, ислам, исламская цивилизация, взаимодействие основных мировых цивилизаций в современном мире, гражданское общество в России и в структуре мировых цивилизаций и др. – в этой группе проблем сконцентрировались научные интересы, сфера творческих поисков и духовного дерзновения юбиляра.

Казалось бы, это все происходило совсем недавно. И вот уже Юрию Михайловичу 65 лет! Впрочем, возраст замечательный. Время акмэ, творческого и жизненного расцвета. Отмечая свой юбилей, Юрию Михайловичу есть чем

гордиться. Много осмыслено, понято, усвоено, написано и сделано. И в то же время впереди еще немало времени для творческих дерзаний и поисков.

От всей души желаю юбиляру здоровья, долгих лет жизни, дальнейших творческих успехов. Горжусь дружбой с ним.

В.М. Найдыш

*доктор философских наук,
профессор, академик Академии гуманитарных наук,
Российской академии социальных наук,
зав. кафедрой онтологии и теории познания РУДН*



СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Кирабаев Н.С.)	3
---------------------------------------	---

РАЗДЕЛ 1

ИСЛАМ И ПОЛИТИКА

Почта Ю.М., Оберемко Т.В. Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна	13
Хлебников И.С. Статус и перспективы мусульманских общин в постсекулярных обществах: опыт РФ	35
Иванов В.Г. Эффект «естественного уровня образования» и его влияние на политические процессы «арабской весны»	54
Мчедлова М.М., Шевченко А.Г. Доктринальное и цивилизационное в межрелигиозном диалоге (пример России)	77

РАЗДЕЛ 2

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Золотарева Е.В. Луман: неофункциональный подход к исследованию социальных изменений.....	99
Найдыш В.М. Постмодерн, параполитика и кризис цивилизации	118
Гречко П.К. Электронные средства информации-коммуникации: образовательные и иные messages	136
Восканян А.Г. Дефицит демократии как политико-коммуникационный феномен в ЕС	145

Копалкина Е.А. Политический краудсорсинг как инструмент электронной демократии: проблемы и перспективы	172
Юханов Н.С. Блеск и нищета имитационного правления	189
Кинякин А.А. Суверенные фонды благосостояния как глобальные политико-экономические акторы: к определению понятий	193

РАЗДЕЛ 3

РОССИЯ–ЗАПАД–ВОСТОК:

ГУМАНИТАРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Казаринова Д.Б. проблема построения европейского гражданства в современной Европе	213
Дживанян Д.А. Мягкая сила Запада: на примере восточного партнерства ЕС	226
Чихринова А.И. Политические цели России в Афганистане: сравнительный анализ	234
Ягодка Н.Н. Развитие диалога институтов гражданского общества России и ЕС	253
Фролова О.А. Каналы и основные тенденции в политическом рекрутировании США (сравнительный биографический анализ)	268
Зубкова А.И. Мягкая сила как один из основных инструментов внешней политики Турецкой Республики	280
Вместо заключения (Цвык В.А.)	289
Слово о юбиляре (Найдыш В.М.)	294

Научное издание

ШКОЛА СРАВНЕНИЙ

**К 65-летию профессора
Юрия Михайловича Почты**

Редактор *К.В. Зенкин*
Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подбор и обработка материалов к изданию *Я.Н. Ковалев*

Подписано в печать 29.09.2014 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 17,44. Тираж 100 экз. Заказ 1292.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41